

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2
2019

No 2

IJSHR

2019

2/2019

**SOCIAL-HUMANITARIAN
REVIEW**

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

Editorial Board

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

Е.П. Бажанов,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

И.С. Барчуков,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

В.К. Батурин,
доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ю. Бельский
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Ю.Б. Борев,
доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

В.Н. Бузин,
кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук
(Российская Федерация)

I.V. Groshev,
doctor of economic sciences, doctor of psycholog-
ical sciences, Honored worker of science of Russia, professor

И.В. Грушев,
доктор экономических наук,
доктор психологических наук
заслуженный деятель науки РФ, профессор

Редакционная коллегия

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

Д.И. Грядовой,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

D. S. Patelis,
Associate Professor of Philosophy
Technical University of Crete

Д. С. Пателис,
Доцент философии
Технический университет Крита

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Д.Д. Долидзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.Л. Золкин,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

R. Kvarackheliya, doctor of law
(Georgia)

Р. Кварацхелия,
доктор юридических наук
(Грузия)

A. Kiknadze, doctor of politology
(Georgia)

А. Кикнадзе, доктор политологии
(Грузия)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.A. Lebedev,
doctor of philology
(Russian Federation)

А.А. Лебедева,
доктор филологических наук
(Российская Федерация)

V.A. Lerekhin,
doctor of philosophical science,
the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

В.А. Лепехин,
кандидат философских наук
генеральный директор Института ЕврАзЭС
(Российская Федерация)

A.M. Martazanov,
Doctor of Philological Sciences,
Professor, Rector of Ingush State University
(Russian Federation)

A.M. Мартазанов,
доктор филологических наук, профессор,
ректор Ингушского государственного университета
(Российская Федерация)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO
(Russian Federation)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.П. Садохин,
доктор культурологии, кандидат
философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.G. Skulmovskaya,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Honored Worker of Culture
of the Khanty Mansiysk Autonomous Okrug,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

Л.Г. Скульмовская,
доктор социологических наук,
профессор, Заслуженный деятель культуры
Ханты Мансийского автономного округа,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ (Российская Федерация)

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences, professor
Financialm University under the Government of the
Russian Federation

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук, доктор
психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

D.A. Skhirtladze,
doctor of medicine
(USA)

Д.А. Схиртладзе,
доктор медицины
(США)

L.N. Terman,
doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Т.Я. Фхакадзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

G.S. Chovdyrova,
doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

Г.С. Човдырова,
доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор
(Российская Федерация)

L. Sharvadze,
doctor of medicine
(Georgia)

Л. Шарвадзе, доктор медицины
(Грузия)

A.A. Shirinyants,
doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

А.А. Ширинянц,
доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

**Registration certificate
433103973**

Chief editor

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences,
professor

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

V.N. Zakaidze

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

+12157605939

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,
professor

3, Tze'Elim, Yokneam

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,
professor, academican of the IASP 30,

Gagarin str., Shymkent

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't bear responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works by authors of articles. Responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works are born only by authors of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

CONTENTS 2/2019

V.Y. BELSKY. Russian Tradition of Pedagogical Anthropology in Modern Philosophies Education	5
A.S. BOLDYREV, M.A. ZHARKOVA. Subjective Criteria for the Selection of the Middle Class in the Structure of the Modern Urban Society (on the MATERIALS of St.Petersburg)	9
A.N. BOROZDIN. The Concept of «Pochvennichestva» in the Ideological Spectrum of Russia	15
R.B. GANDALOEV, Y.A. BOGATIREV. Theoretical Foundations of Food Security	21
N.N. GUSEV. Preconditions of Civilizational Collapse	28
A.L. ZOLKIN. Ethos of Culture and Civilization Security	33
A.I. KALINICHENKO. The Idea of Legitimacy in the Works of Carl Schmitt and Guglielmo Ferrero	38
D.G. LOTCHAKOV. Conflict Potential Marginal Subculture of Migrants	41
A.P. HAVRAK, N.V. NIKOLAEVA. The Problem and Ways of Formation of the Humanistic Component of the Worldview of Students in Departmental Higher Education Institutions of the Interior Ministry	45
I.V. POLOZOVA. Ontological Foundation and Ethical Consequences of Axiological Systems	49
D.A. ZHYRAVLEV, A.D. PROKHOROV. Ideological Content of the Russian society	54
A.I. SATSUTA. Political Elite of Modern Russia	58
E.B. FURSOVA. Implementation of E-democracy Mechanisms	62
L.V. MOLODKINA. Philosophy of Travel and Tourism as a Form of Modern Cultural Communication	67
V.Y. BELSKY, M.V. KUSHNEROVA. The Socio-Political Role of Education in Ancient Greek Philosophical Tradition	73
D.N. BOROVIANSKAYA. Creative Thinking as a Necessary Condition for the Development of Modern Civilization	77
L.G. SKULMOVSKAYA. The Development of Public Initiatives in Improving Urban Environment: a Regional Aspect	81

СОДЕРЖАНИЕ 2/2019

**Свидетельство о регистрации
433103973**

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат
юридических наук, доктор
экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

В.Н. Закаидзе

Генеральный директор издательства

«ЮНИТИ-ДАНА»

123298 Москва,

ул. Ирины Левченко, д. 1 Тел./факс:

+7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д. 44,

Справедливая Грузия

Тел./факс: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Д. Схиртладзе,

доктор медицины

в США: штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,

ул. Эденкрофт Роуд 3565

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор

Июкнеам, ул. Цеелим, д. 8

E-mail: termn32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор,

академик МАНПО

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии

ООО «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

105066, Москва, ул. Новорязанская,

д. 38, стр. 1, пом. IV

Заказ

Редакция и внешние рецензенты не

несут ответственности за качество,

правильность и корректность

цитирования произведений авторами

статей. Ответственность за качество,

правильность и корректность

цитирования произведений

несут исключительно авторы

опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ. Русская традиция педагогической антропологии в современной философии образования 5

А.С. БОЛДЫРЕВ, М.А. ЖАРКОВА. Субъективные критерии выделения среднего класса в структуре современного городского социума (на материалах города Санкт-Петербурга) 9

А.Н. БОРОЗДИН. Концепция «почвенничества» в идеологическом спектре России 15

Р.Б. ГАНДАЛОЕВ, Я.А. БОГАТЫРЕВ. Теоретические основы продовольственной безопасности 21

Н.Н. ГУСЕВ. Предпосылки цивилизационного коллапса 28

А.Л. ЗОЛКИН. Этнос культуры и цивилизационная безопасность 33

А.И. КАЛИНИЧЕНКО. Идея легитимности в работах Карла Шмитта и Гульельмо Ферреро 38

Д.Г. ЛОЩАКОВ. Конфликтогенный потенциал маргинальной субкультуры мигрантов. 41

А.П. ХАВРАК, Н.В. НИКОЛАЕВА. Проблема и пути формирования гуманистической составляющей мировоззрения курсантов в ведомственных вузах системы МВД 45

И.В. ПОЛОЗОВА. Онтологические основания и этические следствия аксиологических систем 49

Д.А. ЖУРАВЛЁВ, А.Д. ПРОХОРОВ. Идеологическое содержание Российского общества 54

А.И. САЦУТА. Политическая элита современной России 58

Е.Б. ФУРЦОВА. Реализация механизмов электронной демократии 62

Л. В. МОЛОДКИНА. Философия путешествия и туризма как форм современной культурной коммуникации 67

V.Y. BELSKY, M.V. KUSHNEROVA. The Socio-Political Role of Education in Ancient Greek Philosophical Tradition 73

D.N. BOROVINSKAYA. Creative Thinking as a Necessary Condition for the Development of Modern Civilization 77

L.G. SKULMOVSKAYA. The Development of Public Initiatives in Improving Urban Environment: a Regional Aspect 81

Russian Tradition of Pedagogical Anthropology in Modern Philosophies Education

Русская традиция педагогической антропологии в современной философии образования

Vitaliy Yurievich BELSKY,
doctor of Philosophy, Professor,
head of the Department of sociology and political science
Moscow University of the MIA of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич БЕЛЬСКИЙ,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикота
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Для цитирования: В.Ю. БЕЛЬСКИЙ. Русская традиция педагогической антропологии в современной философии образования. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 5—8.

Annotation. The article deals with the main problems of the formation of domestic pedagogical anthropology on the basis of the philosophical analysis of the ideas of K.D. Ushinsky and S.I. Hessen. The article proves the relevance of the main principle of their pedagogical views — the definition of the essence of education should be based on the recognition of the idea that the subject of education is a person as such. This principle is considered in the perspective of reforming the modern domestic education.

Key words: education, culture, philosophy, pedagogical anthropology, civilization, labor education, moral education, personality

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы формирования отечественной педагогической антропологии на основе философского анализа идей К.Д. Ушинского и С.И. Гессена. Доказывается актуальность главного принципа их педагогических воззрений — определение сущности образования должно проводиться на основе признания идеи, что предметом философии воспитания является человек как таковой. Этот принцип рассматривается в перспективе реформирования современного отечественного образования.

Ключевые слова: образование, культура, философия, педагогическая антропология, цивилизация, трудовое воспитание, нравственное воспитание, личность

Основоположником русской педагогической антропологии по праву выступает К.Д. Ушинский (1824—1870) — выдающийся российский педагог-теоретик и практик. Он сосредоточил свое внимание на философии русской национальной традиции, полагая, что именно она отвечает духу самого народа, его ценностям, его потребностям, национальным культурам народов России. Цель философии воспитания для него — формирование активной и творческой личности, подготовка человека к физическому и умственному труду как высшей форме человеческой деятельности¹.

К.Д. Ушинский стремился решить одну из важнейших проблем педагогики — определения «основной идеи образования», исходя из принципа, что предметом воспитания является человек как таковой. В своем фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» он подвел итоги всем предшествующим исканиям.

В полном объеме осуществить замысел начатой работы ему не удалось; завершены были только две части — «Часть физиологическая» и «Часть психологическая», в которых К.Д. Ушинский рассмотрел физиологические законы деятельности человеческого организма и психические явления, ими обусловленные, с целью отыскать резервы воспитания и расширить сферу его влияния. Третий том, посвященный собственно педагогическим проблемам, не был завершен. Однако многочисленные статьи русского мыслителя дают возможность реконструировать его основные идеи, которые так или иначе должны были рассматриваться в этом томе.

Искусство воспитания, утверждал К.Д. Ушинский, опирается на данные антропологических наук как на комплексное знание о человеке, который живет в семье, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине

со своей совестью. Все это совершенно необходимо знать учителю, поэтому для подготовки таких учителей нужна была новая система педагогического образования². К.Д. Ушинский предложил создавать в каждом университете педагогический факультет, где изучался бы человек как органическое целое во всех проявлениях его природы и эти знания прилагались бы к искусству воспитания.

Антропологические знания в широком смысле слова дают возможность, по мнению К.Д. Ушинского, правильно, с учетом особенностей формирования и развития психики и физиологических особенностей развития определить содержание обучения и формы его организации. Было бы ошибкой считать, что К.Д. Ушинский сводил педагогическую антропологию к физиологии и психологии, занимая тем самым философско-редукционистскую позицию по отношению к человеку. Он выделил три основных принципа философии воспитания, которые никак нельзя свести к психологии и физиологии: народность, христианскую духовность и науку. Связывая цель воспитания с исторически сложившимся в России христианско-православным идеалом совершенства, мыслитель полагал, что лучшие черты русской народности рождены православием. В статье «О нравственном элементе в русском воспитании» (1860) он высказал мысль об органической связи педагогики и религии, полагая, что современная русская педагогическая мысль выросла полностью на христианской почве.

Исследователи зачастую обходили эту мысль стороной, считая ее данью времени и уступкой концепции «официальной народности». Однако православие для К.Д. Ушинского есть основа русской духовной и нравственной традиции. Его система нравственного воспитания ребенка исключала авторитарность, она строилась на силе положительного примера, на разумной деятельности ребенка. Он требовал от учителя развития активной любви к человеку, создания атмосферы товарищества. Он поставил перед учителем задачи научить учеников учиться, защищал принцип воспитывающего обучения, который представляет собой единство обучения и воспитания.

Таким образом, в своей педагогической антропологии К.Д. Ушинский опирался на ценностную модель православия, которую он

стремился согласовать с реалиями современной культуры. Так, труд служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья, поскольку является важнейшим фактором правильного психического развития ребенка и его воспитания. Существенное значение по этому вопросу имеет работа «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860). В данной статье, написанной накануне отмены крепостного права, ученый в резкой форме выступает против любых форм эксплуатации, отмечая, вместе с тем, нравственное значение творческого труда в процессе всестороннего развития и морального совершенствования личности.

Творческому труду в процессе нравственного воспитания К.Д. Ушинский придавал особое значение, поскольку подобный труд является высшей формой стремления человека к общественно-полезной деятельности. Ученый развивает мысль, напоминающую гегелевское философское рассмотрение отношения раба и господина: «как только необходимость труда... покидает какое-нибудь сословие, так оно и начинает быстро терять силу, нравственность и, наконец, самое влияние, начинает быстро вырождаться и уступает свое место другому, в среду которого переходит вместе с трудом и энергия, и нравственность, и счастье»³.

Труд связывает человека и природу, существование и явление, и потому указанная связь имеет социально-философское системообразующее значение. Данная связь выражена в том, что труд выступает как источник жизни, животворная сила. К.Д. Ушинский отмечает связь силы труда, творящей жизнь, с творением человеческого достоинства, нравственности и счастья.

К.Д. Ушинский, по сути, говорит о деятельности природы нравственности: «труд, исходя от человека на природу, действует обратным на человека не одним удовлетворением его потребностей и расширением их круга, но собственной своей, внутренней, ему одному присущей силой, независимо от тех материальных ценностей, которые он доставляет. Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства,

а вместе с тем и нравственности, и счастья. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится»¹.

Нам важно отметить то обстоятельство, что К.Д. Ушинский последовательно проводит социально-философскую точку зрения на существование человека как активного существа: человек не бездействует, пассивно воспринимая мир, и не остается исключительно в рамках умозрения. Напротив, по мнению ученого, человек осуществляет себя в трате своих сил, направленных на нечто реальное.

Недостаток нравственной ценности труда и губит тех людей, те социальные группы, те государства, кто, используя, чужой рабский или наемный труд, перестают трудиться сами, превращаясь в трутней. Следовательно, труд составляет для К.Д. Ушинского социальную сущность человеческой морали. «Труд неприятен нам как узда, накинутая на наше сердце, — писал он, — стремящееся к вечному, невозмутимому счастью, но без этой узды сердце, предоставленное необузданности своих стремлений, сбивается с дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигает бездонной пропасти ничем неутолимой скуки и мрачной апатии; если же оно мелко, то будет погружаться день за днем, тихо и незаметно в тину мелких, недостойных человека хлопот и животных инстинктов»⁵.

Следующая идея, имеющая системообразующее социально-философское и нравственно-психологическое значение, состоит в регулировании степени авторитетности воспитания. Дело в том, что воспитание может развить в человеке как его собственные мысли, так и полную его зависимость от мыслей чужих. Развитие личности требует социальной свободы и вместе с тем должно открывать возможности истинно доброго развития перед каждым человеком. При этом, воспитание не имеет права создавать вполне законченных убеждений, оно только открывает путь образованию убеждений на основе научного подхода. Вместе с тем, воспитание, по мнению К.Д. Ушинского, лишнее единства убеждения, не решившееся ни на какое положительное направление, не давая человеку никакой общественной идеи, к которой он мог бы привязаться, открывает ему две дороги: сделаться или эгоистом, или утопистом.

Отдельные аспекты педагогической антропологии К.Д. Ушинского были подвергнуты критике одним из ярких мыслителей русской эмиграции С.И. Гессеном, который скептически относился к идее о роли народности в образовании, считая ее расплывчатой и ненаучной, поскольку черты народного характера, по его мнению, не должны диктовать целей образованию.

Для любого народа и любого человека, с точки зрения С.И. Гессена, цель воспитания одна — освоение общечеловеческих ценностей. Образование, как он стремился показать, есть не столько развитие индивидуальности человека, сколько его насыщение культурными ценностями — науками, искусствами, нравственностью. Природный человек педагогическими средствами поднимается до уровня общечеловеческой культуры и выходит в лучших представителях человечества за ее пределы, тем самым личным творчеством обогащая ее.

С.И. Гессен доказывал, что в основу педагогического знания должна быть положена философия, поскольку без осмысления основных проблем воспитания нельзя выйти на решение частных вопросов педагогики. Отсюда и его вывод о том, что по сути своей педагогика является философским обоснованием образовательной деятельности. Поэтому не стоит преувеличивать значение физиология и психология для педагогики, что наблюдается в педагогических воззрениях К.Д. Ушинского, поскольку эти науки изучают «природного человека», его индивидуальность, а педагогика вписывается в более широкую область человеческой культуры как таковой.

Отметим, что неокантианец С.И. Гессен в своей критике К.Д. Ушинского не совсем прав. Повторим, что К.Д. Ушинский не закончил третий том своей педагогической антропологии, но те идеи, которые он высказывал в статьях, не дают никаких оснований ограничивать его педагогическую антропологию физиологическим и психологическим учением.

Поэтому и разногласия С.И. Гессена и К.Д. Ушинского не такие драматические, как это принято считать. Цель обучения, с точки зрения С.И. Гессена, заключается не в простой передаче учащимся знания основ наук и выработке практических умений и навыков, а в вооружении их методом науки, иными

словами, задача педагога заключается в том, чтобы подготовить школьников самостоятельно добывать знания, творчески применять их в жизни.

В этом важном аспекте между взглядами К.Д. Ушинского и С.И. Гессена нет противоречий. Задачи нравственного образования С.И. Гессен также связывал со свободной творческой деятельностью, которую он считал квинтэссенцией человеческой деятельности как таковой. Человек не рожден свободным, свобода не есть данное природой качество человека, она коренится в культурной реальности. Поэтому образованность С.И. Гессен рассматривал как одну из важнейших составляющих жизни человека наряду с цивилизованностью (уровень развития техники и экономики) и гражданственностью (наличие права и государственности, обеспечивающей реализацию правовых норм).

Реализации этой основной цели образования соответствует, по мнению Гессена, трудовая школа, которая отличается от профессиональной и от старой книжной, школы тем, что всякая практическая деятельность погружается в «целостность культуры и природы» и способствует развитию личности ученика. Для С.И. Гессена научное образование, целью которого выступает наука, знание, истина, так же, как и нравственное, воспитывает всего человека, все его способности, а не только умственные. Гессен подчеркивает принципиальное значение научного метода в образовании. Школа не должна стремиться дать ученикам как можно больше знаний, но призвана вооружить их научным методом.

Трудовая школа С.И. Гессена, в которой нравственное и научное образование служат достижению общей цели — развитию в ученике творческого начала, способствующего его самореализации через освоение культуры человечества, есть единая школа, поскольку предоставляет всем равные возможности достижения образованности. Понимание образования как пути к освобождению личности предполагает, что оно не заканчивается школой и университетом, оно длится всю жизнь и находит свое выражение в постоянном самообразовании.

И К.Д. Ушинский, и С.И. Гессен считали антропологию основанием педагогики, подчеркивали зависимость последней от философского решения проблемы человека и культуры. Для того, чтобы человек получил возможность сформировать личностные качества, стать личностью, которая мыслится как духовное единство человеческой жизни, он должен приобрести способность к оценке происходящего с точки зрения, выходящей за пределы частного взгляда на мир, способность подниматься к общему и всеобщему⁶.

Противоречие же между принципом народности К.Д. Ушинского и принципом общечеловеческих ценностей С.И. Гессена сегодня должно переосмыслено и разрешено на основе цивилизационного подхода к российскому образованию. Личность сегодня должна пониматься в цивилизационном контексте развития России⁷. Эта тема получает все более глубокое осмысление в отечественной литературе⁸.

Личность, обладающая способностью суждения в вопросах цивилизационной идентичности, может рассматриваться как перспектива и цель образовательной политики.

¹ Бельский В.Ю. Славянофилы и К.Д. Ушинский о русской нравственно-православной традиции // Православие и правосознание в России: История и современность. М., 2005. С. 97—100.

² Бельский В.Ю. К вопросу о ключевых социально-философских, антропологических и педагогических аспектах учения К.Д. Ушинского // Философские исследования и современность: Вып. 4. М., 2015. С. 41—58.

³ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988. Т. 2. С. 10.

⁴ Там же. Т. 2. С. 12.

⁵ Там же. Т. 2. С. 14.

⁶ Золкин А.Л. Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 7—9.

⁷ Лепехин В.А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 116—123.

⁸ Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке // Философские исследования и современность: Вып. 6. М., 2017. С. 323—351.

Subjective Criteria for the Selection of the Middle Class in the Structure of the Modern Urban Society (on the MATERIALS of St.Petersburg)

Субъективные критерии выделения среднего класса в структуре современного городского социума (на материалах города Санкт-Петербурга)

Andrey Stepanovich BOLDYREV,
Professor of the Department of philosophy and sociology
of St. Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, candidate of philosophical sciences,
senior lecturer
E-mail: office@unity-dana.ru

Marina Alexandrovna ZHARKOVA,
lecturer of the Department of philosophy and sociology
of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, candidate of sociological sciences
E-mail: office@unity-dana.ru

Андрей Степанович БОЛДЫРЕВ,
начальник кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Марина Александровна ЖАРКОВА,
преподаватель кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат социологических наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: А.С. БОЛДЫРЕВ, М.А. ЖАРКОВА. Субъективные критерии выделения среднего класса в структуре современного городского социума (на материалах города Санкт-Петербурга). Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 9—14.

Annotation. The article deals with the formation of the urban middle class in modern Russian society. The author conducted a discourse analysis of speeches of the St. Petersburg forum»s participants, identified the subjective criteria of the urban middle class. The author plans to conduct empirical research at the end of the article. The purpose of this research is to identify the connection between the urban infrastructure, social technologies and the development of the subjective middle class in Russia.

Key words: middle class, urban society, subjective criteria, self-identification, value identification, social technologies

Аннотация. Статья посвящена формированию городского среднего класса в современном российском обществе. Автором проведен дискурс-анализ речей участников Санкт-петербургских форумов, выявлены субъективные критерии городского среднего класса. В конце статьи автор планирует проведение эмпирического исследования, целью которого является выявление связи между городской инфраструктурой, социальными технологиями и развитием субъективного среднего класса в России.

Ключевые слова: средний класс, городской социум, субъективные критерии, самоидентификация, ценностная идентификация, социальные технологии

Социальной предпосылкой формирования и развития гражданского общества является большой удельный вес в обществе среднего класса. Средний класс — это совокупность домохозяйств, обладающих схожими признаками и объединяемые на основании объективных и субъективных критериев принадлежности.

Объективные критерии среднего класса в рамках репутационной классовой теории стратификации выделил американский социолог Л. Уорнер. Согласно его теории существует три критерия определения статуса человека: престиж профессии; уровень дохода в год, а также собственность, которой обладает этот

человек; образование — уровень и место получения¹. Данный подход является классическим, но не универсальным, не подходит для описания многих российских реалий.

Согласно современному конструкционистскому подходу к социальным явлениям происходит коммерциализация общества, любые феномены «подхватываются» и используются мейнстримом, происходит взаимовыгодное обогащение всех элементов постмодернистского общества. Образующийся новый средний класс является инструментом в передаче постмодернистских веяний в широкую аудиторию². Данная точка зрения актуальна и в изучении российского среднего класса.

В нашей стране сформировались методологические подходы к исследованию среднего класса, утверждающие: 1) наличие реально сформировавшегося среднего класса; 2) наличие нескольких средних классов; 3) отсутствие среднего класса, но наличие социальной базы для его формирования; 4) отсутствие и среднего класса, и социальной базы для его формирования (наличие среднего протокласса); 5) существование среднего класса как феномена столичных и крупных городов³.

Придерживаясь пятого методологического подхода к исследованию среднего класса и проанализировав разнообразные источники информации, мы пришли к выводу, что единый подход в определении объективных критериев городского среднего класса по неопределенным причинам в России не сформирован.

Приведем примеры различных исследований и прикладных подходов к определению среднего класса в стране, приводящие зачастую к кардинально противоположным результатам.

Специалисты Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) применяют экономический подход. Согласно мнению аналитиков, средний слой населения составляют те, чей душевой доход укладывается в три-пять прожиточных минимумов⁴. Таким образом, в Санкт-Петербурге средний слой — это люди, имеющие доход от 33 000 до 55 000 рублей⁵.

Эксперты Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА), синтезируя разнообразные объективные критерии среднего класса и применяя интегративный подход, высчитали в 2018 году, что для причисления к среднему классу жителю Санкт-Петербурга необходимо зарабатывать от 72,7 тыс. до 96,9 тыс. руб. Аналитики заявили, что люди из среднего класса могут позволить себе иметь недвижимость и автомобиль. У них высшее образование, они занимаются умственным трудом или предпринимательством⁶.

В 2012 году в статье для «Известий» действующий президент России В.В. Путин, занимавший на тот момент должность премьер-министра России, обозначил объективные социальные критерии среднего класса в стране, взяв за аналогию западную модель: «... это люди с доходами, которые... могут выбирать такую работу, которая им нравится, у них есть определенные накопления...»⁷.

Относительно доли среднего класса в российском обществе и западном мире также ведутся споры.

В своем докладе В.В. Путин указывает на то, что в России, по разным источникам информации, сформировалось 20—30% среднего класса⁸.

Аналитики швейцарского банка Credit Suisse в 2015 году выявили совершенно иное положение дел и заявили, что в России к среднему классу можно отнести лишь 4,1 процента граждан⁹.

Согласно новейшим статистическим данным — исследованиям Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации в первой половине 2018 года доля среднего класса выросла до 15%. Больше всего доля среднего класса оказалась в Москве, Санкт-Петербурге¹⁰.

Рассматривая важнейшие особенности среднего класса, его внутреннюю иерархическую структуру, мы решили подчеркнуть важность развития субъективного и ценностного подходов в исследованиях российского среднего класса. Согласно культурному подходу к социальным явлениям члены общества обладают определенными убеждениями, ценностями, нормами. Консенсус относительно надлежащего образа поведения обеспечивает стабильность и социальный порядок (представители подхода: Э. Дюркгейм, Т. Парсонс)¹¹. Понимание своего «я», мотивов и побуждений — это ключ к решению многих личных и общественных проблем. Именно поэтому вопрос самоидентификации среднего класса остается актуальным и по настоящий день.

Результаты исследований разнятся, но процент населения, относящий себя к среднему классу, стабильно высок. Например, по данным опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенного в 2015 году, три четверти жителей России относят себя к людям со средним достатком¹². Опрос 2016 года Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) показал, что в средний класс сами себя зачисляют 59% населения¹³.

В своем исследовании мы решили углубиться в тематику субъективных критериев, ценностной самоидентификации городского среднего класса и применили дискурсивный подход к исследованию идентичности¹⁴. Метод

был применен к анализу письменных форм речевого общения жителей города Санкт-Петербурга на сайтах и в социальных сетях, посвящённых обсуждению проблематики среднего класса в городском социуме. Поиск информации был осуществлен в поисковых системах, популярных среди российских пользователей: «Яндекс», «Рамблер» и «Google» и в социальной сети «ВКонтакте»¹⁵. Поиск групп был совершён по комбинациям из ключевых слов: «средний класс», «Санкт-Петербург», «форум».

В результате проведенного анализа было выявлено несколько тенденций.

1. Жители города Санкт-Петербурга осознают, что средний класс необходим современному российскому обществу, но при этом отсутствуют универсальное определение объективных критериев среднего класса и мотивация формирования данного класса со стороны государственных и муниципальных управленцев. Подчеркиваются психологическая готовность населения к социальному продвижению по стратификационной лестнице и важность уровня самоидентификации в данном процессе.

«... люди, которые работают, голосуют на выборах, воспитывают детей, живут и поддерживают нормы гражданского общества и самоидентифицируют себя как средний класс — по идее таковыми и являются», — высказался на эту тему участник форума Ауди клуба «Питер»¹⁶.

«Средний класс — это, прежде всего, самоопределение себя как части социума. Представитель среднего класса, знает, что он хочет, знает свое положение и действует для выполнения поставленных перед собой задач. По этим причинам средний класс и является основой цивилизованного государства... по доходам и имуществу измерять в корне не верно. Человек может трудиться на заводе и быть первоклассным незаменимым профессионалом, получая 30—40 тыс/мес. Он знает к чему стремиться и знает что хочет. Он есть средний класс. Другой пример: дите чиновника на Maserati, квартира есть, машина есть, но нет цели и самоопределения. Он — не средний класс...», — делает вывод участник форума Санкт-Петербурга «Независимый Петербург»¹⁷.

2. Критерием среднего класса согласно проведенному дискурс-анализу является наличие ресурсов, возможностей приобрести данные ресурсы для поддержания полноценной жизни.

*... средний класс определяется не возможностью платить налоги государству и содержать его, а, прежде всего, своими собственными возможностями. Ты вот можешь ведь взять квартиру в ипотеку? И я уверен, в Америке весь настоящий средний класс тоже берёт квартиры в ипотеку...*¹⁸

*ИМХО такое, что средний класс я лично понимаю так. Верхнее ограничение — отсутствие в собственности активов в объеме, позволяющем обеспечивать материальную жизнь на достаточном уровне (т.е. средний класс живет за счет собственной трудовой деятельности, при этом может и министром работать). Нижнее ограничение — доход позволяет иметь собственное жилье, автомобиль и выращивать детей с достойным образованием. Тут многое еще зависит от самого индивида — кому-то миллиона в год не хватит, кто-то на двадцать тыс. в месяц это все себе обеспечит*¹⁹.

3. В качестве ценностных критериев самоидентификации участники петербургских форумов выделяют: самостоятельность в жизни, экономическую свободу и свободу принятия решений, стабильность и безопасность, возможность самореализации и влияния на общество в целом:

*... для меня средний класс — это срез, который может позволить купить себе жилье, думает о будущем и своем месте в нем...*²⁰

Подробно данный критерий расписал участник форума Ауди клуба «Питер»: *«Для среднего класса характерны относительно высокое качество жизни, высокий уровень образования и хорошая подготовка по специальности, конкурентоспособность на рынке труда, создающая чувство безопасности, умение самостоятельно получать, анализировать и обобщать информацию о событиях, происходящих в стране, эффективная самореализация в обществе, активное воздействие на значимые социальные процессы, высокое чувство миссии, ориентация не только на себя и свою семью, но и на общество в целом»*²¹.

4. В качестве других ценностей пользователями выделяются: стремление к самоуважению, самоутверждению в социуме; стремление добиваться высот, развиваться, самореализовываться:

*...т.е., как-то так, относить к среднему классу людей достигших или стремящихся достичь экономического благополучия...*²²

*... все просто. Если котлету в руке держит — низший класс. Если эту котлету ножом и вилкой кушает — средний. Представитель высшего класса будет держать котлету также в руке — т.к. он всего добился и ему не нужно ничего никому доказывать в этой жизни...*²³

5. Жителями мегаполиса констатируется социальная зависимость среднего класса от общества потребления и выбора соответствующего стиля жизни:

*Мы живем в обществе потребления, это печально! Теперь принадлежность к определенному социальному классу определяется не по уровню образования, воспитания... не по уровню доходов, а по тому, как много и часто человек скупает всякое... мы делим людей на классы по принципу узнаваемости каких-то брендов и псевдомодных вещей*²⁴.

*... это представитель общества потребления... и он раб своего статуса уровня потребления. И государство экономически в нем заинтересованно: чтобы он потреблял, брал кредиты и др. В противном случае современная дутая экономика, давно уже удовлетворяющая не естественные и не необходимые потребности человека рухнет...*²⁵

Делаем вывод, что средний класс — это социальное объединение, имеющее сложную структуру. Этот стратификационный слой состоит из людей, которые сами устраивают свою жизнь, в достаточной степени заинтересованы в сохранении своего социального статуса. Без опоры на средний класс фундаментально решить задачи консолидации и стабилизации российского общества фактически невозможно.

В связи с отсутствием единого теоретического подхода к определению понятия «средний класс» и методологического подхода к выделению объективных границ среднего класса целесообразно уделить внимание субъективному подходу к формированию и развитию среднего класса в стране, особенностям самоидентификации, ценностным ориентациям жителей крупных городов.

В результате теоретического и эмпирического исследования было выяснено, что идентификация жителей Санкт-Петербурга со средним классом носит преимущественно положительный и адекватный характер, что является сильной мотивацией к адаптации к меняющимся условиям жизни в условиях неус-

тойчивой социальной структуры российского общества и социальной трансформации. Были выявлены наметившиеся субъективные критерии городского среднего класса:

1) психологическая готовность населения к продвижению по стратификационной лестнице;

2) наличие ресурсов или возможностей для приобретения ресурсов с целью поддержания полноценной жизни;

3) самостоятельность, социальная стабильность, возможность самореализации и влияния на социум, свобода выбора;

4) стремление к самоуважению, самореализации и социальному продвижению;

5) соответствующий уровень культурного развития;

6) непосредственная связь среднего класса с потребительским образом жизни.

У молодежи, вопреки родительским предписаниям, классовому происхождению, больше потребительских выборов, а свобода выбора — это основной субъективный критерий среднего класса. Кроме того, наметились позитивные тенденции в ценностном развитии российской молодежи:

1) увеличение инновационного потенциала;

2) рост самостоятельности, инициативности, мобильности;

3) заинтересованность в конечных результатах деятельности;

4) ответственность за свою судьбу;

5) целеустремленность;

6) тенденция получения престижного качественного образования как источника формирования личного и профессионального успеха и будущего благосостояния;

7) интегрирование в мировые экономические и политические процессы (участие в форумах, конференциях, саммитах)²⁶. Перечисленные тенденции говорят о ресурсной готовности подрастающего поколения формировать средний класс в стране.

Формирование устойчивого среднего класса в рамках современного российского общества подразумевает систематизированное применение социальных технологий. К социальным технологиям формирования устойчивого городского среднего класса с учетом проведенного исследования можно отнести:

1) формирование общественного мнения о необходимости проведения сильной социальной политики вообще и политики формирования и развития среднего класса — в частности;

2) проведение научных исследований по проблематике среднего класса в России;

3) обобщение и распространение опыта работы государственных и общественных институтов в области формирования городского среднего класса;

4) оказание поддержки молодежным общественным объединениям, которые направляют активность молодежи в сторону развития среднего класса;

5) налаживание информационного обеспечения развития социальных лифтов в городской среде; активизация использования социальных сетей, СМИ для информирования населения;

6) укрепление позитивного имиджа государственных, региональных, муниципальных и общественных структур, играющих важную роль в формировании среднего класса в России.

В рамках программы: «Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года» предусмотрено внедрение технологии социального лифта²⁷. В Санкт-Петербурге в рамках молодежного самоуправления действуют районные молодежные советы, основная задача которых — это продвижение молодежных инициатив и принятие реального участия в жизни города²⁸. В городе происходит активное формирование системы поддержки молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности и развитие трудовой, проектной активности молодежи путем развития профильных студенческих отрядов²⁹. Кроме того, действует Первый городской бизнес-инкубатор — данная организация оказывает всестороннюю поддержку начинающим малым петербургским предприятиям³⁰.

В рамках синергетического подхода для формирования цельного систематизированного гибкого социального организма необходимо сочетать разнообразные, в том числе и противоречащие друг другу, подходы и технологии³¹. Например, это активизация воздействия на подрастающее поколение как формальных, так и неформальных институтов; учет и формирование критериев сверху — объективных критериев, и снизу — формирование условий для реализации потребностей среднего класса; совмещение идеи индивидуальности и социального порядка. Важно ориентироваться на перспективную линию, которая состоит в переводе ценностного выбора россиян из адаптивности в проективность.

Выяснить, каким образом городская инфраструктура, городские ресурсы и технологии

могут повлиять на формирование и развитие субъективного среднего класса в России — является целью предстоящего исследования. Исследование данных взаимосвязей на примере крупного российского города Санкт-Петербурга является целесообразным и актуальным. В качестве методов исследования планируется использовать методы фокус-группы и экспертного интервью. Всего с представителями среднего класса планируется провести 10 фокус — групп по 5—7 человек. Критерием отбора участников групповых дискуссий является субъективная идентификация со средним классом. Полуформализованное интервью предполагается провести при помощи метода снежного кома с представителями государственной власти, общественных организаций, частных предприятий. На основе полученных данных будет создана эффективная модель формирования и развития городского среднего класса в условиях современного российского общества. В рамках модели предусматривается выделение определенных социальных связей и отношений, способных привести к запуску механизма формирования и развития городского среднего класса в России.

Список литературы

1. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер; пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 619 с.
2. Активность в России стоит от 60 тыс. руб. [Электронный ресурс]: официальный сайт Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА). 19.06.18. РБК. Режим доступа: <https://www.acsratings.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).
3. Георгий Полтавченко встретился со студенческими отрядами Санкт-Петербурга в КЦ «ПетроКонгресс». [Электронный ресурс]: официальный сайт КЦ «ПетроКонгресс», 20 февраля 2018. Режим доступа: <http://www.petrocongress.ru/news>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).
4. Здравомыслов Г.А. Российский средний класс — проблема границ и численности. / Социологические исследования. М. 2001. № 5. С. 76—85.
5. Организация работы с молодежью: введение в специальность: учеб. пособие / под ред. Е.П. Агапова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 446 с.
6. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить. Известия. 16 января 2012 года // <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения 16.04.2019).
7. Тихонов, А.В. Социология управления / А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.

8. Что значит в России «средний класс». 20 июня 2018 // [Электронный ресурс]: сайт РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

9. Muggleton D. Inside subculture: The Postmodern Meaning of Style / D. Muggleton. Oxford: Berg, 2000. 198 p.

10. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour / J. Potter, M. Wetherell. L.: Sage, 1987. 256 p.

11. Warner W.L. Social Class in America // Social Stratification in Sociological Perspective. Westview Press, 1994. P. 190—196.

¹ See: Warner W.L. Social Class in America // Social Stratification in Sociological Perspective. Westview Press, 1994. P. 190—196.

² See: Muggleton D. Inside subculture: The Postmodern Meaning of Style / D. Muggleton. Oxford: Berg, 2000. P. 52, 53.

³ См.: Здравомыслов Г.А. Российский средний класс — проблема границ и численности / Г.А. Здравомыслов // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 76—85.

⁴ См.: Официальный сайт Всероссийского центра уровня жизни населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vciug.ru/> (дата обращения 16.04.2019).

⁵ См.: Прожиточный минимум. [Электронный ресурс]: официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. Режим доступа: <http://gov.spb.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

⁶ См.: Активность в России стоит от 60 тыс. руб. [Электронный ресурс]: официальный сайт Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА). 19.06.18. РБК. Режим доступа: <https://www.acra-ratings.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

⁷ См.: Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить. Известия. 16 января 2012 года // <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения 16.04.2019).

⁸ См.: там же.

⁹ См.: Что значит в России «средний класс». 20 июня 2018 // [Электронный ресурс]: сайт РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

¹⁰ См.: Официальный сайт Финансового Университета при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fa.ru> (дата обращения 16.04.2019).

¹¹ Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер; пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. С.44.

¹² См.: Официальный сайт Фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru> (дата обращения 16.04.2019).

¹³ См.: Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru> (дата обращения 16.04.2019).

¹⁴ See: Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour / J. Potter, M. Wetherell. L.: Sage, 1987.

¹⁵ См.: Средний класс. [Электронный ресурс]: веб-форум Санкт-Петербурга SpbTalk.Ru, с 2011 г. Режим доступа:

<https://www.spbtalk.ru/threads/39160>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019); Средний класс — перспективы в России. [Электронный ресурс]: веб-форум Санкт-Петербурга «Невафорум», с 2010 г. Режим доступа: <http://nevaforum.ru/topic/19222-srednij-klass-perspektivy-v-rossii>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019); Средний класс — это о Вас? [Электронный ресурс]: веб-форум Ауди клуба «Питер», с 2010 г. Режим доступа: <http://www.audipiter.ru/forum/topic/33770-srednij-klass-eto-o-vas>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019); А что для Вас, средний класс? [Электронный ресурс]: веб-форум клуба «Питерская горнолыжная конференция», с 2010 г. Режим доступа: <http://ski.spb.ru/conf/index.php?showtopic=31789>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019); Особенности среднего класса в России [Электронный ресурс]: веб-форум Санкт-Петербурга «Независимый Петербург», с 2014 г. Режим доступа: <http://forum.spb.name/socium/2316-osobennosti-srednego-klassa-v-rossii.html>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

¹⁶ Zatorik, участник форума Ауди клуба «Питер».

¹⁷ Antro, участник форума Санкт-Петербурга «Независимый Петербург».

¹⁸ Fly_Lom, участник форума клуба «Питерская горнолыжная конференция».

¹⁹ Drgo, участник форума клуба «Питерская горнолыжная конференция».

²⁰ alex22, участник форума клуба «Питерская горнолыжная конференция».

²¹ Гость 777, участник форума Ауди клуба «Питер».

²² razdolbaeff, участник форума Санкт-Петербурга «Невафорум».

²³ IdemNaVostok gugu, участник форума Санкт-Петербурга «Независимый Петербург».

²⁴ Viper, мужчина, автомобиль: Audi, участник форума Ауди клуба «Питер».

²⁵ Дроздов Иван, участник форума Санкт-Петербурга SpbTalk.Ru.

²⁶ См.: Организация работы с молодежью: введение в специальность: учеб. пособие / под ред. Е.П. Агапова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014.

²⁷ См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р / Доступ из информационно-правового портала «Консультант Плюс» (дата обращения 16.04.2019).

²⁸ См.: Молодежные советы. [Электронный ресурс]: официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. Режим доступа: <http://gov.spb.ru>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

²⁹ См.: Георгий Полтавченко встретился со студенческими отрядами Санкт-Петербурга в КЦ «ПетроКонгресс». [Электронный ресурс]: официальный сайт КЦ «ПетроКонгресс», 20 февраля 2018. Режим доступа: <http://www.petrocongress.ru/news>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 16.04.2019).

³⁰ См.: Официальный сайт Первого городского бизнес-инкубатора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://start-business.ru> (дата обращения 16.04.2019).

³¹ См.: Тихонов А.В. Социология управления / А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.

The Concept of «Pochvennichestva» in the Ideological Spectrum of Russia

Концепция «почвенничества» в идеологическом спектре России

Arkady Nikolaevich BOROZDIN,
candidate of philosophical sciences, docent, professor of the
Department of sociology and political science of Moscow
University of the MIA of Russia of V. Ya.Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич БОРОЗДИН,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя
E-mail: rinabora@mail.ru

Для цитирования: А.Н. БОРОЗДИН. Creative Концепция «почвенничества» в идеологическом спектре России. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 15—20.

Annotation. Explores the features by views of the pochvennichestva ideologists on the problem of civilization identity of Russia and prospects of its historical development.

Key words: soil, civilization, world civilization, Russia, Europe, slavophilism, identity, Slavdom, Orthodoxy, autocracy, nationality, conservatism, westernizer

Аннотация. Исследуются особенности взглядов идеологов почвенничества на проблему цивилизационного своеобразия России и перспектив ее исторического развития.

Ключевые слова: почва, цивилизация, мировая цивилизация, Россия, Европа, славянофильство, самобытность, славянство, народность, православие, самодержавие, консерватизм, западничество

В начале 60-х годов XIX века наряду с основными идеологическими течениями в России — славянофильством и западничеством, оформилось новое направление — так называемое «почвенничество», основными представителями которого были братья Ф.М. и М.М. Достоевские, Ап.А. Григорьев, Н.Н. Страхов. Весьма условное объединение этих писателей и общественных деятелей было недолгим и не во всем единым в идеологических построениях. Так, например, Ап. Григорьев писал Страхову о братьях Достоевских: «...схожусь с ними не во всем, а во многом расхожусь совершенно»¹. Объединяющими же началами было отношение к двум основным идеологическим течениям того времени — славянофильству и западничеству и к пониманию народных начал — «почве». Ф.М. Достоевский и Ап. Григорьев полагали, что как славянофилы, так и западники были «теоретиками», оторвавшимися от реальной русской жизни, от *почвы*. Претензию на их новую позицию четко выразил Григорьев: «...со мною связано целое направление... — явно единственно истинное в настоящую минуту...», ибо «...и славянофильство,

и западничество суть продукты головные, рефлексивные...», а его правда, правда А. Григорьева, заключается в том, что «...она, tant bien que mal², порождение жизни». И далее совершенно безапелляционно — «Мы не ученый кружок, как славянофилы и западничество: мы — народ»³.

В свою очередь, Ф.М. Достоевский намеревался осуществить примирение этих течений на основе синтеза их наиболее ценных идей и наработок. Пореформенное общество, по его мнению, на первый план выдвинуло вопрос о том, что собой представляет русский народ на фоне того, что «...наше общество пришло к сознанию своей особенности от других западноевропейских народов». Но такой жизненный вопрос, по мнению Ф.М. Достоевского, никогда не решится по теории. Ибо «теория хороша, но при некоторых условиях». Недостаток ее заключается в том, что она формализована и, следовательно, — ограничена. Она часто старается подгонять реальную жизнь под свои теоретические установки и догматы, «закрывать глаза на факты»⁴, помещая жизнь в узкие рамки своей концепции.

Еще жестче высказывался Ап. Григорьев: «...известна моя глубочайшая вражда... к теории с ее узостью жизненного захвата и с ее деспотизмом, ...с ее прокрустовыми ложами, ради которых растягивается или урезывается все, что не по их мере...»⁵. Словом, — «суха теория мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Отсюда и теоретическая зашоренность, по их мнению, двух основных идейно-политических течений: западничества и славянофильства. Первые «составив себе теорию западноевропейской общечеловеческой жизни и встретясь с вовсе не похожей на нее русской жизнью, заранее осудили эту жизнь». В свою очередь теоретики-славянофилы, «приняв за норму старый московский идеальчик, тоже зараз осудили в русской жизни все, что не укладывалось в их узкую рамку»⁶. Более жестко в отношении западничества и, пожалуй более верно по отношению к славянофилам высказывался иногда А.А. Григорьев: «...сказали одни, мы не люди, и для того, чтобы быть людьми, должны отречься от своей самости. Из этого ...вытекала теория западничества, со всеми ее логическими последствиями», а другие сказали «более смелые и решительные, наша жизнь — совсем иная жизнь, хоть не менее человеческая, шла и идет по иным законам, чем западная»⁷.

В вышеприведенных же рассуждениях Ф.М. Достоевского, конечно, подспудно имелась ввиду не вся историческая, тысячелетняя жизнь Руси, а только лишь ее последний на то время, послепетровский этап с его активной попыткой внедрения западноевропейских ценностей и образцов поведения и жизненного образа в целом: «Неужели мы в полтора столетия хотя бы quasi-европейской жизни не вынесли ничего доброго и только внутренне развратились, изжились, потеряли всякие задатки жизни? ...Неужели общечеловеческие элементы, проводником которых с Запада в русскую жизнь всегда по возможности была литература, — мы должны признать источником лжи и фальши, разъединяющей наше общество?»⁸. Но в этой критической оценке двух идеологий обращает на себя внимание неоднократно употреблявшийся Достоевским специфически уничижительный термин — «московский идеальчик». Более того, он жестко заявляет о том, что убеждения славянофильства — это «голос

фанатизма», ибо оно «не хочет спуститься с своей допетровской высоты, презрительным взглядом окидывает настоящую русскую жизнь, лорнирует ее сквозь свое московское стеклышко и ничего не находит в ней такого»⁹, к чему можно было бы отнестись сочувственно.

В данном случае подобные оценки являлись следствием своеобразной позиции Достоевского, да и Ап.Григорьева, по отношению к Европе и трактовки Достоевским сущности русского идеала: «...русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность»¹⁰. Отсюда и стремление примирить ценности и идеалы Западной Европы и исторической России, а соответственно и западников со славянофилами, которые были слишком последовательны в своих теоретико-идеологических установках. Действительно, любая теория предполагает наличие логики и последовательности, непротиворечивости в своем построении. Стремление же искусственно соединить две противоположно направленные и методологически разнородные идеологии, практически неизбежно ведет к противоречивости, непоследовательности и малодоказательной декларативности. Субъективность устремлений начинает превалировать над объективной оценкой реального исторического процесса. Исходные идеологические, мировоззренческие установки на абстрактную всечеловечность ведут к декларации всепримиримости. Но не ведет ли такая установка на всепримиримость к определенной всеядности и конформизму? А главное — как органично соединить в этой всецелости и всечеловечности западноевропейскую цивилизацию со специфическим русским миром, особой русской цивилизацией. Сам же Достоевский признавал, что «реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила, она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался»¹¹. Оевропеившиеся «верхи» потеряли связь со своим народом, стали для него инородным образованием.

Пытаясь разрешить эту конфликтную ситуацию, почвенники выступили с призывом — вернуться к народу, к его правде, вернуться к «почве». Почва — это основа, на которой все держится, это — «народные начала», а именно — народные традиции, понятия, верования, стремления, то есть все то, что Достоевский

определял как «народную правду». А для того, чтобы вернуться к «почве», верхам русского общества необходимо вернуться к народу, его правде: «Мы сознали необходимость соединения... с нашей родной почвой, с народным началом... *ибо мы не можем существовать без него*: мы чувствуем, что истратили все наши силы в отдельной от народа жизни»¹². Сходный подход к трактовке сути «почвенничества» проявлялся и в размышлениях Ап. Григорьева, правда в более мистифицированно-религиозном духе. «Почва, это есть глубина народной жизни, таинственная сторона исторического движения. Весь пафос «самобытности» направлен у него на это погружение в глубину народности ... он ищет новой историософской концепции. В этой новой концепции тайна русской народности раскрывается в Православии. ...Православие было для Григорьева выявлением именно глубины русского духа...»¹³.

При этом, в отличие от некоторых славянофилов, Ф.М. Достоевский не идеализировал простой русский народ, но, в то же время, призывал судить о нем не по его реальному состоянию, а по его идеалу, его устремлениям: «Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. ...Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасали его в века мучений;...»¹⁴. Именно народные идеалы, а не проевропейские пристрастия, ценности и устремления «верхов» должны быть определяющими для России: «Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами, или нам за народом? ...Я отвечу искренно: ...это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народной и признать ее за правду...»¹⁵. Только в этом случае можно будет преодолеть раскол дворянства и всего, так называемого, «образованного общества», с народом (причиной которого были петровские реформы и неприятие народом навязываемой западноевропейской цивилизации, сохранившим в основном допетровские начала жизни).

Достоевский полагал, что слияние с народом обеспечит дальнейшее развитие страны

своим самобытным русским путем, без революционных потрясений как в Европе. Надо осознать и принять этот народный идеал и понять, наконец, что «мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»¹⁶. В этой установке Достоевский вполне солидаризировался с соответствующими постулатами славянофильства. Но в отличие от многих из них он занимал гораздо более мягкие и временами противоречивые позиции в отношении Западной Европы и, соответственно, петровских реформ. Заявляя, что народ наш «национален и стоит на том изо всей силы, а мы — общечеловеческих убеждений, да и цель свою поставили в общечеловечности, а стало быть, безмерно над ним возвысились», Достоевский пытался по своему согласовать национальное с всечеловеческим: «Всякий великий народ верит и должен верить, ... что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной». Более того, он утверждал, «что так было со всеми великими нациями мира, древнейшими и новейшими, чтоб только эта лишь вера и возвышала их до возможности, каждую, иметь, в свои сроки, огромное мировое влияние на судьбы человечества». По его мнению, все в России, и западники, и славянофилы «все же сходятся и сводятся к этой одной окончательной общей мысли общечеловеческого единения», но так как «этого чувства нет еще нигде ни в одном народе», то именно общечеловеческое единение и есть наша «национальная идея; именно *национальная*»¹⁷.

Не обошел вниманием проблему влияния народов на судьбы человечества и Ап. Григорьев, но положил в его основу православное, «стихийно-историческое начало», базировавшееся, в свою очередь, на этнической основе, которое «на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата — должно обновить мир, — вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием...»¹⁸.

В свою очередь, другой приверженец «почвенничества» Страхов Н.Н., будучи, в то же время, сторонником, защитником и популяризатором историко-социологической доктрины культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, в отличие от Достоевского и Григорьева, да и славянофилов, решал эту проблему в ином ключе: «Н.Я. Данилевский первым почувствовал и призрачность этих понятий об истории, и всю опасность и мечтательность этих притязаний на будущее первенство. Нельзя не подивиться той ясности ума и чуткости сердца, которая обнаружилась в этом случае»¹⁹.

Достоевский же, обосновывая свою концепцию «общечеловечности», полагал, что первым шагом к общечеловеческому в России было желание «переродиться в европейцев, хотя бы по виду только», но «иначе и нельзя было начать. ...Мы именно должны были начать с презрения к своему и своим»²⁰. Но результат оказался довольно плачевным, так как «...все на нас в Европе смотрят с насмешкой... Не хотели европейцы нас почтить за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае... И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих». Вот уж поистине — самооплевыванием уважения не заработаешь.

Извращенное стремление к так называемой всечеловечности через самоотрицание, посредством попугайничанья и обезьянничанья (выражаясь словами славянофила А.И. Кошелева²¹), ни к чему хорошему привести не может. Это был вынужден с горечью зафиксировать и Достоевский: «Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!» Тем не менее, Достоевский, стараясь все таки объединить идеи национального и общечеловеческого, полагал, что если «общечеловечность есть идея национально русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, ... перестать презирать народ свой» и тогда и европеец «...тотчас же начнет... нас самих уважать»²². Действительно, хорошо известно, что кто сам себя не уважает, того никто уважать не будет.

Но главное в том, что, как заявлял сам же Достоевский, «...мы знаем и понимаем все

европейские идеи, а ...они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут...». Но в таком случае возникает вопрос — возможно ли уважение без способности понять? Но даже если и возможно какое-то уважение в такой ситуации, то реально ли добровольное объединение без понимания? А Ф.М. Достоевский тем не менее настаивал на том, что «...нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе Отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама»²³. Опять же возникает вопрос: *кому это всем* Европа «дорога как Россия», — всем верхам, или им и всему русскому народу, 90% которого составляло крестьянство, знавшее только что Наполеон с двенадцать языков приходил завоевывать Россию, да и во время Крымской войны опять же «дорогие» европейцы пожаловали к нам, но не объединяться, а побеждать и покорять «русских варваров»? Так что мечты и умозрительные прожекты, это одно, а реальная жизнь — нечто иное.

Тем не менее, внешне концепция Достоевского выглядит почти диалектически стройной: сначала отречение от своего национального со стремлением к всечеловечности через европейничанье. Следующий этап — «когда восполнится и закончится цикл нашего европейничанья и мы все воротимся на родную почву всецело». И уже третий, заключительный этап — «всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, *гарантированное* уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства...»²⁴.

Указывая на то, что этап европейничанья должен закончиться и необходимо обратиться к своим национальным, самобытным основам, Достоевский конечно же был несравненно ближе к славянофилам, чем к современным ему западникам, которых он критиковал за рабски-лакейское подражательство Европе. Но идея синтеза европеизма и российской самобытности, базирующаяся на постулате все-

человеческого объединения в любви и братстве, больше похожа на социальную утопию, где идеал красив и привлекателен, а вот пути и средства его достижения вызывают многочисленные вопросы по части реализуемости. В этом отношении гораздо последовательнее были, например, Н.Н. Страхов и Н.Я. Данилевский с их акцентом не на абстрактных общечеловеческих, вселенских проектах, а на проблемах развития конкретных народов, цивилизаций, хотя тот же Данилевский тоже не смог избежать утопизма в своих проектах общеславянской федерации.

Цивилизационный же образ России у Ф.М. Достоевского получился исторически переменчивым и подчиненным, так называемым общечеловеческим ценностям. Гораздо более трезвый, хотя тоже временами переменчивый, был у Достоевского подход к проблеме отношений со славянским миром (в отличие от Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского, идеализировавших, в определенной степени, славянский мир). Наряду с последовательной и активной поддержкой освободительной борьбы славянских народов, он сделал гениальный по своей точности и прозорливости прогноз по вопросу отношения славян к России после того, как они с ее помощью, во многом оплаченной русской кровью, получат эту свободу: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, - не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! ...Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь ... именно с того, что выпросят себе у Европы ... ручательство и покровительство их свободе ... именно в защиту от России, ... Убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... Долго ...еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России... Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской

крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации»²⁵. Прогноз весьма и весьма точный, вплоть до деталей, хотя и достаточно нелицеприятный. Но даже прозорливый Достоевский вряд ли мог предположить, что со временем подобную позицию займут не только западные и южные славяне, но и изрядная часть малороссов и даже белорусов.

В целом же, Ф.М. Достоевский до конца жизни фактически находился в поиске точного выражения цивилизационного содержания и исторического предназначения России, ее места и роли в мире. И в этом отношении он предвосхитил некоторые инвективы современного российского так называемого евразийства (но не первоначального, классического евразийства 20—30-х годов — достаточно четко противопоставлявшего Россию Западной Европе). В частности, в одной из своих последних статей 1881 году Достоевский писал по-прежнему, что «нам нельзя оставлять Европу... Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы многое взяли от нее, и опять возьмем...». Но тут же заявлял: «А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем... И если бы совершилось у вас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!»²⁶. Этот новый принцип, новый взгляд на дело нашел свое выражение в следующих размышлениях Достоевского: «Необходимо совершенное изменение доселешнего взгляда на себя, как на европейцев, и признание, что мы и азиаты настолько же, насколько и европейцы — даже больше, и что миссия наша в Азии даже важнее, чем в Европе — пока, пока, разумеется». И далее: «Россия, положим, в Европе, а главное — в Азии. В Азию! В Азию!!!»²⁷. Эти установки Достоевского отчасти (только в части определения восточного вектора) напоминают призывы К.Н. Леонтьева повернуться лицом к Востоку и более того — для «...достижения *своей* цивилизации русским выгоднее проникнуться турецким и, индийскими, китайскими началами...»²⁸. В то же время, они явно противостоят

не только идеалам западников, но и славянофилов, искавших собственные основы развития русской цивилизации; и более позднего славянофильства в лице Н.Я. Данилевского, делавшего упор на общеславянскую цивилизацию, да и своих соратников-почвенников. Тот же Ап. Григорьев достаточно критично относился к якобы «азиатскому быту» России и сетовал на «...скудную и однообразную почву не русского, а русско-татарского быта...»²⁹, на «...близость Азии, порядочно отвратительной всякому европейцу»³⁰. Да и Н.Н. Страхов, сотрудничавший одно время с Достоевским, а впоследствии поддерживавшим во многом цивилизационные установки Н.Я. Данилевского, будущее России видел не в азиатских мотивах и устремлениях, а в следовании своим собственным русским традициям и основам, в уяснении того, «что мы сами по себе, что мы не европейцы, а просто русские...», того, что «из людей отвлеченных, из общеевропейцев, из почитателей цивилизации, какова бы она ни была, ...мы волея-неволей должны превратиться в русских. Все наносное и прививное, весь этот мир идей без жизненного корня, в котором мы жили, должен рассыпаться и развеяться, как скоро пробуждается в душе действительное чувство, действительные желания и потребности»³¹. Эти цивилизационные изыскания и славянофилов, и Н.Н. Страхова в следующем столетии получили предельно четкое и законченное воплощение в известном чеканной формулировке И.Л. Солоневича: «...русская национальность, государственность и культура с чрезвычайной степенью резкости отражают индивидуальные особенности русского народа, принципиально отличные от индивидуальных особенностей и Европы, и Азии. Россия — не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это — просто — Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток»³².

Тем не менее, размышления Ф.М. Достоевского, как, впрочем, и А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова, — о необходимости поиска

новых принципов, нового взгляда на развитие России четко выразили существенную особенность русской философской и социально-политической мысли, а именно — постоянный идейный, научный творческий поиск в осмыслении проблем развития как мировой цивилизации, так и уникальной, самобытной русской цивилизации, ее места и роли в мировом развитии.

¹ Григорьев А.А. Одиссея последнего романтика: Поэмы. Стихотворения. Драма. Проза. Письма. Воспоминания об Аполлоне Григорьеве. М., 1988. С. 436.

² Худо-бедно (фр.).

³ Там же. С. 410—412.

⁴ Достоевский Ф.М. Политическое завещание: Сб. статей за 1861—1881 гг. М., 2006. С. 62.

⁵ Григорьев А.А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 150.

⁶ Достоевский Ф.М. Политическое завещание: Сб. статей за 1861—1881 гг. М., 2006. С. 61—62.

⁷ Григорьев А.А. Апология почвенничества, С. 479.

⁸ Достоевский Ф.М. Политическое завещание. С. 68.

⁹ Достоевский Ф.М. Политическое завещание. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Цит. по: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 117.

¹³ Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград. 1991. Т. I. Часть 2. С. 214—215.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 2010. С. 270; Достоевский Ф.М. Сила и правда России М., 2018. С. 266.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. С. 272.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 18. Л., 1978. С. 36.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский. М., 1997. С. 502—503, 506.

¹⁸ Григорьев Аполлон. Воспоминания. М., 1988. С. 300—301.

¹⁹ Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 398.

²⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский. М., 1997. С. 506—507.

²¹ См.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). М., 2002. С. 56.

²² Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский. М., 1997. С. 508—509.

²³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 2010. С. 502—503.

²⁴ Там же. С. 502—508.

²⁵ Достоевский Ф.М. Политическое завещание: Сб. статей за 1861—1881 гг. М., 2006. С. 364—369.

²⁶ Там же. С. 443.

²⁷ Цит. по: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. С. 116.

²⁸ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 66.

²⁹ Григорьев А.А. Апология почвенничества. С. 460, 499.

³⁰ Григорьев А.А. Одиссея последнего романтика. С. 430.

³¹ Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 53—54.

³² Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск, 1998. С. 15.

Theoretical Foundations of Food Security

Теоретические основы продовольственной безопасности

Ruslan Bashirovich GANDALOEV,
candidate of political sciences,
counsel in Russian Academy of national economy and public
administration under the President of Russian Federation
E-mail: RusSud@bk.ru

Руслан Баширович ГАНДАЛОЕВ,
кандидат политических наук,
юрисконсульт в Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: RusSud@bk.ru

Yakub Alievich BOGATIREV,
Deputy Minister of health of RI
E-mail: 06_yakub@inbox.ru

Якуб Алиевич БОГАТЫРЕВ,
Заместитель министра здравоохранения РИ
E-mail: 06_yakub@inbox.ru

Для цитирования: Р.Б. ГАНДАЛОЕВ, Я.А. БОГАТЫРЕВ. Теоретические основы продовольственной безопасности. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С 21—27.

Annotation. At the present stage of development of society ensuring food security of the territory is becoming increasingly important, representing a key problem that is global. Its solution is an essential condition for creating an atmosphere of well-being both in the world as a whole and in each individual country.

Аннотация. На современном этапе развития общества обеспечение продовольственной безопасности территории становится все более актуальным, представляя собой ключевую проблему, которая носит глобальный характер. Ее решение представляет собой неотъемлемое условие для создания атмосферы благополучия как в целом в мире, так и в каждой отдельной стране.

Key words: food security, territory, of the decree of the President of the Russian Federation, the Law of the Republic of Bashkortostan

Ключевые слова: Продовольственной безопасности, территории, Указа Президента Российской Федерации, Закон Республики Башкортостан

Несмотря на то, что изучению продовольственной безопасности и различным аспектам благосостояния населения уделено достаточно внимания в экономической науке, приходится констатировать, что многие аспекты этой проблемы до сих пор остаются дискуссионными¹.

В отношении понятия «продовольственная безопасность» необходимо отметить, что впервые оно было введено в практику в 1974 г. на состоявшейся в Риме Всемирной конференции по проблемам продовольствия, организованной Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (FAO) после резкого роста мировых цен на зерно. Однако сущность данной категории была определена лишь спустя 20 лет.

В Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности (13.11.1996 г.) подчеркивается, что продовольственная безопасность представляет собой особое состояние экономики, при котором не только всему

населению страны, а также каждому отдельному индивиду гарантировано получение доступа к продуктам питания, питьевой воде и прочим пищевым продуктам, которые обладают качественными характеристиками, которые необходимы индивиду, а также доступны в необходимом ассортименте и объеме для того, чтобы обеспечивать достаточное физическое и социальное развитие личности, здоровье нации в целом и расширенное воспроизводство населения².

В России разработку проблемы продовольственного обеспечения начали осуществлять в начале XX в. Н. Кондратьев, А. Чайнов, Н. Бухарин и др.

В начале 60-х годов в работах Майера В.Ф., Рутгайзера В.М., Шевцова И.С. были рассмотрены и определены взаимосвязи потребления с производством, рассмотрены принципы установления оптимальных пропорций производства и потребления³.

Кроме того, в период 1994—1997 гг. вышел ряд научных публикаций, которые рассматривали продовольственную безопасность России. Среди данных исследователей можно работы Е.Н. Борисенко, В.В. Милосердова, Ю.С. Хромова и др.⁴

Существенный вклад в решение проблемы обеспечения продовольственной безопасности внесли такие ученые, как А.И. Алтухов, Д.Ф. Вермель, Р.Р. Гумеров, М.Я. Корнилов, В.В. Милосердов, И.Г. Ушачев и др.

Вторая половина 90-х годов XX века ознаменовалась тем, что термин «продовольственная безопасность» начал широко использоваться не только в официальных документах, но и в научной литературе.

Несмотря на это, анализ источников по исследуемой проблеме позволяет утверждать, что до настоящего времени в России так и не сложилось четкого научно обоснованного и нормативно закреплённого представления о данной категории (табл. 1.1).

Таблица 1.1. **Определение термина «продовольственная безопасность» в нормативно-правовых документах**

<i>Документ</i>	<i>Определение</i>
Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120	«состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни»
Указ Президента РФ «О стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12.05.2009	«продовольственная безопасность может быть обеспечена за счет развития биотехнологий, импортозамещения по ключевым продуктам питания, а также путем снижения процессов истощения земельных ресурсов, снижения численности пахотных земель, захвата национальных рынков иностранными компаниями, бесконтрольного распространения продукции, которая получена из генно-модифицированного сырья

Источник: составил автор.

Исходя из данных, представленных в таблице 1.1, видно, что продовольственная безопасность представляет собой многоаспектное понятие.

Следует заметить, что в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12.05.2009 г. № 537 используются разные подходы к основным направлениям обеспечения продовольственной безопасности.

Так, в результате анализа данных документов можно сделать вывод, что в Стратегии национальной безопасности «продовольственная безопасность» является более узким понятием, чем «национальная безопасность», и соотносится с ним как «род — вид». В упо-

мянутом Указе Президента РФ наиболее важным является то, что в нем впервые закреплены все основные термины, используемые применительно к рассматриваемой теме.

Безусловно, многие из этих терминов будут вызывать оживленные дискуссии среди ученых и практиков. В данном Указе закреплены и другие ключевые категории, такие как «показатель продовольственной безопасности», «критерий продовольственной безопасности», «рациональные нормы потребления пищевых продуктов», «экономическая доступность продовольствия» и т.д.

В ряде регионов страны приняты и действуют свои законы о продовольственной безопасности. При этом, в некоторых субъектах России подобные законы были приняты до принятия Указа Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утвер-

ждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»⁵.

Так, в Законе Республики Башкортостан от 4 февраля 2000 г. № 51-з «О продовольственной безопасности Республики Башкортостан» дается следующее определение продовольственной безопасности: «продовольственная безопасность Республики Башкортостан состояние экономики Республики Башкортостан, в том числе ее агропромышленного комплекса, которое обеспечено соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями и при котором без уменьшения государственного продовольственного резерва независимо от внешних и внутренних условий удовлетворяются потребности населения в продуктах питания в соответствии с физиологическими нормами питания»⁶.

Позднее Законом Республики Башкортостан от 30 марта 2006 г. № 292-з «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «О продовольственной безопасности Республики Башкортостан» из данного определения слова «без уменьшения государственного продовольственного резерва независимо от внешних и внутренних условий»⁷ были исключены.

Согласно Закона Приморского края от 15 ноября 2001 г. № 163-КЗ «О продовольственной безопасности Приморского края» продовольственная безопасность Приморского края определяется как состояние экономики Приморского края, в том числе агропромышленного комплекса, при котором обеспечивается продовольственная независимость Приморского края и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни.

В Законе Рязанской области от 14 октября 2005 г. № 109-ОЗ «О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия на территории Рязанской области» под продовольственной безопасностью понималось состояние экономики Рязанской области, в том числе агропромышленного комплекса, при котором достигается продовольственная обеспеченность области и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольственных товаров для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни человека⁸.

Однако позже Законом Рязанской области от 3 ноября 2009 г. № 140-ОЗ «О внесении изменений в Закон Рязанской области «О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия на территории Рязанской области» трактовка продовольственной безопасности изложена в следующей редакции: «продовольственная безопасность — состояние экономики Рязанской области, при котором достигается продовольственная обеспеченность области и гарантируется физическая и экономическая доступность для населения области пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации в области обеспечения их безопасности и качества, в объемах не меньше рациональных норм потребления основных пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни»⁹.

В Законе г. Москвы от 12 июля 2006 г. № 39 «О продовольственной безопасности города Москвы» продовольственная безопасность города Москвы определяется как состояние экономики и социальной сферы города Москвы, при котором имеются условия для удовлетворения потребностей жителей города Москвы в основных видах продовольствия. Под основными видами продовольствия понимаются пищевые продукты, являющиеся основой рациона питания для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности жителей города Москвы¹⁰.

Аналогичное определение было дано в Законе Ульяновской области от 4 мая 2008 г. № 69-ЗО «О продовольственной безопасности Ульяновской области» (продовольственная безопасность Ульяновской области — состояние экономики и социальной сферы Ульяновской области, при котором имеются условия для удовлетворения потребностей жителей Ульяновской области в основных видах продовольствия¹¹.

Позднее Законом Ульяновской области от 23 декабря 2011 г. № 242-ЗО «О внесении изменений в Закон Ульяновской области «О продовольственной безопасности Ульяновской области» и Закон Ульяновской области «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области» определение продовольственной безопасности

изложено в следующей редакции: «продовольственная безопасность Ульяновской области — состояние экономики Ульяновской области, при котором гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого жителя Ульяновской области пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни»¹².

Аналогичное определение дается в Законе Нижегородской области от 9 августа 2011 г. № 111-3 «Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области» продовольственная безопасность в Нижегородской области определяется как состояние эко-

номики Нижегородской области, при котором гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого жителя Нижегородской области пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни¹³.

Здесь приведены далеко не все определения, которые представлены в законодательных актах субъектов РФ. Как видно, многие определения похожи, но некоторые имеют свои специфические особенности.

На рисунке 1.1 представлены схематично даны выявленные подходы к определению продовольственной безопасности.

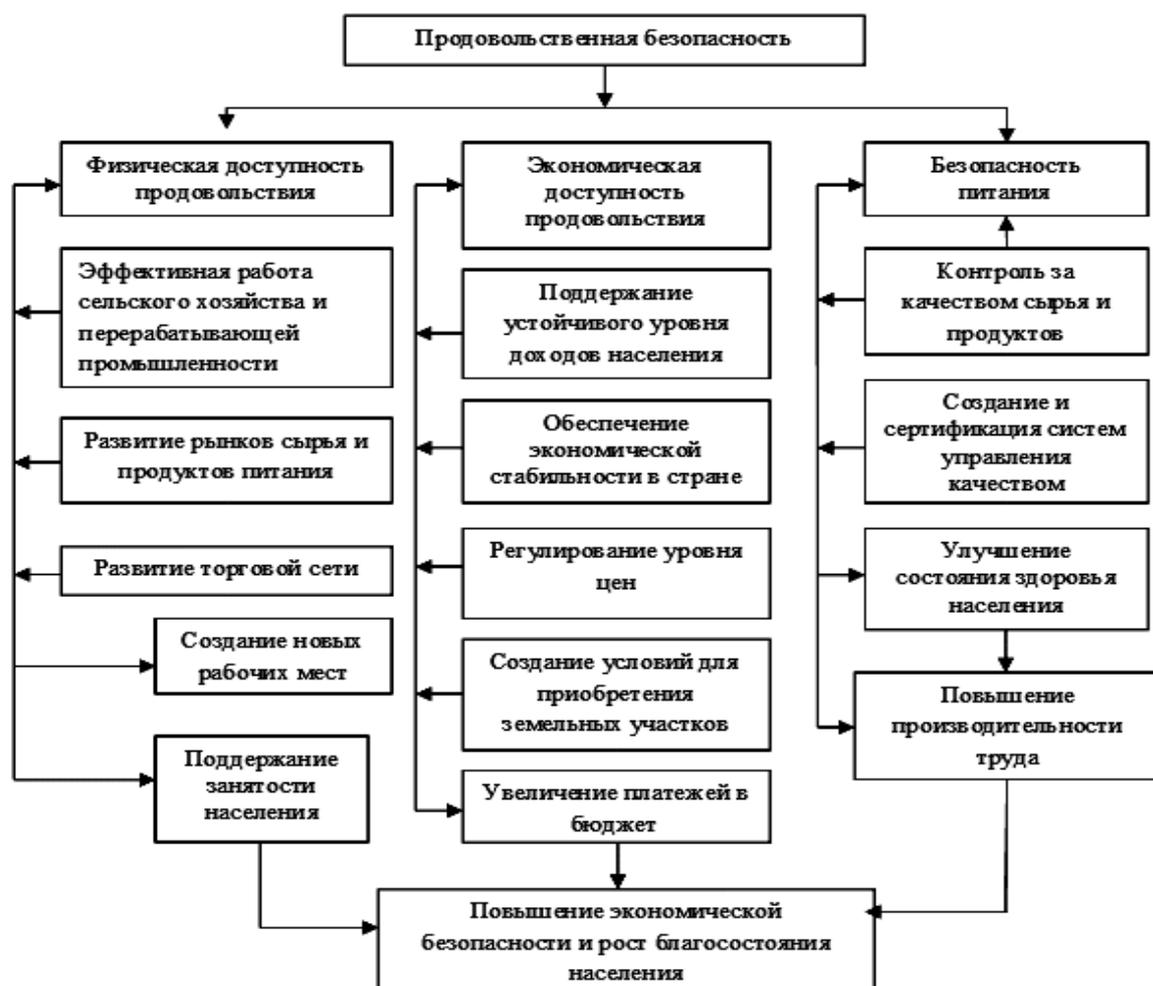

Рис. 1.1. Подходы к определению понятия «продовольственная безопасность»

Изучение научных трудов как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных сущности продовольственной безопасности, позволяет сделать вывод о сложности и многоаспектности этой категории.

На наш взгляд, продовольственная безопасность являет собой такое состояние продовольственных ресурсов, которое обеспечивает покрытие потребности населения в продовольствии, при этом удовлетворение данной потребности происходит за счет продукции

отечественного производства в объемах, достаточных для осуществления благополучной жизнедеятельности населения.

Другими словами, говорить о продовольственной безопасности можно только в том случае, когда любой человек в любой временной промежуток имеет как физический, так и экономический доступ к продуктам питания, которые позволяют вести нормальный здоровый образ жизни.

Таблица 1.2. Уровни продовольственной безопасности¹⁴

Уровень	Субъект, решающий проблему	Функции субъекта
1. Глобальный	ООН, специализированные органы (ФАО, ВТО, Комитет по продовольственной безопасности, Всемирный банк и др.)	Содействие стабильному экономическому развитию, долговременные программы борьбы с голодом, создание запасов продовольствия.
2. Субрегиональный	Межрегиональные образования с соответствующими органами, форумы	Содействие стабильному экономическому развитию, улучшение качественных параметров продовольствия.
3. Межнациональный (межгосударственный)	Региональные объединения и соответствующие органы управления. Слабо организованы (исключение – ЕС)	Солидарное поведение путем заключения соглашений по торговле, ценам, стандартизации.
4. Государственный	Правительства, законодательные органы	Создание законодательной, нормативно-правовой и ресурсной базы для обеспечения продовольственной безопасности, формирование соответствующих фондов и их резервов. Определение направлений повышения параметров качества продовольствия.
5. Местный	Территориальные органы управления (район, область)	Создание условий для получения доходов в домашних хозяйствах. Снабжение продуктами и контроль качества.
6. Группы населения	Домашние хозяйства по группам доходов	Достижение доходов, обеспечивающих рациональное потребление.
7. Семейный	Домашние хозяйства	Приобретение и использование продуктов питания и др.

Рассматривая структуру продовольственной безопасности, можно прийти к заключению о том, что она также представляет собой многоуровневую иерархию, в основе которой стоит субъект, решающий продовольственную проблему, и его функции (табл. 1.2).

Вопросы и проблемы, связанные с обеспечением продовольственной безопасности на глобальном (мировом) уровне, регулируются международными организациями и специализированными структурами (ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, ВТО — Всемирная торговая организация, Комитет по продовольственной безопасности (Комитет по всемирной продо-

вольственной безопасности (КВПБ) считается наиболее открытой международной межправительственной платформой для совместной работы всех сторон, заинтересованных в обеспечении продовольственной безопасности и питания для всех. Комитет подчиняется Генеральной Ассамблее ООН через Экономическому и Социальному Совету Организации Объединённых Наций (ЭКОСОС) и Конференции ФАО¹⁵) и др.). Важнейшая их функция — содействие стабилизации экономик государств в целях обеспечения необходимого уровня развития в человеческом измерении.

Аналогичные вопросы на субрегиональном уровне регулируются соответствующими

органами и форумами, способствующими экономическому развитию союзов и блоков, других объединений государств, решающими задачи улучшения качественных параметров продовольственного обеспечения. Примером формирования такого рода объединений является Европейский союз.

На региональном уровне продовольственную безопасность определяют региональные соглашения по вопросам солидарного поведения в области торговли, ценообразования, стандартизации продукции, качественных параметров и др.

Субъекты национального уровня включают в себя органы законодательной власти, чья деятельность направлена на поддержание стабильности экономического развития, формирование государственных фондов, на обеспечение баланса предложения и спроса внутреннего продовольственного рынка¹⁶.

Субъекты регионального управления (осуществляющие власть на местном уровне) обеспечивают продовольственную безопасность путем снабжения населения продуктами питания, путем осуществления контроля за их качеством, создавая все условия населению для получения дохода.

Субъекты, определяющие продовольственную безопасность на уровне групп населения, — социальные группы, задача которых состоит в обеспечении доходами, необходимыми для минимального потребления.

В качестве субъектов семейного уровня, обеспечивающих продовольственную безопасность, выступают домашние хозяйства, функция которых заключается в приобретении и использовании продуктов, организации сбалансированного питания.

Исходя из анализа отечественных источников по исследуемой проблеме, можно сделать вывод о недостаточности внимания, уделяемого такой категории, как «продовольственная безопасность региона».

Ряд ученых считает некорректным употребление понятия «продовольственная безопасность» в отношении регионов, поскольку рынок страны представляется им единым, внутри страны барьеры отсутствуют в сфере перемещения продовольствия между регионами.

Например, Вермель Д.Ф. и Алтухов А.И. говорят не о региональной продуктовой безо-

пасности, а про региональные особенности обеспечения продовольственной безопасности всей страны. Все регионы России подразделяются авторами на две группы¹⁷:

- регионы, ввозящие продовольствие;
- регионы, вывозящие продовольствие.

Каждая из этих групп включает в себя ряд подгрупп регионов в зависимости от особенностей природно-экономических условий и региональной специализации сельскохозяйственного производства.

Существует также другая точка зрения, которая является противоположной первой. Так, А.А. Лылов считает, что относительно регионов термин «продовольственная безопасность» должен быть рассмотрен так же, как и применительно к каждой отдельно взятой стране¹⁸.

Этого же мнения придерживается и А.И. Костяев, определяющий продовольственную безопасность как «способность производственной системы, хранения, переработки, оптовой и розничной торговли равномерно обеспечивать в течение всего года каждую группу населения, проживающую на определенной территории, продуктами, которые соответствуют медицинским нормам, в нормальных объемах потребления¹⁹».

Следует отметить, что продовольственная безопасность региона формируется и действует за счет тех же объективных законов, за счет которых формируется и функционирует продовольственная безопасность отдельных стран и всего мира.

На региональном и государственном уровнях осуществляется вывоз продовольствия в другие регионы и страны. И тот, и другой уровни обеспечения продовольственной безопасности способствуют повышению качества жизни и исключают возможность возникновения локальных проявлений голода.

Таким образом, обобщив и уточнив существующие подходы к пониманию сущности исследуемой категории, мы пришли к заключению, что продовольственная безопасность региона включает в себя такое состояние производственной системы, при котором все категории населения любой территории будут обеспечены продуктами максимально собственного производства, обладающими качественными характеристиками не ниже принятых медицинских норм.

¹ Котенко А.А. Экономическая безопасность: сущность, оценка и закономерности обеспечения в трансформирующемся обществе / А.А. Котенко. Калининград: ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. 192 с.

² Римская декларация по всемирной продовольственной безопасности (Рим, 13.11.1996 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.g20civil.com/ru/documents/205/577/>

³ Лубова Т.Н. Межрегиональный сравнительный анализ показателей финансовой безопасности Приволжского федерального округа // Молодой ученый. 2009. № 5. С. 53—60.

⁴ Григорьева М.А. Сущность и содержание процесса обеспечения продовольственной безопасности России // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 113—116.

⁵ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 502.

⁶ О продовольственной безопасности Республики Башкортостан. Закон Республики Башкортостан от 4 февраля 2000 г. № 51-з // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2000. № 6(108). Ст. 394.

⁷ О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «О продовольственной безопасности Республики Башкортостан». Закон Республики Башкортостан от 30 марта 2006 г. № 292-з // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2006. № 9(231). Ст. 543.

⁸ О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия на территории Рязанской области. Закон Рязанской области от 14 октября 2005 г. № 109-ОЗ // Рязанские ведомости. 2005. 19 октября. № 227.

⁹ О внесении изменений в Закон Рязанской области «О продовольственной безопасности и рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия на территории Рязанской области». Закон Рязанской области от 3 ноября 2009 г. № 140-ОЗ // Рязанские ведомости. 2009. 7 ноября. № 217.

¹⁰ О продовольственной безопасности города Москвы. Закон г. Москвы от 12 июля 2006 г. № 39 (в ред. от 16 июля 2014 г.) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2006. 2 августа. № 43.

¹¹ О продовольственной безопасности Ульяновской области. Закон Ульяновской области от 4 мая 2008 г. № 69-ЗО (принят ЗС Ульяновской области 24 апреля 2008 г.) // Ульяновская правда. 2008. 8 мая. № 38(22.697).

¹² О внесении изменений в Закон Ульяновской области «О продовольственной безопасности Ульяновской области» и Закон Ульяновской области «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области».

¹³ Закон Нижегородской области от 9 августа 2011 г. № 111-З «Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области»

¹⁴ Григорьева М.А. Сущность и содержание процесса обеспечения продовольственной безопасности России // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 113—116.

¹⁵ Комитет по всемирной продовольственной безопасности <http://www.fao.org/cfs/ru/>

¹⁶ Украинский В.В., Анастасова А.В., Ряснянская А.А., Касьяненко И.М. Обеспечение продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности продукции России в связи с вступлением в ВТО // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы IV Международ. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 142—146.

¹⁷ Алтухов А.И., Вермель Д.Ф., Лысенкова Т.М., Силаева Л.П. и др. Методические рекомендации по прогнозированию развития межрегиональных и межгосударственных продовольственных и сырьевых связей Российской Федерации. М., ВНИЭСХ, ГПУСЗ Минсельхозпрода России, 1999.

¹⁸ Лылов А.А. Проблемы региональной продовольственной безопасности в Сибири // Научные основы разработки и реализации региональных программ стабилизации и развития АПК, систем введения агропромышленного производства и обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Новосибирск: СибНИИЭСХ. 1998. С. 152—153.

¹⁹ Костяев А.И., Тимофеев М.У. Национальная и региональная продовольственная безопасность // Региональная экономика: стабилизация и развитие: сборник научных трудов. Т. 1. М.: ВНИЭТУСХ. 2000. СС. 500—517.

Preconditions of Civilizational Collapse

Предпосылки цивилизационного коллапса

Nikolay Nikolaevich GUSEV,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
associate professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot,
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич ГУСЕВ,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Научная специальность по публикуемому материалу: политическая социология

Для цитирования: Н.Н. ГУСЕВ. Предпосылки цивилизационного коллапса. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 28—32.

Annotation. The preconditions that lead to the collapse of civilization are analyzed. On the examples of the modern crisis of the world, Western and some other civilizations the conditions and factors of loss of system integrity, degradation and disintegration are revealed.

Key words: collapse, crisis, civilization, migrants, anti-system elements, civilizational identity, socio-cultural factors, economic-political and ecological-geographical factors, social deviation, dysfunction, expansion, USA, Western civilization

Аннотация. Анализируются предпосылки, которые приводят к коллапсу цивилизации. На примерах современного кризиса мировой, западной и ряда других цивилизаций раскрываются условия и факторы, приводящие к утрате системной целостности, деградации и распаду.

Ключевые слова: коллапс, кризис, цивилизация, мигранты, антисистемные элементы, цивилизационная идентичность, социо-культурные факторы, экономико-политические и эколого-географические факторы, социальная девиация, дисфункции, экспансия, США, западная цивилизация

Коллапс цивилизации — общая проблема, касающаяся возможного будущего любой цивилизации. Можно ли противостоять этой угрозе, или она с неизбежностью достигнет утратившее способность выживать человеческое сообщество — вопрос не только высокой теории, но, прежде всего, практико-ориентированного ума.

Проблема краха цивилизаций сопутствует истории человечества. Казалось бы, длительное время существовавшие цивилизации уже самой длительностью своего существования защищены от распада. Присущая им отлаженная экономика, достаточно эффективная система управления, единое вероисповедание, этнонациональное единство — весомые гарантии стабильности общества. Когда они перестают действовать, в силу каких причин это происходит, что запускает механизм разрушения?

Если изначально исключить фактор войны, завоевания, необходимо выделить предпосылки цивилизационного коллапса, которые

могут действовать как единичные, так и в разнообразных связках друг с другом.

Как представляется, прежде всего, следует проанализировать угрозы существованию, которые сама цивилизация может нести внутри себя, в своих, так называемых скрепах — определенных системных характеристиках общества. К ним относятся такие социокультурные факторы как общая длительная история; общность (единство) религии; единство духовных ценностей и понимание справедливости; принятие большинством цели и параметров саморазвития; чувство принадлежности к единому государственно-политическому, территориальному и культурному пространству. Девиантные проявления в них, в целом присущие любому целостному социальному саморегулирующемуся организму, имеют различные степени градации и в обычной обстановке являются приемлемыми для обеспечения целостности и стабильности.

В то же время именно эти факторы на пике девиантности и ее вдруг возникшего доминирования порождают, поддерживают, питают, обеспечивают дисфункции важнейших социальных институтов.

Важность социокультурных скреп как раз и состоит в том, что они определяют системное качество, а их стабильность позволяет преодолевать негативное действие факторов, дестабилизирующих и приводящих общество к кризису. Социокультурные факторы цивилизации характеризуют состояние субъектов исторического процесса, их общий (преобладающий) настрой на поддержание и сохранение единства, способность и желание переносить испытания трудностями переживаемого этапа развития.

Даже на примере отдельной страны в современных условиях можно видеть действие этих факторов. Так, процессы последних лет на Украине показали, что субъективные установки в сфере политики, попытка изменения вектора цивилизационного развития¹, перемены в умонастроениях населения, различных слоев и регионов наряду с действием других факторов приводят к краху государственности. Страна вследствие политики, проводимой ее руководством, находится в межцивилизационных метаниях, разрушая прежние основы внутреннего национального и цивилизационного единства, ментально переориентируется даже не на Западную цивилизацию, а на присущие ей достижения, прозябая в мечтах о немедленном получении ее благ. Результат этого налицо: раскол страны — фактическое отпадение части восточных регионов, гражданская война, религиозный раскол, массовая миграция в западноевропейские страны.

В то же время в самой западной цивилизации продолжается процесс антицивилизационных изменений в виде укореняющихся девиаций, создающих и закрепляющих новые нормативные установки. Девиация как бы перерастает саму себя и из отклонения превращается в норму, превращая прежние нормы в девиации. Таковы новые жестко навязываемые обществу установки по вопросам гендерных отношений, распространение терпимости

на веками осуждаемые обществом явления, в том числе на так называемые «однополые браки» с правом усыновления детей, а также запретов на традиции, касающиеся празднования Рождества (в США). Подобные «новации», как считают на Западе, идут в развитие либеральных прав и свобод. При этом следует видеть, что они явно противоречат цивилизационным стандартам. Остается соответственно открытым и вопрос о том, во что превращается Западная цивилизация и остается ли она таковой.

Нельзя не отметить, что в силу статусных различий, США, как лидер западного мира и Западная Европа играют разные роли в современной цивилизационной динамике. Соединенные Штаты по сравнению с европейскими странами имеют не такую длительную историю существования и, в силу относительной молодости, компилятивности и эклектичности культуры, склонны к инициативам, в том числе по части духовной жизни и нормотворчества. И как лидер, они затягивают европейцев во все новые модернизации, которым слабо сопротивляется многовековая традиция. В то же время внешняя политика США при президенте Д. Трампе, изменение отношений с союзниками по блоку НАТО, навязывание собственных решений проблем странам Европейского сообщества вызывают обеспокоенность европейских лидеров, которые теперь, по всей вероятности, должны многие вопросы решать самостоятельно и определяться с отношениями с Соединенными Штатами.

Важно отметить, что внутри цивилизационные факторы сплочения при поддержании изолированности от внешних воздействий могли бы эволюционировать достаточно долгое время, давая населению возможность ужиться и с девиантными формами их проявления. Видимо, это было присуще существующей тысячелетия китайской цивилизации. Однако современный мир более динамичен и обстановка складывается по-иному: и в США и Западной Европе существуют, возникают и активизируются социальные группы особо восприимчивые в силу особенностей своей

психологии к подобного рода «новациям». К ним относятся различного рода меньшинства, имеющие устойчивые внутренние установки на отстаивание и распространение своих социокультурных ценностей и норм, на противодействие большинству даже при отсутствии проявлений дискриминации с его стороны, так как осознание малочисленности (меньшинства) способствует групповому сплочению и ориентацию на выгодное для себя изменение общества². Одной из разновидностей подобных групп является мигрантские инфильтраты — мигранты, незаконно проникшие на территорию государства, зачастую создавшие национальные анклав, и проживающие и занимающиеся хозяйственной деятельностью без натурализации и социализации. В США — это мексиканцы, прибывающие и оседающие в южных штатах, где названия многих населенных пунктов свидетельствуют об их мексиканском прошлом. Без натурализации и соответствующей социализации проживают многие арабы во Франции, турки в Германии, представители многих народов, рас и восточных цивилизаций в Англии.

В принципе, в любой стране, относящейся к любой цивилизации, могут возникать анклав компактного проживания иммигрантов, в которых будет практиковаться неприятие ценностно-нормативной основы цивилизации принимающей страны, ее языка, культуры общения, быта, традиций, обеспечивающих целостность общественной системы. С подобными явлениями, как проявлениями последствий проводимой политики мультикультурализма, уже столкнулась Западная Европа. В последние годы это связывается с массовым наплывом беженцев из «взорванного» Западом арабского мира. На практике мультикультурализм оказался латентной формой «мультицивилизационности», переносящей основные проблемы межцивилизационного взаимодействия внутрь отдельной страны, сообщества стран и создавая в них цивилизационную оппозицию. Об опасности такого рода ситуации предупреждал Л.Н. Гумилев еще в 60-е годы прошлого века: «Когда сочетаются два поведенчески чуждых и несовместимых суперэтноса,

наступает период бурных коллизий. Неизмеримо трагичнее ситуация, при которой в страну, переживающую смену поведенческого стереотипа (фазы этногенеза), попадает не просто чужой этнос, но уже сложившаяся анти-системная община».³ Видимо, это предостережение советского, российского ученого следует учесть в современной России, по-своему решающую проблему мигрантов.

Предпосылки цивилизационного коллапса могут вызревать и в такой цементирующей цивилизации группе факторов как экономико-политические и эколого-географические факторы. К ним относят следующие: народонаселение (количество и качество населения); наличие природных ресурсов; развитая государственность, обеспечивающая преемственность власти; территория и климат; условия для хозяйственной деятельности и проживания; геополитическое положение и др.

Названные факторы имеют объективный характер, и каждый из них является важным условием выживания и развития цивилизации. Их действия в негативном ключе представляют явную угрозу ее существованию. Так, бедность природных ресурсов и климатические изменения рано или поздно создадут неприемлемую для жизни по-старому среду, приведут к закреплению новых поведенческих стереотипов на основе новых образцов поведения, новых оценок параметров собственного бытия, идеалов и перспектив, а также отношений между людьми и между природой и обществом. Территориальные потери, как и приобретения требуют перераспределения всех ресурсов, в том числе связанных с народонаселением и человеческим фактором, проявлениями ментальности.

Немаловажным аспектом рассматриваемой проблемы являются вопросы государственного строительства и функционирования. При этом для всех цивилизаций в историческом масштабе могут быть выделены такие внутренние угрозы, приводящие к дисфункции государства, снижению управляемости и нарастанию негативных настроений, массового недовольства и протеста в различных формах, как цивилизационная неадекватность элит и бюрократизм госаппарата.

Элита закладывает основы цивилизации, отвечающие ее коренным интересам и санкционирует степень и формы участия других социальных сил в цивилизационном строительстве и жизнедеятельности. За элитой, фактически, закрепляется функция негласного контроля над цивилизационной идентичностью. Явно и гласно она реализуется в деятельности государства. Сама элита должна быть достаточно консервативной, чтобы быть способной оценивать социальные новации с позиций их соответствия цивилизационным основам и поддержания качественной определенности общественной системы. При этом сама элита должна быть адекватной существующей цивилизации. Вместе с тем, именно в ней и иницируется большинство нововведений, — новых стандартов национального образа мышления, образа жизни и поведенческих стереотипов в том числе несоответствующих цивилизационной идентичности. Реальными угрозами существованию цивилизации при этом являются, во-первых, — неспособность элиты распознать и оценить вызовы, связанные с новациями и, во-вторых, — принять адекватные решения. Смена элиты оставляет вопрос о цивилизационной идентичности открытым.

Бюрократизм, как предпосылка цивилизационного коллапса, соединяет в себе две тенденции. Первая — подмена целей и задач управления процессуальными алгоритмами, отделение в связи с этим эффективности управления от эффективности функционирования объекта управления, что дает возможность бюрократии, чиновничеству реализовывать собственные интересы. Вторая тенденция — это тенденция узурпации власти исполнительной ветвью государственной власти. Их взаимосвязанное действие неизбежно приводило и будет приводить к дисфункции института государства, способствовать приближению цивилизационного коллапса.

Среди предпосылок коллапса цивилизации, действующих извне, следует назвать в первую очередь негативные проявления межцивилизационного взаимодействия. Речь идет об иноцивилизационном давлении и открытых столкновениях между цивилизациями,

которые всегда связаны с геополитическими интересами, обеспечением обороны или осуществлением экспансии.

В качестве одной из разновидностей экспансии выступает агрессивное проникновение в культурную среду иноцивилизационных ценностей, миропонимания с последующими массовым изменением мировосприятия и утратой цивилизационной идентичности. Противодействие этому может быть различным. Так например, в прошлом веке в Иране для пресечения американского культурного влияния, навязывавшего американский образ жизни во всех областях жизни общества и индивидов, была осуществлена Исламская революция, которая изменила государственное устройство и политический режим. Новая власть использовала религию ислама в качестве преграды американизму и сохранения основ цивилизации.

Для многих цивилизаций в качестве внешней угрозы выступает ограничение или утрата возможности получать ресурсы извне. Даже при наличии собственных, ресурсы получаемые в результате эксплуатации других стран оказывались более дешевыми, что использовалось в интересах поддержания социально-политической стабильности и экономического развития. Для обеспечения, например, полезными ископаемыми велись завоевательные войны. Две мировые войны имели среди прочих и такие цели. Причем военные столкновения происходили и между странами, относящимися к одной цивилизации. Понятно, что в том числе и подобным целям послужило в Новейшее время создание систем колониализма и неоколониализма. В современных условиях проблема ресурсов является особо актуальной для западной цивилизации. В мировом раскладе XXI века она традиционно связана с геополитическим фактором, который играет важнейшую роль в обеспечении военной безопасности, экономических и культурных связей с сопредельными государствами и соседними цивилизациями.

Процессы глобализации в сочетании с системным кризисом современного капитализма, геополитическим переделом мира

и стремлением западной цивилизации утвердиться за счет других цивилизаций и стран все более актуализируют проблему цивилизационного коллапса. Внутренние проблемы США все более сказываются на мировом развитии и в плане компенсации переносятся на регионы, имеющие стратегическое значение, а через них — на весь мир⁴. Под военными ударами Запада оказались страны, относящиеся к иным цивилизациям: Ирак, Ливия, Сирия, а также Сербия. Осуществляется вмешательство во внутривосточные процессы на Украине и в Молдове. Политика экономических санкций ведется в отношении России, Китая, КНДР, Венесуэлы.

В дополнение к приведенным выше примерам следует отметить, что, проводимая в XXI веке странами Запада политика дестабилизации целых мировых регионов, жесткое связывание терроризма с исламским фактором, поддержка «цветных» революций — все это свидетельствует о стремлении западной цивилизации переформатировать цивилизацию мировую по линии реализации пресловутой концепции «золотого миллиарда». Очевидно, что такая деятельность превращает саму западную цивилизацию в фактор мирового цивилизационного коллапса.

В заключение нельзя не обратить внимания на еще один немаловажный аспект рассматриваемой проблемы. Он заключается в том, что на стыке факторов внутривосточных и внешних угроз можно, следуя логике исследования Л.Н. Гумилева, выделить фактор комплексного действия, соединяющий географический фактор с этногенезом и социокультурными факторами жизнедеятельности цивилизации. Закономерности развития этноса обуславливают прохождение им последовательных фаз от зарождения до превращения в реликт. При этом фазы самодвижения этноса совпадают с этапами развития созданной им цивилизации. Точнее, этапы развития цивилизации совпадают с фазами самодвижения этноса-творца⁵. Такое объективно существующее закономерное совпадение означает, что деятельностная, субъективно ориентированная составляющая самосо-

хранения и развития цивилизации имеет объективные ограничения. Иными словами, историческая судьба цивилизаций предопределена, и даже противодействуя силам дезинтеграции они могут провоцировать усиление этого процесса. В зависимости от интенсивности процесса цивилизационного развития и влияния на него внешних объективных, в том числе природных факторов, определяется продолжительность существования каждой цивилизации. В условиях наличия у наиболее экономически развитых стран крупных цивилизаций ракетно-ядерного оружия на них ложится гуманистическая ответственность за недопущение цивилизационного коллапса и сохранение человеческой цивилизации на Земле.

---

¹См., подробнее: *Моисеев А.Б.* Украина: перемена вектора цивилизации // Социально-гуманитарное обозрение. 2016, № 2. С. 67-74.

² О самосознании групповых меньшинств подробнее см: https://bookap.info/othosheniy/mindell_lider_kak_master_e_dinoborstva/gl49.shtml

³ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 526.

⁴ См. подробно: *Бельский В.Ю., Лепехин В.А.* Цивилизационные угрозы в современном мире и их преодоление (К 70-летию со дня создания ООН) // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века. / Под ред. А.И.Костина. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 144-156.

⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 592-596.

Ethos of Culture and Civilization Security

Этос культуры и цивилизационная безопасность

Andrew Lvovich ZOLKIN,
Professor of the Department of philosophy
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
doctor of philosophical Sciences, associate Professor
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович ЗОЛКИН,
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
доктор философских наук, доцент
E-mail: az20042004@mail.ru

Научная специальность: 09.00.13 Философская антропология, философия культуры

Для цитирования: А.Л. ЗОЛКИН. Этос культуры и цивилизационная безопасность. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 33—37.

Annotation. The article deals with the problem of complementarity of civilization and national culture. The main features of the ethnos of culture are revealed. It is proved that the modern ethos of culture acquires its relevance in the context of the formation of the civilizational strategy of development of Russian society.

Key words: law, culture, civilization, ethics, basic cultural values, individual, personality

Аннотация. В статье рассматривается проблема комплиментарности цивилизации и национальной культуры. Раскрываются основные признаки этоса культуры. Доказывается, что свою актуальность этос российской культуры приобретает в контексте формирования цивилизационной стратегии развития страны.

Ключевые слова: право, культура, цивилизация, этика, базовые культурные ценности, индивид, личность

Каждая культура имеет уникальную конфигурацию элементов, которые объединяются общей темой — «этосом культуры». Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты — образуют неповторимую структуру, которая проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни: в системах распределения собственности, в структурах социальной иерархии, в материальных вещах и в технологиях их производства, во всех разновидностях формирования союзов внутри общества, в способах экономического обмена.

Инициатором изучения этоса культуры была Рут Бенедикт (1887—1947), ученица одного из основоположников американской антропологии Франка Боаса и автор классической книги «Модели культуры».

Культура, реализуя те или иные социальные модели, соответствующие ее этосу, как бы не оставляет места для иных типов тех же институций. В результате, неорганичные для некоей культуры черты не получают в ней пространства для своего развития. Например, те аспекты жизни, которые кажутся наиболее важными, с точки зрения нашей культуры,

могут иметь чрезвычайно мало значения в других культурах, ориентированных иначе, чем наша. Каждое человеческое общество совершает отбор своих культурных установок. Каждая культура, с точки зрения другой, игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой — они повседневная основа поведения. Одно общество огромное внимание уделяет культурным аспектам юности, другое — смерти, третье — загробной жизни.

Создается впечатление, что у Рут Бенедикт собственно моральный аспект понятия «этос культуры» находится на втором плане сравнительно со структурным. Между тем ценностные аспекты играют очень существенную роль в формировании того, что можно обозначить как моральный формат этоса культуры.

Самопознание общества — важнейшая задача философии. Непонимание обществом самого себя чревато трагическими последствиями. Трагедия же, в том числе и социальная — это не только результат стечения обстоятельств, но и следствие дефекта самопознания. Так, распад

Советского Союза — трагедия в духе Софокла, порожденная недостатком самопознания и наивными представлениями об окружающем мире. «Преступление Эдипа, — отмечала Т.В. Васильева, — иное. С чистыми помыслами и благородными намерениями он стремился избежать зла, готовый к самопожертвованию: он покинул дом, где он вырос, и тех, кого считал родителями, оставил наследный престол, обрек себя на лишения и превратности скитальческой жизни, он все разумно рассудил, — он не знал только, что не знает самого себя, не знает даже того, кто он, каких родителей сын. Именно свое незнание постигает он в трагическом узнавании и этим открытием он до основания души потрясен. Вот где таилась его гибель, его неправда, его гордыня»¹.

Не в подобном ли незнании истоки трагических уроков русского общества? Ответили ли мы на все вопросы, которые позволяют нам претендовать на статус цивилизации? И какие это вопросы?

Очень часто русский образованный человек уже третий век формирует свою этическую и жизненную позицию так, что она противоречит культурным принципам и цивилизационным основаниям российского общества. Русский человек отвергал российскую империю, потом разрушил Советский Союз, теперь отрицает современную Россию во имя постмодернистского либерализма.

Современная либеральная идеология, продекларировав всестороннее освобождение человека, фактически скрывает ограниченную цель: создать человека, максимально подготовленного к жизни в глобальном капитализме. Этот человек должен обладать достаточным уровнем знаний для воспроизводства системы господства транснациональных корпораций при одновременном воспитании подконтрольности средствам массовой информации и манипуляции индивида, во многом исключая самостоятельность мышления и индивидуальную нравственную ответственность.

Разработка цивилизационной альтернативы этой опасной для человечества иллюзии есть важнейшая задача современной культуры.

Культура есть система жизненных идей, которая является основой социализации индивида в человеческое общество. Культура — это занятие, необходимое для всей жизни, составная сторона человеческого существования.

Отсюда проистекает необходимость осмысления цивилизационных оснований культуры и этической позиции для того, чтобы «просветить» индивида, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему смысловой мир, в который он должен вписать свою жизнь, чтобы она отвечала высшим целям человеческого существования.

Обеспечение цивилизационной безопасности России является комплексной проблемой. Наряду с финансовыми, политическими и социальными аспектами, эта проблема включает в себя и важный культурный аспект. Опыт исторического развития России в XX веке дает нам трагические примеры разрушения страны, даже несмотря на относительно высокие экономические показатели ее развития. Распад Российской империи в начале века и разрушение Советского Союза в конце века — это уроки общественного развития, которые еще требуют своего осмысления².

Разумеется, экономическое развитие в оба указанных периода существования Российской цивилизации не было безупречным. Оно сопровождалось серьезными трудностями, хотя впоследствии, уже постфактум, выяснилось, что по многим экономическим показателям Россия опережала развитие других стран, и если бы не трагические крушения, мы занимали бы сегодня лидирующие позиции в современном мире³.

В обоих случаях катастрофические итоги напрямую зависели от культурных факторов. Даже несмотря на подрывную деятельность стран-конкурентов, именно внутренние культурные противоречия стали важнейшими причинами последующих драматических событий⁴.

Уже в Российской империи революционная идеология в течение XIX — начала XX веков превратилась в ядро культуры. Русская интеллигенция старательно облагораживала идею революции, видела только в ней

единственное средство решения социально-экономических и социально-политических проблем⁵.

Советский человек, выстояв в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, не смог преодолеть относительного дискомфорта благополучного существования советской экономической системы без безработицы, без политических репрессий, с бесплатной медицинской помощью, образованием и обеспечением жильем. Причиной этого восстания советского человека против своей страны и самого себя стал кризис культурной идентичности. Советский человек перестал связывать свой жизненный путь с общими условиями развития своей страны, стал грезить о какой-то альтернативной реальности, которая гипотетически должна была бы больше соответствовать его чаяниям и устремлениям⁶.

Важнейшая причина распада Советского Союза заключается в кризисе культурной идентичности. Гражданин стал воспринимать свою страну как чуждую себе, перестал адекватно понимать ее, недооценил враждебность стран-конкурентов, их готовность идти на крайние меры вплоть до разрушения России как таковой. Результатом формально активной идеологической деятельности, лишенной связи с реальной жизнью, стало иллюзорное представление советского человека и о самом себе, и об окружающем его мире.

С одной стороны, мы должны не повторять ошибок прошлого, с другой, следует признать, что современные условия обеспечения цивилизационной безопасности страны являются крайне сложными. Положительные тенденции восстановления экономического потенциала России, наметившиеся в последние десятилетия и уже давшие определенные результаты, сегодня находятся под угрозой, порожденной социальными трудностями и прежде всего крайне низким уровнем социальной справедливости, депрессивным состоянием целых регионов России. И эти проблемы вновь сопровождаются кризисом культурной идентичности⁷.

Таким образом, важнейшим основанием цивилизационной безопасности страны явля-

ется его социокультурная безопасность, ядро которой определяется как через уровень материального благосостояния населения, его доверия к политическим институтам, составляющим социальный аспект данного вида безопасности, так и через характер культурной идентичности людей, через степень их плодотворной и ответственной вовлеченности в дела страны, которая позволяет отождествлять личностное и общественное развитие⁸.

В последнее время становится ясным, что в обществе происходит борьба двух стратегий обеспечения экономической безопасности, которые подразумевают две различные модели культурной идентичности граждан. Конфликт этих двух моделей без глубокой философской рефлексии, осуществляемой не отдельными учеными, а большинством образованных россиян, способен дать очередной разрушительный результат, аналогичный тем, которые привели к гибели и Российскую империю, и Советский Союз⁹.

Первая стратегия, либеральная, рассматривает экономическую безопасность страны через встраивание ее экономики в имеющиеся ниши глобальной финансовой системы, причем эти ниши ограничиваются сырьевым сектором. Данный вид интеграции предполагает политическое доминирование Запада и надежду на его доброжелательное отношение при условии отказа России от политического суверенитета.

Вторая стратегия, цивилизационная, сегодня находит все большее число сторонников. В основе этой стратегии лежит идея обеспечения экономического суверенитета страны посредством восстановления инфраструктуры, необходимой для ускоренного развития нового технологического уклада страны¹⁰.

Первая модель чревата полной зависимостью страны от Запада, который проявил свою недобросовестность стремлением перекладывать собственные экономические трудности на другие страны. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что экономическая мощь Запада строится не столько на либерально-рыночной модели развития, сколько на скрытых или явных принципах неоколо-

ниализма, способных спонсировать либеральную модель культурной идентичности для того, чтобы она служила ложным примером успешного развития для западных стран. В силу этого обстоятельства, либеральная модель для России есть модель экономической зависимости и обеспечить экономическую безопасность она не сможет.

Вместе с тем, следует отметить, что либеральный этап развития России уже сформировал соответствующую модель культурной идентичности, которая в стране так или иначе прижилась, и в настоящее время идет активный процесс инфицирования этой моделью системы образования, то есть той системы, которая отвечает за социализацию и инкультурацию молодежи, а значит, напрямую связана с формированием той системы культурной идентичности, которая будет определять завтрашний день¹¹.

Высокие цены на энергоносители стимулировали распространение либеральной модели культурной идентичности среди значительного числа россиян. Относительно высокие «европейские» стандарты потребления, возможность выезжать в другие страны на отдых, учебу или трудоустройство, способность чувствовать себя «гражданином мира» — все это характеризует привлекательные стороны либеральной модели идентичности.

Вторая, цивилизационная, модель обеспечения экономической безопасности сопряжена с рядом трудностей асимметричного развития и выстраиванием по сути альтернативного существующему мировому порядку.

Экономическая безопасность тесно связана с политической и социокультурной безопасностью. Отношения между этими видами безопасности непростые. Вряд ли можно в современном мире всерьез претендовать на экономическую безопасность, не обладая политическим суверенитетом и не располагая ресурсом социокультурной безопасности. Достижение реального политического суверенитета требует материальной базы, которая может в краткосрочной и среднесрочной перспективе обеспечиваться мобилизационными методами, которые, в свою очередь, предпо-

лагают запас прочности общества в виде его социокультурной безопасности¹².

Страна может выстраивать политическую и военную безопасность с помощью неконкурентоспособного производства, накапливая критическую массу терпения населения путем увеличения нагрузки на социокультурную безопасность. Это будет давать экономическую безопасность в смысле возможности поддержания замкнутого существования. Определенные аспекты развития Советского Союза и были связаны именно с подобной формой обеспечения безопасности.

Сегодня Россия встает на пути формирования другого типа культурной идентичности, которая носит цивилизационный характер. Следует признать, что употребление понятий «культура» и «цивилизация» в современной научной и философской литературе неоднозначно¹³.

Одни авторы их фактически отождествляют, другие противопоставляют в духе О. Шпенглера, видя в культуре реализацию творческого потенциала личности и общества, а в цивилизации — результат исчерпания этого потенциала, превращение общества в машиноподобную систему, обслуживающую исключительно утилитарно-прагматические цели.

Оставляя в стороне дискуссию на данную тему, под «российской цивилизацией» следует понимать социокультурную субъект-системную реальность, которая характеризуется противоречивым единством материальных и духовных аспектов своего существования¹⁴.

Причем это существование протекает в реальном историческом времени и пространстве, что приводит к формированию особенностей развития, которые характеризуют ее уникальность, неподконтрольность абстрактным, универсальным критериям. В этом смысле цивилизация представляет собой уникальный синтез ценностных, личностных, социальных и материальных параметров существования общественных систем.

Цивилизационная безопасность России может быть достигнута лишь с учетом основных параметров культурной идентичности и социокультурной безопасности: обеспечение

конкурентоспособности на основе социальной справедливости, формирование социальной ответственности каждого гражданина перед обществом за судьбу своей Родины, патриотизм, соблюдение прав личности¹⁵.

Российское государство обязано защищать не столько абстрактные «права человека», сколько неотъемлемые права личности — на жизнь, жилье, образование, здравоохранение, труд, доступ к информации, участие в управлении, самовыражение.

Вместе с тем, гражданин также должен взять на себя определенные обязательства, гарантирующие ценностное отношение к Российской цивилизации.

Гражданин должен осознавать противоречивый характер современного социального развития, учитывать факторы недобросовестной международной конкуренции, не позволять манипулировать собой с целью разрушения российской государственности, ее культурной традиции, базовых ценностей российского общества, проявлять высокий уровень социальной ответственности, ясно понимая, что не бывает прав без обязанностей¹⁶.

Эти обязательства должны иметь не только этический характер, но и должны стать содержанием государственной культурной политики, в том числе и в сфере образования¹⁷. На основе принципа цивилизационной безопасности необходимо переосмысление идеи патриотизма и воспитательного значения гуманитарных наук в системе образования. Формирование патриотизма — основа формирования культурной идентичности, возрождения духовности российского общества и его традиций.

Следует признать, что указанные выше ценности пока еще далеки от полного воплощения в нашей жизни. Однако без ясного понимания перспективы социокультурного развития, без привлекательного «образа будущего» общество обречено на историческое поражение. Безопасность России напрямую зависит от того, насколько ее граждане воспринимают усилия по ее обеспечению как неотъемлемую часть своей жизненной позиции.

¹ Васильева Т.В. Афинская школа философии. М., 1985. С. 36.

² Марченя П.П. По итогам столетия событий 1917 года: «Февраль» и «Октябрь» как символы, или еще раз к вопросу о возможности «цветных» и «нецветных» революций в современной России // Философские исследования и современность. Вып. 7. М., 2018. С. 163—166.

³ Столетие русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности // Философские исследования и современность: Вып. 6. М., 2017. С. 292—322.

⁴ Сацута А.Г. Геополитическое положение современной России и его влияние на национальную безопасность // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С. 86—91.

⁵ Кризис как фактор социального развития: история и современность // Российская многопартийность и российские кризисы XX—XXI вв. М., 2016. С. 855—876.

⁶ Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества // Философские исследования и современность. Выпуск 6. М., 2017. С. 352—378.

⁷ Бороздин А.Н. Цивилизационная парадигма России классического славянофильства // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С. 23—28.

⁸ Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия. М., Издательство Московского университета. 2018.

⁹ Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России // Российская многопартийность и российские кризисы XX—XXI вв. М., 2016. С. 837—854.

¹⁰ Лепехин В.А. Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С. 56—59.

¹¹ Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке // Философские исследования и современность: Вып. 6. М., 2017. С. 323—351.

¹² Гусев Н.Н. Коллизии в становлении гражданского общества в современной России // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 1. С. 37—40.

¹³ Аبلев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии: монография. М., 2018.

¹⁴ Лепехин В.А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 116—123.

¹⁵ Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы Всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. Выпуск 7. М., 2018. С. 223—244.

¹⁶ Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10—12.

¹⁷ Бельский В.Ю. К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С. 8—12.

УДК 34
ББК 67.3

The Idea of Legitimacy in the Works of Carl Schmitt and Guglielmo Ferrero

Идея легитимности в работах Карла Шмитта и Гульельмо Ферреро

Aleksandr Igorevich KALINICHENKO,
Candidate of law
E-mail: office@unity-dana.ru

Александр Игоревич КАЛИНИЧЕНКО,
кандидат юридических наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: А.И. КАЛИНИЧЕНКО. Идея легитимности в работах Карла Шмитта и Гульельмо Ферреро. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 38—40.

Annotation. In this article, the author examines some aspects of the idea of legitimacy in the context of the works of the German philosopher Carl Schmitt and the Italian philosopher Guglielmo Ferrero. The purpose of such consideration is to introduce a certain clarity in the understanding of the analyzed term and the definition of how it is applied in the socio-political systems of states.

Key words: power, political power, the origin of power, legitimation, legitimacy, legality, society, liberalism, democracy, a liberal state, liberal values, Karl Schmitt, Guglielmo Ferrero

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает некоторые аспекты идеи легитимности в контексте работ немецкого философа Карла Шмитта и итальянского философа Гульельмо Ферреро. Целью такого рассмотрения является внесение определенной ясности в понимание анализируемого термина и определение того, как он применяется в общественно-политических системах государств.

Ключевые слова: власть, политическая власть, происхождение власти, легитимация, легитимность, законность, общество, либерализм, демократия, либеральное государство, либеральные ценности, Карл Шмитт, Гульельмо Ферреро

В истории политической мысли вопрос легитимности, как правило, исследовался спордически. Лишь немногие крупные мыслители в XX веке, такие как Макс Вебер, Карл Шмитт, Гульельмо Ферреро или Юрген Хабермас, систематически обращались к этой тематике в своих работах и пытались вывести ее на новый уровень концептуального понимания.

В повседневном языке понятие «легитимность» очень часто используют в качестве синонима «законности», тем самым, ставя знак равенства между ними. Кроме того, действие принято квалифицировать как легитимное в зависимости от того, укладывается ли оно в рамки конкретной правовой нормы. В обыденной жизни указанная идентичность рассматриваемых терминов не вызывает вопросов и затруднений. Но такая «ясность» в понимании терминов начинает улечиваться, когда судья при вынесении приговора указывает на то, что действия гражданина были

неправомерными, хотя последний был убежден в обратном, что действия его имели четкую правовую основу. Поэтому не являются редкими судебные решения, общий смысл отношения к которым можно выразить следующими фразами: «это законно, но это несправедливо»; «это законно, но это неэтично» и т.п. Эти фразы символизируют ситуации, когда государство выносит решение, которое хоть и является законным, но считается неприемлемым для большинства населения.

Таким образом, акт может быть законным, но не легитимным. Вместе с тем возможна и обратная ситуация, когда предполагается, что акт является легитимным, но, тем не менее, может быть квалифицирован как незаконный, например, право на восстание¹ или на несогласие в тоталитарных режимах.

Немецкий юрист, философ и политический теоретик Карл Шмитт доводит до крайности это отсутствие идентичности и обоюдности

в понимании рассматриваемых терминов и устанавливает биполярную связь между этими понятиями.

Для Шмитта либеральная концепция законности с корнем вырывает из правовых норм «содержание разума и справедливости»², тем самым лишая право его сущности. Право должно быть выражением разума и одновременно с этим хранилищем представлений о справедливости. Но теперь закон является продуктом зигзагообразных движений парламентского большинства, которое, по мнению Шмитта, нестабильно.³ На практике это означает, что существование тех или иных правовых положений зависит от расстановки политических сил в палатах законодательного собрания.⁴ В конечном итоге это приведет к тому, что одно большинство может представить к принятию законопроект с содержанием «А», а в последующий законодательный период уже другое большинство, новое, может принять закон с содержанием «Б»; хотя при этом оба содержания отнесены к одному и тому же вопросу.

В действительности, для Шмитта нормы, которые принимают палаты законодательного собрания, имеют алеаторный характер, поскольку они являются случайным продуктом законотворческой деятельности хрупкого парламентского большинства⁵, использующего принудительный аппарат государства для навязывания собственных интересов и, таким образом, для удовлетворения своих частных потребностей. И как только раскрываются эгоистичные мотивы парламентариев, становится очевидно, что «суверенитет закона означает только лишь суверенитет людей, которые принимают правовые нормы и получают с этого определенные выгоды».⁶

Тем не менее Шмитту можно возразить, что в либеральных правовых государствах существуют «неприкасаемые» законы, то есть те, которые не «трогают», поскольку частичная их отмена или внесение в них изменений предполагают наличие квалифицированного большинства в парламенте. К таким законам можно отнести нормативные правовые акты конституционного уровня, которые во многих демократических государствах принято именовать органическими, и, естественно, саму конституцию. Однако Шмитт на это отвечает, что если в государстве действительно существует такой Фундаментальный Закон, то его действие будет ограничивать органические

нормы, а значит и сама сущность конституционных норм также будет ограничена.

Шмитт отмечает, что согласно доктрине либерализма государство должно быть «стерильным» в том смысле, что оно запрещает себе выносить категоричные суждения относительно вопросов нравственности. По сути, либеральная конституция «должна обеспечивать как ценностный нейтралитет, так и функционалистский нейтралитет»⁷, поскольку ее институциональные механизмы должны оставаться открытыми и доступными для различных мнений, взглядов, движений и целей, что может выражаться в плюрализме оценок и суждений, терпимости к различным образам жизни и этической автономности личности.

Короче говоря, с точки зрения либерализма легитимность и законность являются понятиями равнозначными, и решение о том, является действие легитимным или нет, зависит от того, укладывается ли оно (действие) в рамки конкретной правовой нормы. Такой подход, конечно, стирает любые различия между рассматриваемыми понятиями. Таким образом, когда в либеральном государстве в отношении определенного действия используется термин «легитимность», это очень просто дает понять, что такое действие является законным.⁸

Шмитт не дает четкого определения легитимности и ограничивается лишь изложением общих черт того, что должно пониматься под сущностью этого понятия. По утверждению немецкого ученого принципам легитимности присуще «надзаконное достоинство, возвышающееся над любыми правовыми актами и решениями».⁹ Из этого утверждения видно, что для Шмитта легитимность является своего рода точкой опоры, ориентиром, сохраняющимся в относительно неизменном состоянии, несмотря на разрушительные последствия исторических перипетий и политической конъюнктуры. Тем не менее, в работах Шмитта без ответов и подробных разъяснений остаются вопросы, связанные со свойствами, сущностью и перманентными характеристиками легитимности.

Для Гульельмо Ферреро, в целом, принципами легитимности являются те неоспоримые практики, которые обосновывают правомерность власти и закладывают основы безусловного права управлять и безусловной обязанности подчиняться.¹⁰ «Легитимность, — замечает Ферреро, — состоит в молчаливом согласии между теми, кто управляет, и теми, кем

управляют. В силу такой легитимности устанавливаются определенные принципы и правила, служащие в качестве норм и ориентиров, на основании которых полномочия держателей власти в обязательном порядке должны ограничиваться».¹¹ Таким образом, одним из величайших достоинств принципов легитимности является их способность определять, на чью долю выпадет право управлять, а на чью — обязанность подчиняться.¹²

Критерии легитимности, чтобы действовать без необходимости прибегать к принуждению, должны иметь статус коллективных убеждений. Это означает, что для таких критериев недостаточно, чтобы их просто поддерживали. Необходимо, чтобы такие убеждения были своего рода социальной верой, а «критерии оставались реальными, эффективными и действенными»¹³, чем-то неоспоримым, некой культурной конфигурацией. Поэтому, строго говоря, критерии легитимности, чтобы их уважали, не нуждаются в систематическом принуждении или напоминании к их соблюдению.

Принципы легитимности в своих истоках или когда еще существуют только на уровне идеи, должны быть подвергнуты интеллектуальному обоснованию¹⁴. И как только они приобретут статус убеждения, их можно перенести в рациональное измерение. Представляется, что именно последнее предположение побудило Ферреро разработать критерии легитимности, как некие имманентные установления, с точки зрения его взглядов на исторические проявления. Такие установления, когда они обладают всей полнотой силы, считаются разумными и справедливыми. Однако они продолжают оставаться действительными лишь до тех пор, пока окружающая реальность оправдывает их существование, и имеет место определенная идентичность с теми историческими периодами, которым они принадлежат. Другими словами, при изменении окружающих условий такие установления могут оказаться абсурдными. Следовательно, «они тут же перестанут настойчиво навязывать себя человеческому сознанию, став перед лицом новой, другой реальности».¹⁵

На основании изложенного в настоящей статье можно сделать следующие выводы:

а) Суть легитимности определяется ее аксиологическими основами, которые не являются

неизменными и универсальными. Таким образом, речь идет об оценке конкретного временного отрезка, а не всего исторического периода. Это утверждение следует понимать в двух смыслах. Во-первых, они имеют силу, ограниченную во времени. Во-вторых, они приобретают юридическую (законную) силу только в условиях соответствующего цивилизационного развития.

б) На практике легитимность функционирует как механизм, негласно регулирующий отношения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, таким образом, чтобы подталкивать обе стороны к выполнению одних действий и препятствовать им выполнять другие.

в) Легитимность выступает в качестве моральной основы любого общественно-политического порядка. В этом смысле она регулирует и способствует осуществлению власти и, следовательно, сглаживает неровности, возникающие в результате такого осуществления. И наоборот, нелегитимная власть, даже если она легализована, устанавливается через страх и большинством населения считается неприемлемым порядком.

¹ Следует отметить, что в настоящее время право на восстание является объектом повышенного интереса со стороны политической теории. Однако уже в период Средневековья и Реформации существовало достаточно большое количество политической литературы, посвященной этому вопросу, в которой анализировались причины восстаний и мятежей подчиненных и даже обстоятельства, оправдывающие тираницид (убийство правителей, начальников).

² Cf. Schmitt, Carl: «Legalidad y legitimidad». Editorial Aguilar, Madrid, 1971. P. 32.

³ Cf. Schmitt, Carl: Op. cit. P. 100.

⁴ Cf. Schmitt, Carl: Op. cit. P. 59.

⁵ Cf. Schmitt, Carl: Op. cit. P. 39.

⁶ Schmitt, Carl: «El concepto de lo político». Editorial Alianza, Madrid, 1991; P. 95.

⁷ Cf. Schmitt, Carl: «Legalidad y legitimidad». Editorial Aguilar, Madrid, 1971; P. 39.

⁸ Cf. Schmitt, Carl: Op. cit. P. 14.

⁹ Cf. Schmitt, Carl: Op. cit. P. 92.

¹⁰ Cf. Ferrero, Guglielmo: «El poder. Los genios invisibles de la ciudad». Editorial Ténos, Madrid, 1988. P. 138.

¹¹ Cf. Ferrero, Guglielmo: Op. cit. P. 271.

¹² Cf. Ferrero, Guglielmo: Op. cit. P. 46.

¹³ Cf. Ferrero, Guglielmo: Op. cit. P. 172.

¹⁴ Cf. Bodin, Jean: «Los seis libros de la república». Editorial Ténos, Madrid, 1992.

¹⁵ Cf. Ferrero, Guglielmo: Op. cit. P. 31.

Conflict Potential Marginal Subculture of Migrants

Конфликтогенный потенциал маргинальной субкультуры мигрантов

Dmitry Georgievitch LOTCHAKOV,
docent of the Department of Sociology and Political Science
at the Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs
named after V.J. Kikot, PhD in Philosophy, docent
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Георгиевич ЛОЩАКОВ,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: Д.Г. ЛОЩАКОВ. Конфликтогенный потенциал маргинальной субкультуры мигрантов. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 41—44.

Annotation. The article analyzes the features of the marginal subculture of migrants and the problems arising in the process of their adaptation in the host countries.

Key words: migration, labour migrants, migrant subculture, marginality, marginalization, assimilation, enclavity, conflict adaptation

Аннотация. В статье анализируются особенности маргинальной субкультуры мигрантов и проблемы, возникающие в процессе их адаптации в принимающих странах.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, субкультура мигрантов, маргинальность, маргинализация, ассимиляция, анклавность, конфликтная адаптация

В обществе имеется большое число культур и субкультур, различающихся по основным параметрам образа жизни — по сфере деятельности, типу поселения, этнической, религиозной принадлежности, уровню дохода и т.д. В поведении представителей каждого типа культуры всегда присутствует и нормативная, и ненормативная, девиантная составляющая. В подавляющем большинстве случаев девиация разной направленности эпизодически проявляется в поведении подавляющего большинства членов той или иной социальной общности — она перемешана с нормативным поведением и ее трудно выделить в самостоятельном, чистом виде, ограничить рамками какой-то конкретной локальной социальной группы или ее части. Однако имеются субкультуры, в которых девиантная составляющая присутствует постоянно и выражена настолько отчетливо, что приходится констатировать наличие целых категорий населения, для которых девиация негативной направленности является типичным поведением. К такому типу культуры принадлежит маргинальная субкультура мигрантов.

Миграция как социальное явление сопровождала всю человеческую историю. Массовые

перемещения населения по поверхности планеты всегда сопутствовали резким изменениям климата, природным катаклизмам и завоеваниям. Войны и насилие и сегодня вынуждают миллионы беженцев искать спасения в других странах и регионах, однако природа современной миграции, во всяком случае, основных ее потоков, преимущественно экономическая, «трудовая». На уровне социума она определяется потребностями функционирования и развития рыночной экономики, предполагающей свободное перемещение рабочей силы вслед за движением производства и капитала, которое всегда происходит из стран менее развитых в страны более развитые. На индивидуальном уровне базовые экономические факторы миграции трансформируются в более широкий спектр причин и оснований. На этом уровне основным мотивом миграции часто выступает уже не только и не столько чистая материальная выгода, но и естественное стремление людей улучшить условия своей жизни в сфере труда, профессионального образования, общего благосостояния, социального комфорта, политической, религиозной и иной толерантности, возможностей для самореализации.

На первый взгляд миграция выгодна всем. Одним странам — она помогает решать проблему избытка трудоспособного населения; другим — восполнять его недостаток. Сами трудовые мигранты также оказываются в выигрыше, получая доступ к широкому спектру возможностей, недоступных на их исторической родине. Однако у трудовой миграции есть и другая, негативная сторона — миграционным процессам всегда сопутствует целый ряд социальных проблем, затрагивающих всех их участников.

Страны и народы, населяющие нашу планету, различаются по уровню социально-экономического и культурного развития. Многие из них живут в разном историческом времени. Миграционные потоки всегда направлены из стран менее развитых и неблагополучных в социальном отношении в страны более развитые и благополучные. «Страна происхождения» вместе с потоками эмигрантов, покидающих родину в поисках лучшей жизни, постепенно утрачивает ядро наиболее активного в социальном и экономическом отношении населения. Страна, принимающая трудовых мигрантов, приобретает вместе с ними инородное и конфликтогенное в социальном и культурном отношении образование, способное сыграть роль дестабилизирующего фактора.

Перемещаясь в другую страну, мигранты оказываются в окружении непривычной и даже чуждой им социальной среды, их положение изначально маргинально. Принимающее общество также смотрит на мигрантов как на инородный элемент, поэтому их адаптация к новым условиям чаще всего происходит в условиях явного или скрытого конфликта с социальным окружением, когда мигрант не может (или не хочет) осваивать ценности новой среды. Результатом конфликтного приспособления к новой социальной среде и становится маргинальная субкультура мигрантов, которая отличается общей девиантной направленностью и тесно связана с этнической анклавностью.

Западная Европа столкнулась с этой проблемой после второй мировой войны, когда потоки мигрантов из бывших колоний устремились в бывшие метрополии. Политика мультикультурализма, проводимая в большинстве стран Западной Европы в тот период, обеспечила относительно бесконфликтную адаптацию первых поколений мигрантов

к новой социальной среде. Но та же самая политика мультикультурализма определила и преимущественный способ этой адаптации, которая протекала не столько в виде ассимиляции, сколько в форме этнической анклавности. Последняя способствовала постепенной фрагментации и маргинализации традиционной социальной структуры европейских стран.

Все названные тенденции резко усилились в последние годы под влиянием потоков беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которые, не без участия европейских стран, подверглись насильственному разрушению своих традиционных политических структур. В результате вместо стабильной и относительно однородной в культурном отношении Европы мы получили многоцветный и постепенно утрачивающий свою европейскую идентичность мир, состоящий из разнородных и во многом не сочетаемых друг с другом культурных и социальных фрагментов.

Трудовая миграция всегда приводит к росту численности маргинальных слоев и фрагментации социальной структуры общества. Не избежала этой участи и современная Россия. После распада СССР, в 1990-е гг. страна принимала миллионы вынужденных переселенцев из числа «своих» русскоязычных граждан, которые бежали от притеснений в бывших союзных республиках; в 2000-е гг. их сменили многомиллионные потоки трудовых мигрантов из стран СНГ, ставшие одной из причин возникновения очагов межнациональной напряженности в Центральном и Южном регионах Российской Федерации.

Долгое время эти процессы развивались стихийно, принося с собой целый букет новых для России социальных проблем и создавая очаги напряженности в местах наибольшего скопления мигрантов. И, хотя в последние годы был предпринят ряд мер в области миграционного законодательства, — общий социально-культурный фон положения трудовых мигрантов мало изменился за два прошедших десятилетия. Неприятие и дистанцированность местного населения в отношении инокультурных мигрантов не только сохраняется, но и возрастает по мере роста численности последних, всячески осложняя процесс их адаптации и провоцируя на девиантное и противоправное поведение¹.

Миграция всегда оказывает негативное влияние на социальные отношения в принимающем обществе, поскольку приезжие неизбежно начинают конкурировать с резидентами в вопросах занятости, проживания и т.п. Эта конкуренция особенно усиливается в периоды снижения экономической активности в обществе. Несмотря на то, что правительства принимающих стран стремятся минимизировать негативную составляющую миграции и облегчить процесс социальной адаптации прибывающих мигрантов, лишь небольшая их часть из числа высококвалифицированных работников, успешно адаптируется и становится полноправными членами нового общества. Остальные остаются маргиналами, не имеющими постоянного дохода, ограниченными в реализации своих гражданских прав и зачастую находящимися на нелегальном положении.

Большинство приехавших на новое место мигрантов оказываются в самом низу социально-статусной иерархии, и у них неизбежно формируется негативное, а иногда и враждебное отношение к новой социальной среде. Это приводит к тому, что среда мигрантов, даже в самых благополучных странах Европы, в массовом порядке порождает делинквентное и криминальное поведение. По оценкам специалистов² степень криминогенности новых поколений мигрантов только возрастает. Эта тенденция оказалась прямо противоположной той, которая имела место в XIX и начале XX вв. в США. Там, адаптация иммигрантов, которые хлынули в страну со всех континентов, поначалу сопровождалась массой социальных конфликтов, но во втором и третьем поколении их дети и внуки приняли основные американские ценности в качестве собственных и интегрировались в общий социум. Сегодня преступность детей ранее прибывших мигрантов оказывается заметно выше, чем у их родителей, и пока нет однозначного научного понимания этого феномена. Наиболее распространенное объяснение сводится к тому, что местные власти, предприниматели и коренное население различным образом притесняют и дискриминируют мигрантов, и последние, просто ради того, чтобы выжить, вынуждены идти на нарушение закона.

Современная Россия имеет дело лишь с первым поколением мигрантов. Удастся ли ей избежать проблем, с которыми сегодня сталкиваются западные страны? Ведь в обозри-

мом будущем основные потоки мигрантов по-прежнему будут поступать в Россию из менее развитых стран СНГ³?

На сегодняшний день в России не наблюдается масштабных конфликтов трудовых мигрантов с коренным населением, однако, во взаимоотношениях иноэтничных мигрантов и российского социума, по-прежнему, преобладают дезинтегративные тенденции. Существованию и даже усилению этих тенденций, помимо объективных трудностей адаптации мигрантов (неприятие со стороны местного населения, концентрация мигрантов в нижней части социальной пирамиды общества и т.п.), способствует целый ряд «субъективных» факторов, в числе которых: стремление национальных диаспор сохранить контроль над приезжими соотечественниками, стремление российских работодателей извлечь максимальную выгоду из дешевой и ограниченной в своих правах рабочей силы, а также давление на мигрантов со стороны коррумпированной части российских чиновников⁴.

Исследователи миграционных процессов в постсоветской России отмечают, что «в подобных условиях повсеместно, с разной степенью интенсивности происходит институализация теневых, криминальных практик взаимодействия заинтересованных групп с трудовыми мигрантами на микро-, мезо- и макро-уровнях (обман, дискриминация, принудительный труд, нелегальный статус, изоляция, формы работы, сходные с торговлей людьми и др.). Эти практики превращаются в норму повседневной жизни, пронизаны особо чувствительным латентным антагонизмом интересов, напряженностью отношений взаимодействующих сторон и создают дезинтеграционные настроения»⁵.

В прежние времена иммигранты свободно растворялись в принимающей стране и чаще всего ассимилировались. Сегодня во всех странах мира, принимающих внешних мигрантов наблюдается так называемая «анклавность», когда в местах концентрации мигрантов происходит локализация их поселений на этнической основе. Современная Россия не является в этом отношении исключением — в ней также имеет место этническая анклавность, хотя и в несоизмеримых с западными странами масштабах.

По результатам некоторых исследований прошлых лет в ряде субъектов РФ сложилось негласное закрепление территорий между

различными этническими группами мигрантов. Наибольшая концентрация иноэтничных мигрантов наблюдается в Центральном, Приволжском, Южном, Северо-Западном федеральных округах и в ряде областей Дальневосточного округа. Основные потоки нерегулируемой, незаконной трудовой миграции неофициально контролируются заинтересованными группами в России и в странах происхождения мигрантов⁶. В недалеком прошлом в ряде южных субъектов Федерации (Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская и Волгоградская области) было отмечено существование полностью «иммигрантских» районов, где российское право действовало чисто формально⁷.

Наиболее криминогенными являются места концентрации мигрантов в крупных городах: здесь имеются возможности для быстрого обогащения, здесь сталкиваются интересы многих социальных групп и именно здесь возникают многочисленные социальные конфликты с криминальной окраской. Это конфликты между мигрантами и местными криминальными группами; между разными этническими группами мигрантов за контроль над рынком труда или сбыта; между лидерами этнической группы мигрантов, контролирующей рынок, и представителями местной элиты; между этнической группой мигрантов, контролирующей анклавный рынок и местным населением; между мигрантами и гражданами России, нанятыми для работы; внутри самих этнических групп мигрантов за перераспределение доходов, получаемых на рынке. Однако дело не только в экономической конкуренции. Высокая концентрация социальных конфликтов в этнических анклавах опасна уже не только своей криминогенностью, но и возможностью массовых столкновений на межэтнической, расовой и религиозной основе. Именно здесь в этнических анклавах царит устойчивая атмосфера религиозной и этнической ксенофобии, здесь формируется социальная почва для этнополитического экстремизма и воспроизводятся новые поколения национал-радикалов.

References

1. See. *Nesterova A.A., Suslova T.F.* Mental representations as a factor of migration process. *Sociological studies*, 2017, № 9. P. 99—100; *Nesterova A.A., Kononov A.V.* the attitude of the indigenous population towards immigrants: causes of anti-immigrant attitudes and the problem of tolerance formation //

Modern diagnostic methods and technologies of psychological aid for people in crisis: collection of scientific works. art. / Under the editorship of A.A. Nesterova. M.: Publishing house of RHYTHM, 2014. P. 89—99; *Efremova G.I., Nesterova A.A., Suslova T.F., Pavlova O.E.* Constructivist Approach to the Problem of Social Psychological Adaptation of Migrants // *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 112—118.

2. See. *Dmitriev V.* Migration: Conflict dimension. M., 2006; *Dmitriev, A.V., Pyadukhov, G.*, Receiving society: practices of interaction with labor migrants. *Sociological research*, 2009, № 10.

3. See. *Rybakovsky L.L.* Migration potential: evaluation criteria and current scale. *Sociological research*, 2011, № 4.

4. See. *Mukomel V.I.* integration of migrants challenges, politics, social practices. *World of Russia*, 2011, № 1, p. 36, etc.

5. *Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A.*, «Migrants and society: integration and disintegration potential of interaction. *Sociological research*, 2011, № 12, p. 52.

6. См. *Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A.* Ethnic groups of migrant workers and the host society: the interaction, the tension, the conflict // *Sociological studies*, 2006, № 9, p.87.

7. See. *Dmitriev A.V.* Conflictogenicity of migration: global aspect. *Sociological researches*, 2004, № 10, p.10.

¹ См. *Нестерова А.А., Суслова Т.Ф.* Ментальные репрезентации как фактор протекания миграционного процесса. *Социологические исследования*, 2017, № 9, с. 99-100; *Нестерова А.А., Коновалова А. В.* Отношение коренного населения к иммигрантам: причины возникновения антииммигрантских установок и проблемы формирования толерантности // *Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации: сб. науч. ст. / Под ред. А. А. Нестеровой. М.: Издательство РИТМ, 2014. С. 89—99; Efremova G.I., Nesterova A.A., Suslova T.F., Pavlova O.E.* Constructivist Approach to the Problem of Social Psychological Adaptation of Migrants // *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11. № 1. P. 112—118.

² См. *Дмитриев А.В.* Миграция: Конфликтное измерение. М., 2006; *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Принимающий социум: практики взаимодействия с трудовыми мигрантами. *Социологические исследования*, 2009, № 10.

³ См. *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы. *Социологические исследования*, 2011, № 4.

⁴ См. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов вызовы, политика, социальные практики. *Мир России*, 2011, № 1, с. 36 и др.

⁵ *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия. *Социологические исследования*, 2011, № 12, с. 52.

⁶ См. *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // *Социологические исследования*, 2006, № 9, с. 87.

⁷ См. *Дмитриев А.В.* Конфликтogenicность миграции: глобальный аспект // *Социологические исследования*, 2004, №10, с. 10.

**The Problem and Ways of Formation
of the Humanistic Component of the Worldview
of Students in Departmental Higher Education Institutions
of the Interior Ministry**

**Проблема и пути формирования
гуманистической составляющей мировоззрения
курсантов в ведомственных вузах системы МВД**

Alexander Petrovich HAVRAK,
associate Professor, associate Professor of the Department
of socio-economic and humanitarian disciplines MOF Moscow
University of the Ministry of internal Affairs Of Russia
E-mail: xavrak44@mail.ru

Natalia Vladimirovna NIKOLAEVA,
candidate of philosophy associate Professor of socio-economic
and humanitarian disciplines MOF Moscow University of the
Ministry of internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: sicleph@mail.ru

Александр Петрович ХАВРАК,
доцент, доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МОФ Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: xavrak44@mail.ru

Наталья Владимировна НИКОЛАЕВА,
кандидат философских наук
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МОФ Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: sicleph@mail.ru

Научная специальность: 09.00.05 — этика

Научная специальность: 09.00.13 — философская антропология, философия культуры, религиоведение

Для цитирования: А.П. ХАВРАК, Н.В. НИКОЛАЕВА. Проблема и пути формирования гуманистической составляющей мировоззрения курсантов в ведомственных вузах системы МВД. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 45—48.

Annotation. The article deals with the objective factors that led to the deformation of the mentality of Russian citizens, which is especially evident in the youth environment, as well as the forms and methods of formation of the humanistic worldview of students in departmental Universities of the Ministry of internal Affairs.

Key words: spirituality, value orientations, humanistic ideals, consumer society, pragmatism, individualism, educational, organizational tasks

Аннотация. В статье рассматриваются объективные факторы, приведшие к деформации менталитета граждан России, что особенно проявилось в молодежной среде, а также формы и методы формирования гуманистического мировоззрения у обучающихся в ведомственных ВУЗах МВД

Ключевые слова: духовность, ценностные ориентиры, гуманистические идеалы, потребительское общество, прагматизм, индивидуализм, учебно-воспитательные, организационные задачи

Начиная с 90-х годов в России продолжается качественно новый этап развития, который характеризуется стремлением построить общество на демократических ценностях, присущих Западной цивилизации. Процессы демократизации предполагают и требуют совершенствования работы по всем направлениям и, особенно, по подготовке высококвалифицированных кадров во всех сферах общественной жизни, в том числе и в системе МВД. Усложненные задачи, стоящие в сфере правоохранительной деятельности, успешно смогут

решать только сотрудники мировоззренчески зрелые, юридически грамотные, обладающие чувством подлинного патриотизма, гражданской ответственности и любви к своему Отечеству. То есть, система образования в вузах МВД России, на наш взгляд, должна осуществить возврат к формированию у обучающихся гуманистического мировоззрения, идеалов и ценностей, убеждений, соответствующих ключевым задачам современного российского общества. Сегодня это наиболее актуально, поскольку в современной России до сих пор

отсутствует слаженная система идеологического воспитания. Для вузов силовых ведомств как никогда, значима в сложившихся условиях работа по формированию гуманистических идеалов и ценностей, патриотическому воспитанию. Она нацелена на привитие будущим офицерам чувства гордости служению своему Отечеству, чувства профессионального долга, офицерской чести. Этому способствует сама учебно-воспитательная среда ведомственных вузов, которая наиболее отвечает этим учебно-методическим и воспитательным форматам по сравнению с гражданскими вузами.

В научных публикациях, периодических изданиях, телевизионных форумах, дискуссионных открытых молодежных площадках, а также на центральных телеканалах сегодня отмечается, что Россия после распада Советского Союза, все еще не может выйти из системного кризиса, охватившего все сферы жизни нашего общества, что истощает и деморализует внутренний мир «среднестатистического» члена российского общества, обедняет его мировоззрение в бесконечной борьбе за выживание. Духовные ценности традиционной русской культуры сегодня «не в топе», выражаясь современным молодежным языком. Так в настоящее время идет активное (даже агрессивное) насаждение так называемых «западных» демократических ценностей. Под видом деидеологизации агрессивно пропагандируются ценности, вступающие в противостояние с исконно русским менталитетом. Нам настойчиво, под маской духовной свободы, навязываются стереотипы западной идеологии и общественной психологии: индивидуализм и эгоизм — вместо коллективизма и альтруизма, прагматизм — вместо духовности, жажда наживы любой ценой (прагматизм) — вместо трудового заработка, агрессивная предприимчивость — вместо трудовой активности, жесткое имущественное расслоение — вместо социального равенства, развлекательная «массовая культура» — вместо художественной классики, а культ насилия — вместо любви и дружбы [1,37].

Средства массовой информации и телекоммуникации также пропагандируют культ насилия, иждивенчества, потребительства, беспринципности, а порой и аморальности. В многочисленных телесериалах, ток-шоу идеализируется праздный образ жизни, материальное богатство,

добытое любым путем, культивируются низменные интересы, распутство (чего стоит только проект «Дом-2», который существует уже более 14 лет). Утверждается, что деньги и только деньги являются значимой ценностью.

Растущая на этой почве молодежь, впитывает в себя, как губка воду, идеи «прелестей» подобного образа жизни. И в результате мы имеем весьма плачевную ситуацию тотальной беспринципности (в гуманистическом смысле) и бездуховности.

Проведившиеся в 2017 году социологические исследования среди молодежи Санкт-Петербурга выявили следующие результаты. Большинство опрошенных молодых людей достаточно низко оценивает готовность и способность своих сверстников занимать активную жизненную позицию и включаться в социальную деятельность. Особенно негативно оцениваются такие качества, как «ответственность» (84,9%), «социальная активность» (82,8%), «патриотизм» (79%). На вопрос: «Если бы Вам представилась возможность жить не работая, Вы бы ею воспользовались?» 41% ответили «да», 35% — «нет» и 24% — «затрудняюсь ответить» [2]. Характерно, что на вопрос в связи с патриотизмом и защитой Родины, иногда отвечали вопросом: «Я что за Абрамовича и Усманова должен умирать?» (имеются ввиду олигархи). К слову, Владимир Маяковский в разгар Первой мировой войны обращаясь к тогдашней буржуазии в стихотворении «ВАМ!» писал:

**«Вам ли, любящих баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду?!» [3,98].**

Сегодня у нас скорее «дикий» капитализм и вопиющее социальное неравенство, которое продолжает усугубляться. 82% личного богатства в стране приходится на долю всего 10% граждан, а годовой доход российского олигарха в среднем в 200 000 раз больше дохода среднестатистического бюджетника. Страшно не то, что богатые богатеют, утверждает доктор экономических наук С. Смирнов, а страшно то, что огромное количество людей все больше скатываются в нищету. Тех, кто официально имеют доходы ниже прожиточного минимума сейчас насчитывается более 20 млн. человек [4,6].

Чуждая нам идеология и психология стяжательства, обмана, почти исключительно материального благополучия и бытового ком-

форта, подкупа уже становится преобладающей в мировоззрении, особенно молодежи.

Анализируя подобную ситуацию, связанную с функционированием рыночных отношений, в середине XX столетия в США Эрих Фромм утверждал, что они привели к рождению человека нового типа. «Человек, обладающий рыночным характером, воспринимает все как товар, — не только вещи, но и саму личность, включая ее физическую энергию, навыки, знания, мнения, чувства, даже улыбки... и его главная цель — в любой ситуации совершить выгодную сделку»[5,27]. Рыночной экономике, которая является у нас доминирующей, присущ так называемый возмездный характер (ты — мне, я — тебе) и рыночный релятивизм, проявляющийся в отрицании нравственных принципов и норм, характерных для нашего менталитета.

Вместе с тем, еще Аристотель утверждал: «Справедливость является величайшей из добродетелей... Общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности»[6]. Однако в реальной действительности нашей страны, как показано выше, процветает иное.

Переломить ситуацию в образовании и воспитании молодого поколения сегодня могут больше других именно ведомственные вузы со свойственными им принципами традиционного воспитания: принципом единоначалия, субординации, акцентом на гуманистическую специфику по защите законных интересов граждан, обеспечение национальной безопасности россиян и России.

Юноши и девушки, поступающие на учебу в ВУЗы системы МВД, в том числе и в Московский областной филиал Московского университета МВД России также проявляют эгоцентрические и индивидуалистические позиции во многих жизненных сферах. Некоторым из них свойственны разобщенность, нежелание делиться (в первую очередь своими умениями и навыками) и помогать друг другу.

Чтобы сформировать научную и гуманистическую составляющую мировоззрения, изменить ценностные идеалы и ориентиры, у нас проводится спланированная, целенаправленная работа, которая охватывает все сферы жизнедеятельности курсанта и слушателя. Она вбирает в себя два основных взаимосвязанных блока: организационный и образовательный. К организационным средствам воспитательного воздействия следует отнести: 1) сам уклад жиз-

ни обучающихся — относительно изолированное от внешней среды их «бытие», наполненное в том числе и служебной деятельностью (наряды, воинские ритуалы, учения, принятие Присяги, ношение форменной одежды, специальные звания и др.); 2) четкий распорядок дня, где любое отступление влечет дисциплинарную ответственность; 3) субординационные отношения, которые носят преимущественно субъекто-объектный характер; 4) самоуправление, как процесс самостоятельного формирования мировоззренческих гуманистических идеалов, убеждений, организационных навыков в процессе повседневной учебно-воспитательной деятельности, развивает навыки самовоспитания и самодисциплины.

Образовательные средства, в первую очередь включают основные теоретические и научно-практические формы и методы педагогического взаимодействия преподавателя, ведущего занятия и курсанта, направленные на формирование мировоззрения. К ним следует отнести: 1) методы активного обучения (проблемное изложение материала, дискуссия, мозговой штурм, деловая игра и др.), в которых курсанты и слушатели учатся слушать и слышать друг друга, уважать, помогать, сдерживать себя от деструктивных поведенческих реакций; 2) широкое применение видеофрагментов известных фильмов, видеоролики с примерами из практики в том числе, самостоятельно снятые видеоролики в виде социальной рекламы, пропагандирующей здоровый образ жизни, взаимопомощь, взаимовыручку, пропагандирующей правила безопасности в быту и за рулем, и многое другое. Сюда же можно отнести научную работу обучающихся (активное участие в различных научных кружках, написании научных работ и т.д.).

Научно — исследовательская работа курсантов и слушателей является одной из самых важных в подготовке будущего специалиста, сотрудника ОВД с гуманистическим мировоззрением, так как в ней наиболее высока доля самостоятельности в творческом поиске и выборе ориентиров. Особенно это касается дисциплин и научных направлений кафедр с гуманитарными науками, ведь именно изучение этих наук ориентирует курсанта и слушателя в мире гуманизма. Изучение разносторонних школ, течений, концепций и подходов к гуманистическим проблемам современного человека не оставит равнодушным, обрекает думающего курсанта встать на чью-то позицию

или, иметь свой собственный взгляд на проблему. А чтобы этот взгляд, мнение, имело вес, его необходимо аргументировать, а значит, нужно снова искать и снова работать.

Таким образом, решается важнейшая двуединая задача: во-первых, сам курсант, приобретает интеллектуальные и организационные навыки, которые пригодятся ему в течение всей жизни, в каких бы службах он не работал — это самостоятельность суждений, умение концентрироваться, постоянно обогащать собственный запас знаний, обладать многосторонним взглядом на возникающие проблемы; во-вторых, общество получает достойного своего члена, который, обладая вышеперечисленными качествами, будет эффективно решать сложные задачи в правоохранительной сфере (а это сфера отношений людей в правовом поле).

Организуют и направляют этот процесс профессорско-преподавательский состав и воспитатели (начальники курсов, кураторы взводов, сотрудники отдела морально-психологического обеспечения и другие субъекты).

Значительную роль в формировании гуманистического мировоззрения у обучающихся играют музей и Совет ветеранов Филиала.

Ежегодно ветеранская организация значительное место уделяется встречам и беседам с курсантами. Совет ветеранов Московского областного филиала МосУ МВД России заключил договор с Советом ветеранов ОМВД по Рузскому муниципальному району, где обозначена цель сотрудничества — привлечение бывших и ныне действующих практических работников к участию в образовательном и воспитательном процессе. Основное внимание в этой работе уделяется передаче новому поколению славных традиций правоохранительных органов, высоких нравственных и духовных идеалов, присущих старшему поколению.

Выступая перед курсантами и слушателями практические сотрудники, ветераны ОВД акцентировали внимание, во-первых, на необходимости приобретения глубоких профессиональных знаний, с любовью относиться к избранной профессии, формировать у себя ответственность за порученное дело, развивать инициативу и исполнительность. Подчеркивается, что только при этих условиях можно стать настоящим профессионалом своего дела, добиться признания коллег, уважения граждан, заслужить высокое право называть себя офицером полиции, стражем право-

порядка. И, во-вторых, все выступающие убеждают курсантов, что успешное выполнение служебных обязанностей невозможно без наличия таких важных нравственно-этических качеств как безупречная честность и порядочность, личная дисциплинированность, храбрость, мужество, стойкость, товарищеская взаимопомощь, строгое соблюдение законности, вежливое и внимательное отношение к гражданам и коллегам по службе. Только безусловное исполнение нравственных требований будет залогом авторитета и результативности в служебной деятельности.

Таким образом, можно подытожить вышесказанное основной идеей — служба в полиции в современных условиях российской действительности, может быть более чем раньше «...и опасна и трудна...». Для того, чтобы молодой сотрудник полиции эффективно выполнял профессиональные обязанности, ощущал социальную защищенность, социальную значимость и государственную пользу своего нелегкого профессионального призвания, государство должно позаботиться о достойном материальном и социальном статусе сотрудника полиции, а специалисты образовательных организаций вложить в сознание сотрудника кроме общих и специальных профессиональных компетенций главную мысль о том, что служба в правоохранительных органах имеет, пожалуй, самую большую гуманистическую составляющую в мотивации к этой работе. Молодой сотрудник должен понимать, что каждый день перед ним будет представлять социальная неустроенность, хаос, жесткие законы мира преступности, социального дна. Нужно быть трижды моралистом, гуманистом, патриотом, чтобы служить верой и правдой закону и людям.

Библиографический список

1. *Вырщик А.Н., Кусмарцев М.Б.* Служение Отечеству как смысл российского патриотизма. — Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2005.
2. *В. Семенов.* Тенденции изменений в ценностях российской молодежи // Русская народная линия. [Электронный ресурс]. <http://ruskline.ru/analitika/2017/08/02/tendencii...v...molodezhi/>
3. *В. Маяковский.* Т. 1. М., 1978.
4. «Аргументы и факты» № 44, 2018 г.
5. *Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии.* Часть 2. [Электронный ресурс]. http://parentalnotes.com/?page_id=3044. М., 1992.
6. Аристотель — Этика (к Никомаху)

Ontological Foundation and Ethical Consequences of Axiological Systems

Онтологические основания и этические следствия аксиологических систем

Irina Vladimirovna POLOZOVA,
doctor of philosophical sciences,
professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна ПОЛОЗОВА,
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Для цитирования: И.В. ПОЛОЗОВА. Онтологические основания и этические следствия аксиологических систем. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 49—53.

Annotation. The article deals with the doctrine of values presented in the works of European thinkers and Russian religious philosophers. It is shown that the rejection of the idea of objectivity of the world of values, based on the recognition of the ideal and spiritual foundation of life, leads to the destruction of man and his culture.

Key words: axiology, values, hierarchy of values, Russian religious philosophy, cultural crisis

Аннотация. В статье рассматривается учение о ценностях, представленное в трудах европейских мыслителей и русских религиозных философов. Показывается, что отказ от идеи объективности мира ценностей, основанной на признании идеальной и духовной основы бытия, ведет к разрушению человека и его культуры.

Ключевые слова: аксиология, ценности, иерархия ценностей, русская религиозная философия, кризис культуры

Жизнь каждого человека основывается на системе его ценностей, определяющих его мировоззрение, поступки и действия. У современного человека ценностная иерархия нарушена, зачастую она опирается на ложные и искаженные ценности, в числе которых модели и образцы поведения, диктуемые обществом потребления. Общество потребления навязывает человеку деформированный, искаженный до неузнаваемости ценностный порядок, в котором материальные ценности безоговорочно ставятся выше ценностей подлинных, духовных.

Подобное нарушение иерархии ценностного строя во многом обусловлено влиянием философских и мировоззренческих систем, исходящих из релятивизма и субъективизма в представлениях о ценностях. Переоценка традиционных ценностей христианской цивилизации, и, более того, «открытый вызов» брошенный им Ницше, явились причинами,

которые привели к возникновению аксиологии, философского учения о ценностях.

Аксиология ставит задачу выяснить место ценностей в общей структуре бытия и их соотношение с миром наличного бытия, а также с реалиями культуры и социума. Главными проблемами аксиологии являются вопросы о возможности абсолютных ценностей, их критериях и соотносительности между собой различных систем ценностей. В зависимости от понимания природы ценности, источника ее возникновения и способа ее существования, возникают различные аксиологические системы.

Основные подходы к ценностям различаются с точки зрения их онтологических оснований и этических следствий. Выбор определенных онтологических оснований аксиологической системы оказывает определяющее воздействие на понимание ценностей, их проявление в культуре и обществе, а также на ценностные предпочтения культуры. Вместе

с тем, и сами аксиологические системы, вполне в духе своего времени, испытали трансформацию понятия ценности, связанную с отказом европейской культуры от своих христианских основ, и стали еще одним дополнительным обоснованием идей релятивизма и субъективизма.

Одна из первых версий аксиологии была разработана в неокантианстве, исходящего из идей основоположника учения о ценностях Р.Г. Лотце. Ценности мыслились в неокантианстве как трансцендентные, не зависящие от пространства и времени. Вместе с тем, ценности понимались не как реально существующее общее, реальное. В неокантианстве ценность связана, прежде всего, с единичным, и означает не общность, а общепризнанность. Г. Риккерт, например, трактовал ценность как единственность в своем роде.

Неокантианство связывает ценности с порождающей их «чистой волей» трансцендентального субъекта. В качестве основного носителя ценностей рассматривается трансцендентальный субъект. Трансцендентальность ценностей означает признание субъективной абсолютности ценностей, в том смысле, что ценность мыслится сверхиндивидуальной и не зависящей от всякой индивидуальной воли. Вместе с тем, неокантианцы говорили и о религиозном основании моральных ценностей.

По мнению неокантианцев, пространство культуры всецело определяется нравственными, эстетическими и религиозными ценностями. Трансцендентные ценности обнаруживаются в имманентном мире как «смыслы», зафиксированные в культуре, как «значимости» или нормативные требования должностования. Все ценности носят внеприродный характер, в природе нет, и не может быть никаких ценностей. «Всякое верование в «естественный прогресс» и «естественные ценности», — как считает Г. Риккерт, — основывается на антропоморфизме, который совершенно не правомерен»¹.

Трансцендентальная версия неокантианства, пытающаяся соединить субъективность и объективность в понимании ценностей, является компромиссной, и, поэтому, неус-

тойчивой. От нее отталкивались и из нее исходили два противоположных направления в аксиологии, ведущие либо к ее «онтологизации» через признание объективно существующего мира ценностей, либо к ее дальнейшей «субъективизации».

Можно сказать, что в определенной степени судьба европейского человечества зависела от того, какое понимание ценностей возобладает. Онтологическое понимание ценностей утверждало наличие вневременных образцов культуры и жизни и, тем самым, сохраняло человеческую цивилизацию от разрушения. Субъективистское, напротив, приводило к релятивизации и психологизации самого понятия ценностей, и, как следствие, их размыванию и упразднению, что вело к распаду и гибели человеческой культуры.

В европейской мысли онтологический подход к пониманию ценностей представлен в трудах М. Шелера и Н. Гартмана, оказавшихся в меньшинстве и пытающихся отстаивать идею объективности ценностей. Вместе с тем, представители данного подхода также в определенной степени подверглись воздействию общеевропейского движения секуляризации и отступлению от христианства.

Так, М. Шелер выступает против субъективизма в трактовке ценностей. Субъект, по его мнению, является носителем ценностей, но не их предпосылкой. Реальность ценностного мира, по его мнению, определяется «вневременной аксиологической серией в Боге», отражаемой и воплощаемой на индивидуальном уровне. Структура ценностей априорна, они вечно тождественны сами себе, их «ранги» устанавливаются на основе трех критериев: долговечности, «неделимости», способности вызывать у человека чувство удовлетворенности. Главными свойствами ценностей он считает априорность, автономность, независимость от субъекта, чистоту, наличие определенного порядка.

По своей архитектонике иерархия ценностей образует ценностные ряды, расположенные в порядке возрастания. Низший уровень составляют гедонистические ценности приятного и неприятного, а также утилитарные

ценности полезного; следующий уровень образуют жизненные, витальные ценности; к более высокому уровню относятся духовные ценности, в числе которых выделяются этические, эстетические и ценности познания; самый же высокий уровень занимают религиозные ценности, ценности святости.

Вместе с тем, М. Шелер создает материальную этику ценностей, для выявления ценностей он прибегает к феноменологическому методу и рассматривает ценности как особые, специфические сущности. В естественной установке «даны» вещи и блага, — пишет М. Шелер, — Только во вторую очередь нам даны ценности, которые мы чувствуем в них и само это чувство»².

Н. Гартман трактовал ценности как сущности, имеющие особый онтологический статус. Свойствами ценностей является идеальность, объективность и автономность. «Ценностные структуры суть именно идеальные предметы, существующие по ту сторону бытия и небытия, даже по ту сторону реального ценностного чувства, которое одно их схватывает»³. Ценности существуют, даже если при этом нет ни одного реального их носителя. Идеальность означает, что ценности представляют собой идеальное «в-себе-бытие» в смысле платоновского царства идей. «Ценности суть первоначальные образования сферы этически идеального царства с собственной структурой, собственными законами, собственным порядком»⁴.

Вместе с тем, выстраивая иерархию ценностей, Н. Гартман, выделяя ценности блага, удовольствия, жизненные и духовные ценности, среди которых рассматривает нравственные, эстетические и познавательные, не находит место для религиозных ценностей, так как не видит их реального основания. Таким образом, ценностный порядок в его системе выглядит неполным, и его онтология ценностей незавершенной.

Можно увидеть, что, несмотря на наличие в европейской традиции серьезных онтологических подходов в аксиологии, более многочисленными и влиятельными были субъективистские подходы к ценностям, находящиеся

в русле движения «переоценки ценностей» европейской культуры.

Вариант субъективистской версии был представлен, например, в прагматизме, прежде всего, инструментализме Д. Дьюи, связавшем понятие ценности с представлениями об утилитаристски понимаемой «полезности».

Психологизированный вариант к ценностям задается в бихевиоризме, теории обмена и других психологических теориях, поставивших ценности в зависимость от субъектов и межсубъектных взаимодействий. Для данных трактовок характерно смешение ценностной и предметной реальностей, ценности и ее носителя. Тем самым понятие ценности лишается какой-либо содержательной наполненности и значимости.

Кроме того, в XX веке широкое распространение получил культурно-исторический релятивизм, идущий от В. Дильтея, исходящего из признания множественности равноправных ценностных систем, идеи которого были разделялись О. Шпенглером, А. Тойнби, М. Вебером.

В русской религиозной философии в силу большего, по сравнению с Европой, традиционализма русской культуры, преобладал онтологический подход к ценностям, представленный, например, в работах Н.О. Лосского и Б.П. Вышеславцева.

Согласно учению Н.О. Лосского, ценности являются особой категорией, не сводимой ни к какой другой. Кроме того, ценности являются идеальными и объективными.

Ценности, по Лосскому, возможны лишь в том случае, если основы бытия являются *идеальными* и притом *духовными*⁵. В противном случае существование ценностей остается совершенно необъяснимым. В работе Н.О. Лосского, ценность определяется в первую очередь со стороны ее онтологического статуса: «положительная ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и к Божественной полноте бытия»⁶.

Н.О. Лосский показывает, что подлинную конечную целью деятельности всякого существа служит абсолютная полнота бытия. Но она дана лишь в Боге, и только Бог являет

собой абсолютную полноту бытия, следовательно, всякое существо стремится к участию в Божественной полноте бытия и к обожению. Условиями абсолютной полноты бытия и предельного совершенства являются любовь и свобода.

Высокое место в иерархии ценностей занимают абсолютные «частичные самодовлеющие ценности», к которым относятся любовь, истина, свобода, красота. Данные ценности обладают свойствами Абсолюта, такими, как незамкнутость, непричастность враждебному противоборству, совместимость, сообщаемость, бытие для себя и для всех, самоотдача.

Объективным является также и порядок ценностей, очевидно, что абсолютные ценности стоят выше относительных, самодовлеющие ценности выше служебных. Ступенчатое царство ценностей объективно состоит в единстве законов его строения, упорядочивающим данный мир сообразно сущностным ценностям. Среди абсолютных ценностей главными являются всеобъемлющие ценности, само Божественное Бытие как таковое, оно стоит выше частичных самодовлеющих ценностей и, тем более, тварных ценностей⁷.

Процессам «переоценки ценностей», происходящим в европейской и, отчасти, отечественной культуре дает убедительное объяснение аксиологическая концепция Б.П. Вышеславцева, которому удалось постичь смысл происходящих в культуре процессов и обозначить отправную точку процесса распада ценностных систем в современном обществе.

Б.П. Вышеславцев исходит из идеи о том, что у разных культур существуют различные системы ценностей, основанием которых служат великие религии, в которых ценности не изобретаются, но даются свыше, в результате откровения, как, например, были даны десять заповедей Моисея в христианстве и иудаизме. Как справедливо считает Б.П. Вышеславцев, ценности могут формироваться и вырабатываться только в рамках религии, иного альтернативного источника ценностей не существует. Поэтому именно религии сыграли определяющую роль в становлении человеческой культуры и цивилизации.

Б.П. Вышеславцев убедительно показывает, что «иерархия ценностей всегда завершается признанием ценности высочайшей, ощущаемой как высшая святость, высшее совершенство»⁸. Именно данная ценность определяет все последующие ранги ценностей: моральные, эстетические, правовые. Религия, поэтому, задает всю систему ценностей, образующих культуру, причем системы ценностей различных религий вовсе не равны друг другу и не могут быть сведены к единому знаменателю.

Б.П. Вышеславцев справедливо говорит о том, что уничтожить высшую иерархическую ступень в иерархии ценностей нельзя. «Бог есть вершина иерархии, ее нельзя отрицать и зависимость от нее нельзя уничтожить»⁹ Упразднив высшую точку ценностного ряда, мы с неизбежностью получим другую вершину. Высшая ценность заменяется, таким образом, другой, подчиненной ценностью. Процесс абсолютизации, не доходящий до идеи Абсолюта, приводит к абсолютизации конечных ценностей. Подобный процесс, который происходил в Европе, начиная с эпохи Возрождения, стал причиной распада ценностной иерархии и привел к масштабной «переоценке ценностей».

Нельзя не согласиться с Б.П. Вышеславцевым, что замену абсолютной ценности относительной ценностью невозможно признать правомерной. Замена идеи Бога как высшего совершенства фигурой человека не является равноценной, так как человеческое существо само по себе не абсолютно, но является смертным и конечным. Человек способен осознать, что существует не по собственной воле. Человеку свойственно переживание трансцендентальной зависимости, которая может проявляться как откровение в религии, как озарение в науке, как вдохновение в искусстве.

Пришедшие на смену христианской системы ценностей светские ценностные системы можно свести к трем основным. Первая из них, рассматриваемая в качестве высшей ценности природу, может быть охарактеризована как натурацентризм, означающий при-

дание природе свойств и качеств Бога. Вторая, в качестве высшей ценности утверждающая человека, предстает как антропоцентризм. Третья, социоцентристская, рассматривает как наиболее высокую ценность общество и придает ему черты и характеристики абсолюта.

Но, продолжая развивать далее идеи Вышеславцева, можно увидеть, что все данные системы, лишённые своего подлинного духовного основания, не являются устойчивыми и обнаруживают тенденцию к дальнейшим изменениям и разрушению. Принципом нарушения ценностной иерархии является редуционизм, означающий сведение высшего к низшему, придание особого значения ценностям низшего порядка.

Так, становление натурацентристской системы, первоначально предполагающей приращение природе свойств и качеств Бога, происходило через промежуточные формы, такие как деизм и пантеизм. Впоследствии же, с забвением идеи Бога упразднилась и божественность в понимании природы, в её трактовке возобладало материальное начало, натурализм постепенно трансформировался в материализм.

Признание наибольшей ценности высших, духовных проявлений человека исходит из признания Высшего начала по отношению к человеку. Отсутствие же такого начала допускает возвышение иных полюсов человеческого бытия, в том числе и низшего, природного, плотского, телесного. Антропоцентризм, поставивший человека на место Бога, и изначально утверждающий богоподобие человека (например, в работах гуманистов Возрождения) привел, с исчезновением идеи Бога, к разрушению и опустошению самой идеи человека, который, лишившись духа, стал трактоваться фактически как животное, будучи сведен преимущественно к физиологическим функциям. Гуманизм, таким образом, оборачивается такими формами как эгоизм, гедонизм.

Третья из производных систем, социоцентристская, состоит в абсолютизации общества и общественной жизни. Отсутствие высшего начала по отношению к социуму привело к тому, что в качестве основных и определяющих в жизни общества стали трактоваться материальные факторы.

Таким образом, можно увидеть, что система секулярных ценностей была основана и существовала на основе ценностей религии. Европейская культура, например, была построена на основе христианских ценностей. Но, как только светская ценностная система окончательно эмансипируется от религиозной системы, ценности, лишённые своей духовной онтологической подпитки, перерождаются и вырождаются. Религия, поэтому, должна оставаться фундаментом культуры и системы ценностей.

Деформация ценностного строя — особенность современной цивилизации, она имеет причины философского и общекультурного порядка. Целью аксиологии в понимании русских мыслителей является восстановление изначальной, неповрежденной иерархии ценностей, вершиной которой является Бог. Актуальность идей русских философов не уменьшается, а, напротив, возрастает и в наше время в связи с продолжающимся распадом системы ценностей у современного человечества.

---

¹ Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 7. С. 517.

² Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М., 1994. С. 279.

³ Гартман Н. Этика. СПб. 2002. С. 178.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей // Лосский Н.О. Бог и Мировое зло. М., Республика, 1994. С. 285.

⁶ Там же. С. 298.

⁷ Там же. С. 273.

⁸ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М. 1994. С. 294-295.

⁹ Вышеславцев Б.П. Миф о грехопадении // Путь, 1932. С. 9-10.

Ideological Content of the Russian society

Идеологическое содержание Российского общества

Dmitrii Anatolevich ZHYRAVLEV,
candidate of philosophical sciences in Political science, General Director of Institute of regional problems
E-mail: office@unity-dana.ru

Artem Denisovich PROKHOROV,
3rd year student of the Moscow Pedagogical State University of the Institute of History and Politics of the Faculty of Political Science
E-mail: Prokhorovartem@mail.ru

Дмитрий Анатольевич ЖУРАВЛЁВ,
кандидат политических наук, генеральный директор «Института региональных проблем»
E-mail: office@unity-dana.ru

Артём Денисович ПРОХОРОВ,
Студент 3 курса Московского Педагогического Государственного Университета Института Истории и Политики факультета Политологии
E-mail: Prokhorovartem@mail.ru

Для цитирования: Д.А. ЖУРАВЛЁВ, А.Д. ПРОХОРОВ. Идеологическое содержание Российского общества. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 54—57.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the essential characteristics of ideology in Russian society and the identification of possible ways of ideological development. The paper discusses the main ideological concepts and compares with the essential aspects of Russian society.

Key words: neoliberal ideology, neo-conservative ideology, ideological field, modernist ideology

Аннотация. Статья посвящена анализу сущностных характеристик идеологии в российском обществе и выявлению возможных путей идеологического развития. В работе рассматриваются основные идеологические концепции и сопоставляются с сущностными аспектами российского общества.

Ключевые слова: неолиберальная идеология, неоконсервативная идеология, идеологическое поле, модернистская идеология

Современная Россия Федерация за последние 30 лет претерпела настоящий «идеологический шок». После развала СССР и провозглашения курса на «деидеологизацию» наша страна встала на путь формирования прагматического пути развития, что привело к упадку национальных ценностей и возможной потери идентификации русского народа.

В этой связи Россия, решила пойти по догоняющему пути развития идеологии, взяв за образец западную идеологическую модель. При этом стоит отметить, что само понятие «идеология — как формирующий элемент общества» в новой России, пытались скрывать и избегать. Тем не менее, создание неофициальной идеологической базы создавалось. Но как показывает опыт 1990-х годов, данная концепция имела полный провал. Это по нашему мнению было обусловлено рядом факторов: *Во-первых*, основной пласт новой

политической элиты Российской Федерации, составили выходцы из партийного аппарата СССР, это в свою очередь породило ситуацию, при которой чиновники, основываясь на своем уже имеющемся жизненном опыте, неосознанно повторяли старую советскую модель управления. *Во-вторых*, народ не смог быстро перестроится к новым реалиям либеральной идеологии. Многие люди не свыклись с мыслью развала СССР и продолжали жить по старой системе. *В-третьих*, догоняющий путь развития идеологии, по западному либеральному образцу, требовал максимальной мобилизации ресурсов сверху, что в свою очередь не мог обеспечить основной принцип либерализма «инициатива от народа посредством свободы». *В-четвертых*, не было четких целей при формировании идеологической базы, государство стремилось создать модель, где общество и государство будут

взаимосвязаны и двигаться в одном направлении, но каким это будет направление было не ясно.

В этой связи, было четко понимание того, что создать идеологическую модель с нуля было не возможно. Коммунистическая идеология изжила себя и уже не имела столь большого влияния в обществе. Либерального консенсуса добиться не получилось, западный образ жизни еще не успел прижиться в российских условиях, хотя имел тенденцию к его приобщению, но отдавать свои льготы и принимать на себя часть обязательств делегированных государством, населения было не готово.¹ Но главное во всем этом являлась проблема того, что обе идеологические позиции в российских реалиях не смогли бы ответить на новые вызовы, стоящие перед Россией.

Тем не менее, в российской политической элите 1990-х годов было четкое представление о том, что сформировав демократические принципы управления государством, европейское сообщество примет новую Россию и даст новый толчок в развитии государства. Но как было сказано выше «либерального консенсуса» добиться не получилось. Это создавало риск, при котором демократические методы в управлении могли не прижиться с реалиями российского общества и истеблишмента. В этой связи было принято единственно правильное решение, регламентированное и прописанное в Конституции Российской Федерации. Статья 13 где гласится, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной.²

С одной стороны данная позиция ясна и даже носит вполне прагматичный и рациональный характер. Так если мы обратимся к известному труду американского социолога Д. Беллу «Конец идеологии» мы четко сможем выявить, что в условиях глобализации, урбанизации, плюрализма, миграции и развитию новых средств научно технологического прогресса, любая идеология обречена, раствориться в обществе. Но с другой стороны отсутствие четко сформированной идеологической

базы создает вероятность раскола общества. Особенно остро ощущается данная проблема в нашей стране, в условиях многокультурности и большого охвата территории контролируемых из федерального центра, а также непонимания в определении «свой — чужой», вызванных в первую очередь принципами плюрализма и демократии.

Сегодня согласно социологическим опросам проведенным исследовательским центром «Romir» 37,7% россияне считают, что в России нет четкой идеологии, а 31,7% считают, что они живут в демократической стране.³ Это наталкивает на мысль в каком направлении должна двигаться нынешняя система в управлении идеологии. Так согласно проведенным исследованиям РАГС в 2009 году половина опрошенных считает, что Россия должна искать свой собственный путь развития идеологии.⁴

Данные исследования наглядно показывают запрос общества на формирование собственной концепции формирования идеологии. Это связано с рядом факторов: *Во-первых*, современное российское общество нуждается в четко определенном образе будущего, для понимания целей и задач, стоящих в государстве и для его благополучия. Это позволит создать модель, при которой человек и чиновник будут стремиться работать на государство с пониманием того, что перед ними лежит ответственность за последующие поколения. Сам менталитет российского народа, демонстрирует ситуацию, где в общественном мнении существует представление о том, что именно государство является основным драйвером всех политических отношений во всех сферах жизни общества.^{5,6} В этой связи необходимо формировать такие механизмы, при которых общество будет заинтересовано в развитии государства. *Во-вторых*, в условиях технологического прогресса человек перестает себя ассоциировать с конкретным обществом, он становится все более оторван от социальной реальности, уступая место формированию вымышленной картины мира, посредством СМИ. Это создает угрозу возникновения класса «социопатов», которые не будут заинтересованы

в совместной работе при решении поставленных задач.

В этой связи новая власть в 2008 году поняла необходимость реформ и пересмотра неолиберальной концепции на неоконсервативную реставрацию, которые исследователи называют «модернистской идеологией». Данное решение власти было ответом на разразившийся кризис 2008 года, который, в связи с тесными отношениями с Западом и интегрированности российской экономики в западную модель, повлек за собой мощный экономический кризис в нашей стране.⁷ Это повлекло за собой основание для критики европейской идеологической модели, которая не может работать в российских реалиях. Данная идеологическая модель существенно подходила для российского общества так: внутри государства могла сложиться ситуация, где общество согласится с базовыми идеями новой идеологии, а именно: стабильность, преемственность, авторитет власти, порядок. Во внешнем плане мы могли четко противопоставить себя Западу, так основываясь на опыте А. Мода, Я. Маклеода, Р. Модлида и Э. Пауэлла мы могли выступить против политики технократического курса. И предоставить в противовес идеи «государства всеобщего благоденствия» концепцию «нового консерватизма». Данная идея позволяла создать четкую вертикаль власти, при которой будет обеспечен контроль и порядок, а также эффективная система управления с быстрым реагированием, но с ручным характером.

Однако к этому времени сложились общественные противоречия внутри самого общества. В Российской Федерации сформировалась уникальная, но в то же время взрывоопасная ситуация непонимания внутри общества и отсутствия преемственности поколений.⁸ Так все современное российское население на сегодняшний день можно разделить на три большие группы: Первая группа, старое поколение помнившие жизнь в СССР и живущие по общинному принципу социализма. Данная группа не смогла интегрироваться в нынешнюю идеологическую систему и при-

няла позицию полного непризнания действующего курса. Вторая группа, люди, принявшие либеральные институты и встроенные в западный образ жизни. В основном эту категорию представляют интеллектуальная молодежь и средняя прослойка населения, которая находится в большинстве и не признает действующий курс власти. Третья группа сторонники консервативных идей возрождения Нации. Основными методами, которых является поддержание национальных ценностей, ориентация на власть и стремление к переосмыслению западного образа жизни и внесение в российское общество собственного пути развития. Существование такого разграничения на группы в обществе свидетельствует о социально-культурном противоречии в обществе, об идеологическом и политическом конфликте.

По своей сути такой пласт противоречий создает сама Конституция Российской Федерации. Нельзя отрицать, что основой Конституции являются либеральные ценности, в этой связи возникает противоречие, вызванное с одной стороны поддержкой данного курса большинством населения, ругающих власть за несоблюдение Конституционных норм и с другой стороны отсутствием широкого представительства в органах государственной власти либеральных партий и объединений. Ответ на данный вопрос кроется в самой идеологии либерализма, которая не отошла от потрясений вызванных избранием А. Гитлера на свободных и равных выборах в Германии, которые привели ко второй мировой войне. В этой связи любая идеологическая концепция либерализма опасается «диктатуры большинства», где большинство захватит власть. Именно поэтому так активно защищаются «социальные меньшинства», которые должны обеспечить равновесия в социальном и государственном устройстве. Именно это, по мнению Западных стран, свидетельство сформированного демократического государства. Что и объясняет отсутствие широкого представительства либералов в политических верхах.

Эта ситуация стимулирует Россию к поиску новой идеологической базы, которая объединила бы в себе идеи всех трех групп населения. Но такой поиск может сопровождаться только с изменением Конституционной базы. Так российский судья В. Зорькин в своей статье опубликованной в «Российской газете» под названием «Буква и дух Конституции» утверждает, что в Конституции необходимы «точечные изменения», направленные на изменение приоритетов и интересов с человека на гражданина, где многонациональный народ Российской Федерации станет единым. Идеал идеологической базы Конституции В. Зорькину видится в переориентации с идеалов солидаризма к идеалу православного солидаризма.⁹

Но стоит отметить, что формирование новой идеологии в России, может носить два характера: резкий и постепенный. С учетом опыта 1990-х годов резкий способ на формирование идеологии не подходит, общество не успевает привыкнуть к новым идеалам и ценностям, что приведет к конфликтам и противоречиям. В этой связи, постепенный путь видится нам наиболее перспективным. Необходимо постепенное реформирование всей системы идеологической базы, направленное в первую очередь на комфортное проживание гражданина на территории своей страны. Конечно, мы не можем отрицать, что данный путь будет носить затяжной характер, но для формирования устойчивого российского общества, нужно грамотное внедрение нового образа будущего, которое будет носить реальный формат.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. Ст. 13.

2. *Белявский Ю.А.* Идеологические разломы в массовом политическом сознании российского общества // Журнал. Социология и власть. 2010. № 7. С. 102—108.

3. *Пороховская Т.И.* Идеология как инструмент формирования гражданской идентичности // Журнал. Ценности и смыслы. 2014. № 8. С. 5—12.

4. *Малицкий В.С.* Идеология в современной России // Журнал. Весник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3. С. 6—11.

5. *Давыдов М.А.* Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнильно-передельная община (к постановке проблемы) // Журнал. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: история России. 2013. № 3. С. 5—19.

6. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в Имперской России XVII — нач. XIX века [Текст] // Б.Н. Миронов. М: Весь Мир. 2012—605 с.

7. *Валерий Зорькин.* Буква и дух Конституции [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>. (Дата обращения: 13.03.2019)

¹ *Белявский Ю.А.* Идеологические разломы в массовом политическом сознании российского общества // Журнал. Социология и власть. 2010. № 7. С. 102—108.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. Ст. 13.

³ Исследования «Ромир». URL: www.romir.ru. 2011. (дата обращения 13.03.2019)

⁴ См.: Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества. М.: РАГС, 2009. С. 18.

⁵ *Давыдов М.А.* Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнильно-передельная община (к постановке проблемы) // Журнал. Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: история России. 2013. —№ 3. С. 5—19.

⁶ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в Имперской России XVII — нач. XIX века [Текст] // Б.Н. Миронов. М: Весь Мир. 2012.

⁷ *Малицкий В.С.* Идеология в современной России // Журнал. Весник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3. С. 6—11.

⁸ *Пороховская Т.И.* Идеология как инструмент формирования гражданской идентичности // Журнал. Ценности и смыслы. 2014. № 8. С. 5—12.

⁹ *Валерий Зорькин.* Буква и дух Конституции [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>. (Дата обращения: 13.03.2019).

Political Elite of Modern Russia

Политическая элита современной России

Aleksandr Ilitch SATSUTA,
professor of the department of the Sociology and Politology
of the Russian MIA Moscow University named
after V. Ya. Kikotya, candidate of philosophy, professor
E-mail: al.satsuta@mail.ru

Александр Ильич САЦУТА,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя, кандидат философских наук, профессор
E-mail: al.satsuta@mail.ru

Для цитирования: А.И. САЦУТА. Политическая элита современной России. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 58—61.

Annotation. It is characterized by the social elite and its kind political elite as an integral part of modern society, special social education. The dynamics of evolution of political elite of modern Russia is shown. Conditions and factors of formation of the Russian political elite, its features and problems of activity in modern conditions are revealed.

Key words: social elite; political elite; political elite of modern Russia; features of modern Russian political elite; problems of formation and activity of political elite of modern Russia

Аннотация. Характеризуется общественная элита и ее разновидность политическая элита как неотъемлемая часть современного общества, особое социальное образование. Показывается динамика эволюции политической элиты современной России. Раскрываются условия и факторы формирования российской политической элиты, ее особенности и проблемы деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: общественная элита; политическая элита; политическая элита современной России; особенности современной российской политической элиты; проблемы формирования и деятельности политической элиты современной России

Элита является неотъемлемой частью современного общества, особым социальным образованием. Термин «элита» происходит от латинского слова *eligere* — выбирать и от французского *elite*, означающего лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII в., этим термином обозначались товары и предметы высшего качества, а в XVIII в. он вначале стал использоваться для наименования отборных воинских частей, а затем и высшей знати [4].

Существование элиты как высшего социального слоя в системе социальной стратификации — объективно обусловленное явление. В классических концепциях элиты: доктрине политического класса Г. Моска [7], теории элиты В. Парето [8], концепции олигархии Р. Михельса [6] и современных теориях элиты — макиавеллистской, менеджерской, ценностной, демократического элитизма, плюрализма элит, леволиберальной и др. [1;5] выделяется и раскрывается совокупность обстоятельств и причин, объясняющих существование и функционирование общественной элиты как закономерного и специфического социально-

го образования. Важнейшими из них являются закон разделения труда, необходимость социального управления как разновидности профессиональной деятельности, условия эффективного функционирования и развития общества, социальное, интеллектуальное и психофизическое неравенство людей, качественные различия в их личностных характеристиках.

Общественная элита представляет собой социальное образование, объединяющее совокупность лиц, обладающих особыми качествами и занимающими ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие различных сфер общественной жизни. По своим качественным характеристикам общественную элиту теоретически составляют люди имеющие наивысший индекс в области своей профессиональной деятельности, твердые моральные и политические убеждения, высокую легитимность и относительную независимость в деятельности, обладающие высокой социальной ответственностью и активностью, формальной властью, реальными возможностями

и ресурсами, позволяющими им влиять на деятельность ключевых социальных институтов, высоким социальным статусом и престижем, способные к самоусовершенствованию и самовоспроизводству, соблюдению и сохранению традиций и устоев общества, его духовных и нравственных ценностей [2, с. 580].

Общественная элита плюралистична по своему составу. Ее особую разновидность составляет политическая элита, оказывающая определяющее влияние на формирование и реализацию политики государства.

Как специфическая составная часть общественной элиты политическая элита формируется с возникновением государства. Первоначально ее образуют специально подготовленные люди — управленцы, на которых возлагается в обществе класс возлагает задачу государственного управления. В современном обществе к политической элите принято относить не только тех, кто непосредственно осуществляет государственное управление, но и тех, кто оказывает влияние на принятие государственных решений и их выполнение, функционирование политического процесса.

Современная политическая элита и прежде всего ее правящая в обществе группа, в силу ее функциональной роли — управление обществом, регулирование социальных отношений, занимает ведущее место в обществе, обладает особым социальным статусом и положением. Она тесно взаимосвязана и взаимодействует с другими разновидностями общественной элиты, находится в особых отношениях с оппозиционными ей политическими силами, формируется и воспроизводится специфическими механизмами и способами. Правящая политическая элита, обладая наибольшим объемом власти в обществе, находясь в центре политико-властных отношений, организации государственного управления, принимает стратегические решения, имеющие значение для всего общества, организует взаимодействие всех управленческих структур при их выполнении, интегрирует усилия общественной элиты и народа в решении общенациональных задач.

Политическая элита в отдельно взятой стране занимает определенное положение в системе общественных отношений, обладает своими особенностями, определяемыми со-

держанием и характером конкретного исторического этапа общественного развития, социальной структурой общества, традициями и ценностями, политической культурой народа, другими условиями и факторами. В России, как в исторической ретроспективе, так и современных условиях, правящей политической элите принадлежит исключительно важная роль в общественной жизни. Такое положение российской политической элиты в системе общественно-государственных отношений существенным образом отличает Россию от стран Западной Европы и США, в которых ведущим фактором общественного развития являются не столько и не только интересы и воля правящего политического класса, а экономические потребности, инициированные снизу и продиктованные частными интересами. В России исторически сложилось так, что государство строит общество, в то время как на Западе прежде всего общество строит государство. С доминирующей ролью государства в общественных преобразованиях и изменениях в России и связано главным образом то, что их главным фактором как в прошлом, так и в настоящее время является политическое управление, основной субъект которого — политическая элита.

Политическая элита современной России исторически и цивилизационно связана с прошлым страны — она формируется и осуществляет свою деятельность во-многом на основе национальных политических традиций и политического опыта. На ее функционирование и деятельность существенное влияние оказывают содержание и характер перемен в общественной жизни России и международных отношениях с конца XX в. Для правящей политической элиты современной России характерны элитократизация, концентрация ресурсов и средств влияния на общество, использование политической власти как инструмента для доступа к богатству и привилегиям. Она стремится к монопольному обладанию властью, практически не допускает существование в обществе оппозиционных ей несистемных политических сил, к конкуренции за власть и участие в ней открытых политических оппонентов. Для обеспечения своей групповой сплоченности и высокого социального статуса в обществе политическая элита

использует как традиционные и прежде всего административные средства, способы и приемы, так и современные организационно-политические, психолого-идеологические и информационные технологии. Политическая элита России ориентирована на массированную обработку общественного мнения средствами массовой информации в целях достижения своей легитимности, на административно-авторитарные способы формирования политических и государственных структур.

Правящая политическая элита современной России формально едина, ее структура построена по принципу строгой соподчиненности, пирамидальной иерархии. Элитарное взаимодействие в правящем политическом классе осуществляется на основе формальной поддержки курса национального политического лидера, в соответствии с корпоративными нормами и правилами. Как и в советской политической элите, в обладающей властью политической элите России существует элитарная группировка («связанная группа»), членов которой объединяют личная преданность политическому лидеру, совместная учеба и трудовая деятельность. Особую роль в структуре правящей российской политической элиты играет региональная и местная политическая элита, ее бюрократическая (административно-политическая) часть. У этой части современной российской политической элиты сохраняется зародившийся еще в индустриальную эпоху комплекс веры в собственную непогрешимость и важность, заниженное чувство социальной ответственности. Она нередко в различных формах противопоставляет свои корпоративные интересы интересам народа, часто по хамски, с цинизмом относится к простым людям и их проблемам, советует им «питаться макаронками», помнить о том, что вы «рожаете не для государства», называет людей, записавших видеобращение к Президенту России, «козлами» и «экскрементами», пренебрегает традиционным национальным ценностям. Люди, подчеркивается в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, — «очень остро чувствуют лицемерие, неуважение к себе и любую несправедливость» [3].

На формирование, состав и деятельность современной российской политической элиты определяющее влияние оказывают динамика,

содержание и характер общественной жизни России в последние десятилетия. В 90-е гг. XX в. отличительной особенностью элиты являлись ее ново номенклатурный характер, существование в форме симбиоза новых управленцев либеральной ориентации и известных представителей советского политического класса. Для политической элиты это периода было характерно: сложная адаптация к новым условиям развития страны, наличие конкурирующих группировок, неспособность определить главные цели и приоритеты общественного развития, неумение профессионально и качественно решать текущие задачи внутреннего развития страны, ее внешней политики, стремление перенести на отечественную почву западные модели организации общественной жизни, приоритетное внимание к обеспечению личного благополучия, широкая практика обогащения за счет приватизации и распродажи государственной собственности, обеспечение частью государственной бюрократии интересов финансового и теневого капитала, иностранных корпораций.

С начала XXI в., в связи с процессом укрепления вертикали власти в России, официальной ориентацией власти на построение основ конкурентоспособного постиндустриального общества в формировании, составе и ориентирах деятельности российской политической элиты происходят существенные изменения. Сегодня, по сравнению с 90-гг. XX в. практически сменился состав политической элиты, социальную базу ее формирования составляют широкие круги общества: интеллигенция, государственные служащие, кадровые военные и сотрудники других силовых структур, предприниматели и бизнесмены. Однако если в Советском Союзе хотя бы формально в состав высших партийных и государственных органов включались рабочие и крестьяне, то в современном российском обществе выходцам из трудового народа, низших социальных групп выдвинуться в политическую элиту практически невозможно. Российская политическая элита XXI в. стала значительно моложе, образованнее, в ее составе возросло число патриотически настроенных и национально ориентированных, профессионально ответственных руководителей, увеличилось количество лиц, владеющих современными методами управления. Все это привело к определенному

повышению уровня управляемости страны, решению некоторых макроэкономических задач.

Вместе с тем у российской властвующей политической элиты начала XXI в. пока еще не сложилась система последовательных, экономически и социально-политически организационно обоснованных действий в кризисных ситуациях, в условиях экономической нестабильности и экономических санкций по реализации намеченных государством долгосрочных программ и национальных приоритетных направлений общественных преобразований. Многим ее представителям присущи ситуативные подходы в политическом управлении, неспособность определять первоочередные проекты и планы в рамках реализации стратегических приоритетов общественного развития, доводить до конечного результата краткосрочные и среднесрочные планы и решения. Определенная часть современной политической элиты России занята преимущественно удовлетворением своекорыстных интересов, предпочитает личное обогащение, а не служение обществу.

Качественное пополнение и обновления современной российской политической элиты, повышение эффективности ее деятельности является важнейшим, если не основным, условием движения России по пути прогресса, ее прорыва на всех направлениях развития, утверждения международного авторитета страны. Сегодня крайне важны конкуренция и публичность отбора кандидатов в состав политической элиты, ротация в политическую элиту лучших представителей из различных социальных слоев населения, обладающих высокими профессиональными и нравственными качествами, выработка механизмов отбора наиболее достойных людей в состав политической элиты, общественного контроля над ее деятельностью, обеспечение публичности результатов деятельности политической элиты. При отборе и выдвижении кандидатов в политическую элиту России целесообразно использовать, что имело место в советском обществе, социальные лифты. Доказал свою эффективность естественный путь продвижения в политическую элиту снизу, на основе приобретения опыта практической работы в различных сферах деятельности и общественной жизни, с учетом социальной и профессиональной зрелости, достигнутых конкретных результатов в управленческой деятельно-

сти, изменивших жизнь людей к лучшему. Такие подходы и способы к отбору и формированию политической элиты доказали свою действенность, активно используются в передовых странах мира. Их никогда не заменят проводимые в последнее время в России онлайн-тесты, «веревочные» тренинги, «курсы молодого бойца», конкурсы «лидеры России», семинары по отбору кандидатов для назначения на государственные должности. Тем более, что примеров, когда их результаты учитываются при выдвижении и назначении тех или иных лиц в органы государственного управления и муниципальной власти, известно немного. В России пока не сложилась эффективная система подготовки и переподготовки властвующей политической элиты, ее регулярного пополнения и обновления профессионально подготовленными, с социально значимыми качествами и характеристиками людьми.

Задачи, определенные в национальных целях и национальных приоритетах по стабилизации и инновационному развитию российского общества выдвигают новые требования к отечественным политическим управленцам, их менеджерским и человеческим качествам. На первое место выходят свойства креативности, конкурентоспособности, профессионализма, патриотизма, нравственности и гражданской ответственности, интернирующиеся в особом российском менталитете. Подлинно национальная российская политическая элита в идеале должна стать элитой заслуг (меритократией), элитой ответственности, а не элитой привилегий.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М., 2003.
2. Осипова Н.Г. Элита//Социологический словарь/ Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичева. М., 2010.
3. Российская газета. 2019. 21 февраля
4. Элита во власти. URL:www.perfecting.ru/politika
5. Bottomore T.B. Elites and society. N.Y., 1964; Sartori G. The theory of democracy revised. N.Y., 1987.
6. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens (A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy). Leipzig, 1911.
7. Mosca G. Elementi di Scienza Politica. Rome, 1986(На англ. яз.: The Ruling Class. N.Y.; L., 1936).
8. Pareto V. Trattato di Sociologia Generale. Milano, 1964.

Implementation of E-democracy Mechanisms

Реализация механизмов электронной демократии

Ekaterina Borisovna FURSOVA,
Professor of Public administration and law
Moscow Polytechnic University
E-mail: efursova2014@yandex.ru

Екатерина Борисовна ФУРЦОВА,
кандидат политических наук,
профессор кафедры Государственное
управление и право
Московского политехнического университета
E-mail: efursova2014@yandex.ru

Для цитирования: Е.Б. ФУРЦОВА. Реализация механизмов электронной демократии. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 62—66.

Annotation. The article discusses the forms of social and political activity of citizens using information and communication technologies, analyzes the experience of the formation of e-democracy mechanisms in Russia

Key words: e-democracy mechanism, electronic voting, poll, public initiative, group discussion, collective action, the formation of online communities, cyber party

Аннотация. В статье рассматриваются формы общественно-политической активности граждан с применением информационно-коммуникационных технологий, анализируется опыт становления механизмов электронной демократии в России.

Ключевые слова: механизм электронной демократии, электронное голосование, опрос, общественная инициатива, коллективное обсуждение, коллективное действие, формирование онлайн-сообществ, киберпартия

Важным направлением в становлении информационного общества России является создание условий для осуществления свободного и эффективного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти и местного самоуправления. Этот процесс в современных условиях немаловажен без совершенствования механизмов электронной демократии, понимаемой как форма общественно-политической активности граждан с применением информационно-коммуникационных технологий для обеспечения эффективного взаимодействия граждан с другими гражданами, властными органами, общественными и коммерческими организациями, а также инструментов такого взаимодействия.

Взаимодействие в сфере электронной демократии может приобретать формы информационного обеспечения, консультирования, обсуждения и выдвижения идей и инициатив, выработки и реализации решений, организации различных мероприятий, контроля за деятельностью государственных и негосударственных организаций, участия в различных выборах...

В предложенном Минкомсвязью в 2012 году проекте «Концепции развития в РФ механизмов электронной демократии до 2020 года» выделялись следующие виды таких механизмов:

- электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т.д.);
- механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме онлайн;
- механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;
- механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;
- механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне.¹

На момент создания этой концепции формы сетевого взаимодействия находились в стадии становления, что не помешало в ходе ее обсуждения делать смелые прогнозы о перспективах их развития в России.² Эксперты прогнозировали внедрение универсальной id-карты гражданина России к 2013 году, что могло бы стать основой для легитимизации электронного голосования и ожидали уже к 2015—2017 году принятия нормативных актов, регулирующих данную сферу и широкого распространения этой формы голосования. С высоты сегодняшнего дня совсем уже утопичными выглядят ожидания прямого участия граждан в управлении через интернет путем электронного голосования к 2020 году.

Вместе с тем, отмечая излишний оптимизм в определении временных рамок развития электронной демократии в России, нельзя не увидеть, что экспертам удалось в основном выявить ведущие тренды формирования ее механизмов.

Термином электронное голосование обозначают различные технологии, которые задействуют программно-технические средства для организации процедуры голосования. В одном случае необходимо присутствие голосующего на избирательном участке (или в ином специально оборудованном помещении), а само голосование осуществляется с применением электронной машины для голосования. В другом — голосование осуществляется дистанционно, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и специальных средств идентификации.

В России до сих пор применялась первая модель организации электронного голосования. Для нее были созданы комплексы электронного голосования (КЭГ), обеспечивающие проведение голосования без использования бумажных бюллетеней, осуществляющие автоматизированный подсчет голосов избирателей, подведение итогов голосования и составление протокола участковой комиссии. В такой комплекс входят стационарные и переносные (для голосования на дому) устройства сенсорного голосования (УСГ); тренажеры, устанавливаемые перед входом в помещение для голосования для ознакомления избирателей с голосованием на сенсорном устройстве; сетевой контроллер; сервисный блок;

мини-принтер и устройство автономного электропитания.

Впервые в России эксперимент по применению комплекса электронного голосования прошел в 2005 году с участием студентов и преподавателей некоторых вузов Москвы, Томска и Воронежа. В 2007 году в ходе выборов депутатов Областного совета в Орле ряд участков были оборудованы КЭГ. Анализ результатов голосования показал, что около 30% его участников из разных возрастных групп предпочли электронный вариант.

В 2011 году комплексы электронного голосования, модифицированные с учетом опыта предыдущих экспериментов, применялись уже на 327 избирательных участках на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва.³

В марте 2012 года на выборах Президента Российской Федерации 333 КЭГ применялись в 7 субъектах Российской Федерации и на территориях зарубежных государств (в Германии действовали 11 КЭГ, Польше -4, Казахстане-7).⁴

На выборах Президента Российской Федерации в 2018 году КЭГ работали на 809 избирательных участках.⁵ Также на этих выборах активно использовался сервис «Мобильный избиратель», дающий возможность избирателю проголосовать по месту нахождения. Для этого гражданин Российской Федерации мог не только лично обратиться в свою избирательную комиссию и подать заявление о включении в список избирателей по месту нахождения, указав избирательный участок, где он планирует проголосовать, но и сделать это онлайн через портал госуслуг. Для того чтобы воспользоваться этой возможностью, гражданин должен был иметь подтвержденную учетную запись на данном портале. Результатом использования этого нововведения стало увеличение количества избирателей, обратившихся за открепительными удостоверениями, более чем в два раза по сравнению с 2012 годом — около 5 700 000 избирателей против 2 166 913.

В 2019 году этот эксперимент планируется расширить: в Москве будут организованы 30 цифровых участков, на которых избиратели из других регионов смогут проголосовать

на дополнительных выборах в Государственную Думу РФ по трем одномандатным округам, а также на выборах высших должностных лиц в субъектах Российской Федерации. Специально для этих выборов предполагается создание нового варианта машины для электронного голосования, которая бы не только передавала результаты голосования по цифровым каналам, но и могла бы печатать бумажный образец. Такая модернизация требуется для обеспечения возможности пересчета голосов с целью защиты результатов выборов от возможных фальсификаций.

Избирательная кампания по выборам в Мосгордуму этого года может стать экспериментальной площадкой для внедрения в России и второго типа электронного голосования — дистанционного. На экспериментальных одномандатных избирательных участках планируется организовать дистанционное голосование с использованием специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг. Гражданин, планирующий принять участие в электронном голосовании, должен быть зарегистрирован на портале mos.ru и подать заявление о своем желании голосовать дистанционно. Если, в день голосования он решит голосовать лично на избирательном участке, то у него будет такая возможность в том случае, если он до этого не проголосовал удаленно.

Москва не случайно становится площадкой для этого эксперимента — руководство города планомерно развивает механизмы сетевой коммуникации с гражданами, стремясь выстроить с использованием современных технологий диалог с обществом, убедить в прозрачности и эффективности принимаемых решений. С 2014 года в Москве реализуется проект «Активный гражданин», который позволяет с помощью интернет-опросов выяснять позицию горожан по актуальным проблемам. Одной из задач проекта является создание условий для роста гражданской активности жителей столицы. За четыре года работы число участников проекта выросло в четыре раза и достигло к началу 2019 года более 2 000 000 человек. Было проведено более 3900 голосований по общегородским, отрасле-

вым и районным опросам. По результатам голосований в Москве в 2015 году были приняты: закон, запрещающий в городе продажу алкоэнергетиков, постановление Правительства о повышении эко-класса автобусов, утверждены многочисленные проекты благоустройства парков, дворов и улиц, проекты дизайна новых станций метро, режимы работы городских учреждений и др. Отвечая на критику проекта, его организаторы разрабатывают формы контроля за реализацией решений, принятых по результатам голосования, и способы повышения прозрачности процесса голосования. В настоящее время функционал портала позволяет участникам голосования возможность следить за ходом голосования, каждый зарегистрированный пользователь может самостоятельно проверить как учтен его голос. Для тех, кто интересуется результатами общегородского голосования, но не являются зарегистрированными пользователями проекта, общий массив данных размещается на портале data.mos.ru. Использование данного опыта в организации эксперимента по дистанционному голосованию может повысить доверие избирателей к процедуре.

Опыт московских властей по организации электронной коммуникации с гражданами оказался интересен и для других регионов. Предпринимались попытки организовать работу сайта «Активный гражданин» в Орле и Кемерово. С 2017 года работает сайт «Активный гражданин Томской области», на котором зарегистрировано около 6000 граждан и проведено 12 голосований. Есть порталы «Активный гражданин», созданные с целью учета мнения жителей при принятии решений по общественно значимым вопросам жизнедеятельности и развития территорий в Калининградской области, в Воронеже.

Саратовский портал «Активный гражданин» создан для обращений граждан по интересующим их вопросам улучшения качества жизни в городе.

В Московской области функционирует портал «Добродел», который позволяет не только выяснять путем голосования мнение граждан по социально значимым вопросам, но

и напрямую общаться с органами исполнительной власти по конкретным проблемам, оставляя обращения в разделе «Жалобы». В течение двух дней зарегистрированное обращение рассматривается профильным ведомством, которое определяет ответственного исполнителя и точный срок ответа, который также размещается на портале.

Проект «Нам по пути» (<https://vmeste.pkgo.ru/#/main>) администрации Петропавловска-Камчатского отличается расширенным функционалом: здесь можно обратиться к власти, принять участие в опросах и предложить свою инициативу, которая, собрав 500 голосов, может получить реализацию.

Инициатором проведения опросов на московском портале «Активный гражданин» являются представители органов исполнительной власти города, однако у горожан остается возможность использовать ресурс сайта «Российской общественной инициативы». Граждане, имеющие учетную запись в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), могут разместить на данном портале свои предложения. Всего за время существования платформы было подано около 15 000 инициатив. Для того, чтобы эти предложения были рассмотрены в Москве, инициатива должна найти поддержку 100 000 граждан и пройти экспертную проверку. В 2015 году получила такую поддержку инициатива о формировании вокруг Москвы защитной зоны, ограничивающей вырубку леса, — «Зеленый щит». Не набравшие за один год 100 000 голосов инициативы снимаются с голосования и отправляются в архив, однако могут передаваться для рассмотрения в экспертный совет при правительстве. Некоторые инициативы, не набравшие необходимого количества голосов, например о сохранении номера мобильного телефона при переходе к другому оператору и перечислении заработной платы в банк, выбранный работником, все-таки получили положительное решение. По состоянию на 27 марта 2019 года на портале были зарегистрированы 14 754 инициативы. Портал сообщает о 33 принятых решениях⁶, что позволяет делать вывод о не высокой эффективности

данной формы взаимодействия с государством. К недостаткам проекта можно отнести отсутствие на сайте аналитических отчетов о проделанной работе и технических средств, дающих возможность обсуждать и дорабатывать предложенные инициативы.

В марте 2019 года на общественное обсуждение были вынесены положения Указа Президента Российской Федерации устанавливающие обязанность органов исполнительной власти ежеквартально отчитываться о реализации таких инициатив. Эти положения усиливают правовые гарантии реализации одобренных экспертной группой инициатив и создают возможность гражданского контроля за деятельностью властей.

Платформа «Российской общественной инициативы», получившая государственную поддержку, является не единственной электронной площадкой для создания обращений и голосований. За последнее десятилетие в российском сегменте интернета были реализованы несколько проектов, позиционировавших себя как площадки для электронного взаимодействия граждан между собой и с властью, оснащенных инструментами для организации голосования и ставящих перед собой разные цели: Просто россияне (Prosto-russiane.ru), Alterrussia (<http://www.alterrussia.ru/>), Единый портал электронной демократии Российской Федерации (<http://e-democratia.ru>), Йополис (<http://yopolis.ru/>), Демократия2 (<http://democratia2.ru/>)... Большинство этих ресурсов оказались недолговечными. Одним из немногих исключений стал портал Демократор (<https://democrator.ru>), в этом году отмечающий свое десятилетие и позволяющий обсуждать проблемы и формировать коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления. Эта площадка предоставляет возможность организации сбора средств на благотворительные цели и реализацию социально значимых проектов.

На сайте Демократор размещены сведения о том, что из 14835 созданных петиций 927 добились успеха.⁷ Сайт предоставляет возможность коллективного редактирования обращения и возможность оценить работу органов

власти по размещаемому ответу на петицию. Проект предлагает возможность обсуждения поднятых вопросов в социальных сетях, которые за последнее время стали уже привычной формой коммуникации граждан.

Коллективное обсуждение в сетевом пространстве, выработка консолидированных позиций способствует формированию онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий. В 2018 году в городе Орле оформилось общественное движение «Граждане Орла», использующее по словам его координатора В. Неврова, социальные сети Facebook и В Контакте как коллективный коммуникатор и ставящее перед собой решение практических задач и влияние на общество и власть, в том числе и средствами электронной демократии.⁸

В России предпринимались отдельные попытки создания киберпартий («Интернет партии Российской Федерации», «Российской сетевой партии», «Пиратской партии России»). Опыт их существования свидетельствует об отсутствии пока сколь-либо значимого влияния на российскую политику этих образований, однако, учитывая большое количество пользователей интернета (около 3/4 жителей России) и определенные успехи подобных образований в Европе, позволяет предположить возможность их успешного формирования и функционирования в будущем.

Использование информационно-коммуникационных технологий в социально-политических отношениях несомненно создает условия для расширения активного гражданского участия. Однако, анализ становления механизмов электронной демократии в России свидетельствует об отсутствии прямой зависимости между применением современных электронно-сетевых технологий и усовершенствованием демократических институтов. В первую очередь получают развитие такие механизмы коммуникации, в которых заинтересовано государство и в силу этого оказывает действенную поддержку в их разработке и внедрении. Речь идет о таких способах коммуникации как информирование, консульти-

рование, выяснение мнения граждан через опросы и голосования, в том числе и на выборах. Можно прогнозировать возможность применения информационно-коммуникационных технологий и на других стадиях избирательного процесса, например, организации электронного сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов в депутаты. Вместе с тем, приходится констатировать, что механизмы коллективного обсуждения принимаемых решений, инструменты воздействия на принятие решений и гражданского контроля за деятельностью органов власти пока еще не получили широкого распространения в повседневной практике.

¹ Проект «Концепция развития в РФ механизмов электронной демократии до 2020 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/18121.html/>

² Общественная концепция развития механизмов электронной демократии в РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.google.com/document/d/1njiDddnabJgv1s69p9w5k5IvPNzm7Z1011qrAJkCGvw/edit#>

³ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 21 сентября 2011 года № 35/313-6. «Об использовании при голосовании на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва технических средств подсчета голосов — комплексов обработки избирательных бюллетеней и комплексов для электронного голосования». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55085275/>

⁴ Крюков В., Лопатин А., Лысенко В., Малышев В. Информационный центр ЦИК России «Выборы-2012» // Журнал о выборах. 2012. № 2. С. 19.

⁵ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17 января 2018 г. N 129/1073-7 «Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации комплексов для электронного голосования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71755970/>

⁶ Российская общественная инициатива/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.roi.ru/>. Дата обращения 27.03.2019.

⁷ Демократор / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://democrator.ru/about/>. Дата обращения 27.03.2019.

⁸ Полуничева О. #ГражданеОрла: шаг за шагом # Всем Миром создадим «Орловскую Швейцарию» / InfoOrel.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infoorel.ru/news/grazhdaneorla-shag-za-shagom-vsemmir-rom-sozdadim-orlovskuyu-shveytsariyu.html/> Дата обращения 27.03.2019.

Philosophy of Travel and Tourism as a Form of Modern Cultural Communication

Философия путешествия и туризма как форм современной культурной коммуникации

Lyudmila Vasilevna MOLODKINA,
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the
Department of Social and Humanitarian Disciplines of the
State University of Land Use Planning and Management, Dean
of the Faculty of Retraining Specialists with Higher Education
of the GUZ, Moscow
E-mail: office@unity-dana.ru

Людмила Васильевна МОЛОДКИНА,
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Государственного университета
по землеустройству, декан факультета переподготовки
специалистов с высшим образованием ГУЗ, Москва
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: Л.В. МОЛОДКИНА. Философия путешествия и туризма как форм современной культурной коммуникации. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 67—72.

Annotation. The article on the philosophical and phenomenological language analyzes such topical forms of modern cultural communication as «travel», «tourism», «museum», which are initiated by the desire of people to learn something new, unknown things. The author emphasizes that the concept of «museum-excursion-pilgrimage» is influenced by the philosophy of tourism as an important means of communication. In addition, attention is focused on the presentation methods, the «museum presentation» of the architectural-natural landscape, which are primarily associated with its visual perception and constitution as an intentional subject.

Key words: cultural communication, architectural and natural landscape, tourism, museumification, recipient-viewer, intentional subject, phenomenological perception, memorial, environmental aesthetics

Аннотация. В статье на философско-феноменологическом языке анализируются такие актуальные формы современной культурной коммуникации, как «путешествие», «туризм», «музей», которые инициируются желанием людей познать новое, неведомое. Автор подчеркивает, что концепция «музей-экскурсия-паломничество» сформирована под влиянием философии туризма как актуального средства коммуникации. Кроме этого, внимание акцентируется на способах презентации, «музейной подачи» архитектурно-природного ландшафта, которые связаны прежде всего с его визуальным восприятием и конституированием в качестве интенционального предмета.

Ключевые слова: культурная коммуникация, архитектурно-природный ландшафт, туризм, музеефикация, реципиент-зритель, интенциональный предмет, феноменологическое восприятие, мемория, энвайронментальная эстетика

В современном культурном пространстве разноликость и спонтанность жизни представляется во всем множестве уникально неповторимых форм и вариаций духовного общения человека. Поиски единой и универсальной культурной составляющей в коммуникационном континууме позволяют признать, что симбиоз природы и архитектуры является наиболее «близким» и доступным для эстетического восприятия культурно-материальным атрибутом. В природно-архитектурной вещественности посредством осознанных и неосознанных восприятий и эстетических артикуляций участие человека в процессе универсальной жизни становится наиболее полноценным и развернутым.

Известный философ феноменологического направления А.-Т. Гимьянецка выделяет «эстетическое чувство поэзии окружающего мира», которое не замыкается в рамках психического опыта, а распространяется далеко за границы жизнеобеспечивающего функционирования, эстетически виртуально наделяя новизной смысла витальное, эмпирически значимое природное окружение [1]. Научно проинтерпретировать органическую связь архитектуры и природы позволяет такая актуальная философская теория окружающей среды, как энвайронментальная эстетика [2]. Выявляется эстетическая ценность ландшафта и архитектуры на фоне роста урбанизации. Ландшафт рассматривается как целостный феномен,

обладающий социальной и эстетической ценностью, подлежащий охране, а значит, в определенной мере, мемориализуемый. Важен факт, что эстетическая ценность ландшафта все чаще учитывается при экономическом планировании обустройства территорий и использовании природных ресурсов. В этом контексте энвайронментальная эстетика акцентирует внимание на проблеме эстетического восприятия ландшафта, придавая ему особую психологическую характеристику, которая помогает отличить его от традиционного восприятия искусства. Значимой оказывается вся палитра ощущений — зрение, слух, осязание, обоняние. В эстетической оценке ландшафта участвуют даже мышечные и внутренние физиологические ощущения; огромную эстетическую роль играет также чувство движения. Такие факторы как расстояние, масса, объем, время, цвет, запах и др., составляют основу феноменолого-эстетического восприятия окружающей среды.

Оперирование категорией «архитектурно-природный ландшафт» явилось попыткой сконцентрировать внимание на феноменологической эстетике ландшафта и восприятию его современным зрителем в широком коммуникативном пространстве. Тем не менее следует заметить, что в «конфликте интерпретаций» (Рикер) концепция «ландшафта» достаточно сложная и разносторонняя [3]. Архитектурно-природный ландшафт представляется как оптически очерченное, явно выраженное камерное природное пространство с вписанными в него рукотворными элементами — архитектурными строениями, зачастую становящиеся образными доминантами прежде всего в силу своего исторического характера. О ландшафте культуры как синтезе природы и архитектурных сооружений писал Теодор Адорно в своей знаменитой «Эстетической теории»: «Исторические здания часто вместе с их географическим окружением, с которым их роднили камни, тот материал, из которого они были сделаны, ощущаются как красота» [4]. Архитектурно-природные ландшафты непременно связаны с историей, она в них выражается и семантически «питает» их, на-

сыщает различными смысловыми «наслоениями». Непрерывность исторического развития словно запечатлевается в архитектурно-природной форме, «динамически интегрируя» ландшафты, «как это обычно и бывает в произведениях искусства» [5].

В эпоху романтизма в связи с культом руин архитектурно-природный ландшафт, в котором оставлены глубокие «следы прошлого», усваивается индивидуальным и коллективным сознанием как явление, широко открывается как эстетический пласт, хотя впоследствии приходит в упадок, превратившись в рекламный товар для проведения концертов и в место для отдыха, своего рода «убежище от мира». В архитектурно-природном ландшафте историческая событийность находит свое эстетическое оформление и одновременно хранит следы прошлых страданий. Некоторые культурные ландшафты с наличествующими в них руинами и частично сохранившимися зданиями доносят «исполненные душевных страданий жалобы далекого прошлого, давно утратившего голос... Без исторической памяти не было красоты» [6]. Процесс переживания такого ландшафта рождает феноменологическую целостность эстетического восприятия и созерцания. Природа и архитектура конституируются как интенции в сознании воспринимающего на стыке воображения прошлого и переживания настоящего, мыслятся как определенные «ситуации». Бросая «взгляд» на такую ландшафтную «ситуацию», интерпретатор продуцирует ее значение, преодолевает созданные в сознании структуры, производит новые, отвергает намеченные и ориентируется на возможные. Превращенный в коррелят сознания в различных его модусах архитектурно-природный ландшафт как «феномен реального» обрастает смыслом, «сетью значащих интенций» (Мерло-Понти). Возможность прочтения интенциональной жизни сознания в современной социокультурной ситуации, столь многозначной и противоречивой, открытой для диалога с миром, формирующей характер и механизмы «жизненной коммуникации» между сознанием, поведением человека и предметной действительностью

представляется наиболее реальной и типичной, если обратиться к анализу феноменолого-эстетического восприятия архитектурно-природного ландшафта туристом-путешественником.

Актуализация таких форм современной культурной коммуникации, как «путешествие», «туризм», «музей», инициируется желанием людей познать новое, доселе неведомое. Условно исключаем те случаи, когда архитектурно-природный культурный объект становится предметом поверхностно-развлекательной усвояемости, служит таким «расслабляющим довеском» к туристической «релаксации». Не будем брать в расчет и те издержки «организованного туризма», в которых «деформируется внутреннее содержание опыта природы», включенного в систему отношений обмена. В рамках «индустрии туризма» «непосредственный опыт природы», по словам Т. Адорно, ни к чему не обязывает, он нейтрален и аполлетичен — «природа стала заповедником, природоохранным парком и своего рода алиби» [7]. В человеке порой формируется «морально-нарциссическое удовлетворение» (типа «как тонко и глубоко мы чувствуем природу!»), или истинное чувство прекрасного с легкостью заменяется созерцанием свадебных процессов на лоне природы. Особенно это касается исторических архитектурно-природных территорий, таких как мемориальные усадьбы, исторические замки, виллы и т.д. Это — «сморщившийся» опыт природы, не истинный, не естественный; ведь «живая природа желает молчания, побуждая говорить того, кто способен воспринять ее опыт, — и такие слова на мгновения освобождают от монадологического плена» [8].

И тем не менее, как бы ни были скептически настроены по отношению к туристической коммуникации некоторые современные мыслители, освоение мировых культурных, художественно-исторических ценностей сегодня происходит главным образом благодаря глобальному туристическому диалогу, в который включены Разум, Чувства и Эмоции современного человека. Философская эстетика туризма нынче очень широка и многопланова и, с нашей точки зрения, может содержать

в себе целое разнообразие интересных проблем: «турист-музей-коммуникация», «туризм и историческая память», «ландшафт-архитектура-музей», «природа-история-память», «экотуризм как актуальный модус в культурном коммуникативном пространстве» и другие. «Синдром путешествия», «туристической терапии», пожалуй, можно объяснить тем, что человек осознал, что как субъект, вообразивший себя некой доминирующей и бесконечной величиной, он откололся, отмежевался от природы, поэтому нынче он пытается спроецировать себя на нее, ощущая свою близость к ней. Человек словно «бежит» из «второй», очеловеченной, социальной природы в природу «первую», естественную, его породившую.

Путешествие представляется как «путь», «шествие в прошлое» посредством настоящего. Это своего рода «погружение» разума, чувств в Иное, Другое, «не мое», но весьма заманчивое и привлекательное, даже если это является Чужим по религиозным причинам, этическим и прочим соображениям. «Туристическое пространство», «пространство путешественника» сегодня стали тем попроще, где наиболее интенсивно разворачивается современная коммуникация, дающая возможность непосредственного контакта с реалиями прошедших времен. Трансцендентальное Эго имманентно включает в себя трансцендентальное Альтер-Эго, в котором интенционально переживается Другой. Трансцендентальная субъективность туриста как индивидуума с необходимостью увеличивается до уровня интересубъективности и трансцендентальной социальности в общем коммуникационном контексте повседневности.

Зритель-турист воображает, предчувствует «встречу с прошлым», затем воспринимает, переживает, созерцает увиденное. В «работу» сознания включается множество его модусов. По глубокому убеждению Владислава Татаркевича, эстетическое переживание архитектурно-природного ландшафта начинается с сосредоточенности, обозрения. «Чтобы воспринять прекрасное в природе или искусстве следует на нем сосредоточить взгляд» [9], — считает известный польский эстетик. Словно

в унисон эстетическим суждениям знаменитого Романа Ингардена о «предварительной эмоции», характеризуемой волнением, о «бытийной основе» архитектурного произведения, о его «конкретизации», «посвящении в храм» [10], В. Татаркевичем называются другие инстанции эстетического переживания: ожидание, волнение, восхищение, «пассивное смирение», ассоциации, пристрастие, удовольствие, упоение, мечтание и иные [11], имеющие, несомненно, большое значение для конституирования феноменологической архитектурно-природной картины.

Физическое мироощущение ландшафта как «жизненного мира», начатое с естественной редукции, направленной на архитектурные и природные его составляющие, постепенно сменяется эйдетической редукцией, позволяющей наделять окружающие вещи философским смыслом, риторическим значением, вообразить их как «чистые феномены», которые «пребывают» (остаются) в сознании даже тогда, когда непосредственность контакта восприятия исчезнет и будет работать такой модус сознания, как память. Архитектурно-природный ландшафт в своей ноэме (предметном смысле) остается неизменным, но в своем ноэзисе (модусе интенционального сознания), способе данности визуальному восприятию туриста-зрителя постоянно варьируется, в результате чего «...в сознании рождается интенциональный предмет с новыми культурными смыслами» [12]. Этот феноменологический процесс углубляется интегрированием двух сюжетных линий в архитектурно-природном «тексте»: природное «развитие действий» (красота гор, деревьев, долин, моря, озер и т.д.) соединяется с «архитектурным сюжетом» (замки, деревушки, монастыри и множество других строений).

Большая роль принадлежит воображению в феноменологическом процессе мемориализации ландшафта. Архитектурно-природное пространство, воспринимаемое как мемориал, как памятник, свидетельствует о нетронутости природы; это память о местах «допотопных», древних. Для туриста все архитектурно-природное пространство музефицировано.

Ландшафтные «сюжеты» «читаются» методом экскурсии («морские», «в горы» и др.). Возникает эффект «вдруг где-то там...». Большую остроту таким ощущениям придают архитектурные вкрапления в природный естественный контекст (например, деревушка Рупит высоко в горах в Каталонии). «Туристическое» сознание конституируется из множества эмоций как «туристических мотивов». Мотив моря, океана эмоционально рождает в сознании интенцию бескрайней водной глади как вечности, неизменности. Это то, что константно, независимо, абсолютно прекрасно и абсолютно непредсказуемо. Возникает ощущение растворенности, погруженности в абсолютное «ничто»; морская стихия завораживает, устрашает, успокаивает, будоражит мемориальные чувства. Ибо эта пучина в ощущениях может быть вообразена как морская могила для затонувших кораблей, сокровищ, ушедших под воду населенных пунктов, а главное — для людей — моряков и целых цивилизаций.

Эмоциональные «туристические» мотивы горы, равнины, деревьев, цветов, заснеженной вершины, замка, монастыря и т.д. — все это дается, преподносится сознанию туриста, его мироощущению в процессе путешествия, в форме экскурсии как составной части путешествия или музейным методом. Очень важен при этом весь накопленный опыт путешественника (имеется в виду: раньше читал, слышал от друзей, видел в каталоге, слушал по радио, смотрел по ТУ, использовал Интернет и т.д.). Вся эта чувственно-иррациональная эмпирия регенерирует, будоражит воображение, интенсифицирует восприятие в момент «видения наяву». Наступает переживание предметов, будто транслируемых из прошлого и предлагаемых музейно-экскурсионными способами быть услышанными и увиденными воочию в современных контекстах. Эти предметы в результате смены редукции условно мемориализируются в сознании современного реципиента-туриста, становятся интенциональными, возникают «растянутые интенциональные нити» (Мерло-Понти).

Путешественник (турист, паломник) рецепторно и перцептивно погружается в увиденное, вспоминает ранее узнанное, чувственно испытанное, воображает и представляет свое естественное слияние с природой. Для него важны личное присутствие, «касание», сопричастность к архитектурно-природному пространству. Следует учитывать, что турист и путешественник это прежде всего зритель, реципиент, но не только, он же — «соучастник» событий на уровне воображения; он прошлое переносит в настоящее; «тогда» переходит в «сейчас». Он проживает «тогда» в «сейчас», «тогдашнее» переносится в «сегодняшнее»; в его сознании конституируется образ прошлых событий, в которых субъект «непосредственно» принимает участие. От этого возникает чувство несомненной гордости от этой «встречи» с реалиями, сложившимися в прошлом и могущими стать предметом его собственного восприятия.

Мотив встречи в пространстве путешествующего тесно связан с мотивом дороги. Путь, который совершает турист, очень существенен и важен для структурирования интенциональных предметов. Из окна автобуса, самолета, поезда уже начинается погружение в Иное, Чужое, но очень привлекательное благодаря своей еще пока непознанности, дистанционности. Однако непосредственное общение, в какой-то мере, начинается уже сейчас, оно предвкушает начало реального визуального контакта, эмоционального «касания», (например, дорога в Геную, Сорренто, Каталонию, Блэнхейм, к русским монастырям или усадьбам, к итальянской вилле или английскому замку...). Дорога, путь по ней предвкушают встречу наяву, свидетельствуют об узнавании или, наоборот, неузнавании и разочаровании.

Когда же возникает в сознании ощущение памяти, когда интенциональный предмет становится своего рода памятником? Есть ландшафты, буквально музеефицированные, такие, как итальянские виллы, английские исторические замки или русские мемориальные усадьбы. Эти культурные объекты уже, в большей степени, стали мемориями как музеи.

Вместе с тем, существуют ландшафты условно, то есть частично, фрагментарно музеефицированные. Например, мы говорим о Риме как о городе-музее, о музеях под открытым небом, об Италии как о стране-музее или о Греции как античной стране-музее, колыбели цивилизации. В этих случаях музеефицированы фрагменты природного и архитектурного пространства, а кажется, что весь окружающий ландшафт с вписанными в него рукотворными элементами представляется как единый музейный континуум. Рождается феномен целостности восприятия архитектурно-природного ландшафта, возникает единство интенционального объекта и способов его презентации. Если речь идет о музеефицированном в буквальном смысле слова архитектурно-природном ландшафте, то в этом случае возникает коммуникация по схеме «турист-музей», турист по программе посещает музей, едет на экскурсию. Во втором случае зритель-турист самостоятельно феноменологически «музеефицирует», а, значит, в определенной степени, мемориализирует в процессе воображения и эстетического переживания все визуально доступное природное окружающее пространство с включенными в него рукотворными вкраплениями. Особенно в динамике туристической коммуникации это проявляется в зрительном восприятии огромных ландшафтов с внесенными в них различными архитектурными постройками — храмами, замками, монастырями, средневековыми деревушками... Феноменологически такая картина воспринимается и дополнительно вообразается как единое естественное пространство-музей, в резервуарах которого вечно хранятся незыблемые, исторически все впитавшие в себя природные экспонаты, величественно умиротворяющие «очевидцы» прошлых эпох, цивилизаций, или нетронутые этими цивилизациями фрагменты дикой природы и, тем более, привлекающие к себе внимание. Таковы Каталония, итальянские пейзажи, Египет, Шотландия, или всемирно известные места паломников — гора Монсеррат в Испании, полуостров Акротири на Крите, Соловецкий монастырь, Троице-Сергиева

Лавра...). Концепция «музей-экскурсия-паломничество» сформирована под влиянием философии туризма как актуального средства коммуникации. Как было замечено, способы презентации, «музейной подачи» архитектурно-природного ландшафта связаны прежде всего с его визуальным восприятием и конституированием в качестве интенционального предмета.

Список литературы

1. См.: *Tymieniecka A.-T.* Theme: Metamorphosis as a Magical Device of Creative Imagination // *Metamorphosis. Analecta Husserliana*, V. LXXXI. 2004. Kluwer Academic Publishers. P. Xi-Xvi; Theme: Gardens and the Passion for the Infinite // *Gardens and the Passion for the Infinite. Analecta Husserliana*, V. LXXVIII, 2003. Kluwer Academic Publishers. P. 1—4.

2. См.: *Carlson Allen.* Aesthetics and the Environment. The Appreciation of Nature, Art and Architecture. Routledge. London and New York, 2002. Brady Emily. Aesthetics of the Natural Environment. Edinburgh University Press. 2003.

3. В философской литературе ландшафт анализируется как понятие географической и искусствоведческой традиции, структурируется в качестве рамки, конституирующей понимание космического порядка в противоположности хаосу. Сформированная «метафизика ландшафта» ориентирует философию на постижение многомерности топологических структур бытия и человеческого мышления. Имеется понятие «визуального» ландшафта, локализованного физически, исторически и биологически. Это своего рода образ надъиндивидуальной «вселенной» творческой мастерской философов, художников, писателей... Концепция «вербального» ландшафта преду-

сматривает рассмотрение географического пространства как «утратившего физику» и приобретшего значение эстетизированной «риторики». Камерный ландшафт как бы вводится в чуждый ему контекст, описывается, интерпретируется и переживается в словесных образных категориях. Таковы «морские пейзажи» Кьеркегора, подземные пространства стихий Ницше, «горное пространство» Хайдеггера, «зона субъективации» и метафорические сферы Делеза. Существуют и другие виды ландшафта, такие, как «телесный», связанный с психомоторными эффектами, стимулирующими рождение произведения, и направляющий мысль в нужное для творческих поисков русло, например, «восхождение к глубинам» как «линия танцевальная, дионисическая у Ницше, или «вздымание» как «линия складки» у Хайдеггера. См.: Грицанов А.А. Ландшафт // *Новейший философский словарь*. Минск, 2003. С. 542.

4. *Адорно Теодор В.* Эстетическая теория. М., 2001. С. 96.

5. Там же. С. 96.

6. Там же. С. 97.

7. Там же. С. 102.

8. Там же. С. 102—103.

9. Татаркевич В. История шести понятий. М., 2002. С. 332.

10. См.: Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962. С. 203—260.

11. См.: указ соч. Татаркевич В.С. 329—359.

12. *Молодкина Л.В.* К вопросу о феноменологии творчества в архитектуре // *Философия творчества. Когнитивные и социально-культурные измерения*. Ежегодник. Выпуск 2. М.: ИИнтелЛЛ, 2016. С. 288

The Socio-Political Role of Education in Ancient Greek Philosophical Tradition

Vitaliy Yurievich BELSKY,

doctor of Philosophy, Professor, head of the Department of sociology and political science Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Maria Valerievna KUSHNEROVA,

HSE National Research University, FHS, School of Philosophy

E-mail: m.s.kushnerova@gmail.com

Для цитирования: V.Y. BELSKY, M.V. KUSHNEROVA. The Socio-Political Role of Education in Ancient Greek Philosophical Tradition. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 73—76.

Annotation. The Athenian state in the 5th century B.C. was characterized not only by a shift from the traditional aristocratic regime to a democratic regime, but also by the beginning of a large-scale educational movement, and in the beginning of the 4th century B.C. Greek education reached its most definite and advanced level. The article discusses the main socio-political positions concerning education, expressed by the two most prominent thinkers: Plato and Aristotle. Plato considered education to be of great importance from both an individual and a state perspective. Whereas the recognition of the importance of education by Aristotle, as well as some of the significant theses he made in relation to education, can be considered a platonic heritage of Aristotle, whose personal contribution lies in the way he established and defined his educational project.

Key words: education, politics, society, state, philosophy, ethics, Plato, Aristotle

---

Education is a phenomenon that, if understood within certain social conditions, can be seen as both active and inhibitory agent in the process of human evolution. In general, between the 5th and 4th centuries BC, the Greek population could not claim to have a high level of education: few people were able to write and read, and the vast majority were mainly involved in oral culture. But at the end of the 4th century B.C., a new historical horizon emerged in Greece, establishing and transforming the institutions of education, leading to a significant increase in the levels of literacy and education.

Usually the history of ancient Greek education is presented as a linear evolutionary process: from the cultural milestones of the Homeric era, through feasts, rituals and athletic competitions, to the first intellectual centers (schools), transitioning from the cult of the body to the cult of the mind. But this process, whose evolution is in fact ambiguous, went hand in hand with the development of the Greek polis and its need to form citizens that would be capable of taking part in political life rationally.

In the V—VI centuries B.C. the theory and method of education in Greece did not have an autonomous or at least some definite character: education was not a goal in itself, but a way to achieve a certain order of things. In the Hellenistic (IV—I centuries B.C.) period, education lost the status of a private affair only and became an object under state regulation, unlike in the Republic of Rome, where the state continued to leave the issues of education without due attention.

Confirming the Aristotelian statement about man as a political animal (Aristotle, 1905. See 1278b19—22), the polis arises as a form of life within the structure of political society, and the Greek education finds its roots in the institution of the family, as an initiative of a purely private nature. Out of the necessity to unite and live together, the individuals develop language and moral codes, passing through the family and communal stages until the state is born.

Although schooling was not compulsory, it was widespread. In general (considering that at the initial stages it was a matter of the socio-

economic status of everyone) the Athenians began their education at the age of 7 at παιδαγωγός, listening to their parents» stories about the deeds of gods and heroes. The most modest ones finished their educational enterprises in 3—4 years, having mastered the most basic and basic ideas, while children from more affluent families continued their education for another 10 years. At this stage, the children were under the guidance of three types of teachers: grammar (they taught reading, writing, arithmetic and literature), παιδοτριβής, wrestling, fighting and gymnastics teachers; and κιθαρδός, who taught music, especially singing and playing the lyre. Afterwards, at about 18 years of age, the young men had to undergo a two-year military training before returning to higher education that would prepare them for public life. Education took from 7 to 19 or 20 years. Hippocrates and Aristotle similarly divide human life into 8 periods of 7 years each, referring to the education of first three: παιδίον (up to 7 years), παῖς (from 7 to 14 years), and μενάρκιον (from 14 to 21 years). In the first case, the educational period ends at 14, leaving a free period of time before entering εφηβεία, a period of civic and military education that generally lasts from 18 to 20 years. During this period (from 14 to 18 years), some may engage in other activities and make up for the lack of secondary education before entering the higher grades of rhetoric or philosophy.

Sophists were the first *professional* teachers who were engaged in education and preparation for public life, training of politicians and speakers. A citizen who wanted to be involved in the affairs of the political life needed to know how to behave on the agora, in the assembly, in the courtroom, and for all this it was necessary to be able to speak eloquently. The sophists sacrificed credibility for the sake of subjectivity and in their socio-political postulates concerning education, they stressed the value of human beings, of individual education; of education as a way of developing human abilities (in order to be able to govern later) and of creating a program of intellectual and scientific education that would correspond to the needs of society.

Plato (429—347 BC), a follower of Socrates who offered his own philosophical answer to the moral relativism of sophists, as well as Aristotle, were some of the main representatives of educational Greek thought, although they did not write any systematic treatises on education, although it is impossible to say the same about the theme of philosophy, ethics and politics. As soon as the questions of philosophical and ethical order began to appear — questions about the best, perfect life, about how to live the most complete life, etc. — a formal beginning of reflections on education was also set in motion.

In Platonic dialogue *Gorgias*, Socrates argues that happiness is justice and education. For Plato, education is not just a transfer of knowledge, but rather a whole series of habits, techniques, norms and ideas through which a society included individuals in its social life. In this sense, παιδεία was not a training, coaching or instruction, but an education for virtue. However, this was possible only through living in society: «he who, by virtue of his nature and not because of random circumstances, lives outside the state, is either a morally underdeveloped being or a superhuman» (Aristotle, 1905. See 1253a). Beginning with Socrates, almost all outstanding ancient Greek authors clearly expressed the idea that πολιτεία relies on παιδεία, and Plato gave a new turn to the subject of education, trying to distance himself from its ordinary form, in order to gain a better understanding of the phenomenon and how to guide the pupil's spirit and form it by means of proper relations, to lead him to an understanding of himself and others (51e): the mind (πιστήμη) is born in us as a result of the instruction (διδασχί; Plato, 1977).

Plato's theme of civic training and education is always related to the question of virtue: distinguishing the individual parts of the soul and the city between which virtues are distributed: wisdom (σοφία), courage (νδρεία), prudence (σωφροσύνη) and justice (δικαιοσύνη).

Plato offers a mandatory state-controlled educational system in the *Republic*, where it is divided into two parts: first, primary education for children up to 12 years of age, which ends

with the beginning of military service, and second, higher education for those who would later have to hold high-ranking positions. Music and gymnastics training Plato considered to be the basic elements of education: they educated the soul. Future rulers had to exercise in a large number of sciences, to progress in their knowledge of the good, beautiful, and just.

Unlike the usual Athens practice, where the education of children was left to the discretion of parents, Plato's proposal was of a very different kind. Starting with specific changes (for example, Plato proposed to include women in the educational process, acknowledging their natural abilities, which were not different from those of men) and ending with suggestions of a broader scale, the reform proposed by Plato was in its essence a review of Athens and Spartan practices and a combination of the type of training of Athens citizens with the Spartan model of education, regulated by the state.

However, despite the fact that Plato's *the Republic* is an ideal scheme, Plato never forgot about the practical side, as is also confirmed by his stay in Syracuse. Plato not only has a theoretical intention to establish a political regime, but also tries to bring it to the practical level. He gave a qualitative historical boost to the concept of education, understanding it as a political act and trying to arrange it in order to improve social behavior, explicitly asserting that the fastest and most effective way to establish *πολιτεα* is through public education of children (Plato, 1968. See 540c-541a). At the same time, however, upbringing in courage and moderation do not guarantee proper behavior, for the only guarantee is a complete education of body and soul, i.e. philosophy.

However, Plato's *Republic* is not only a book about the education in its most superficial sense. Of particular interest is not only the explicit project of the educational system suggested by Socrates, but also is the entire *Republic*, as an exercise in imagination and philosophy: one who saw the best city, is able to match it with one's soul and live in harmony with this idea, despite the fact that such a political regime does not exist

anywhere on earth. In other words, the Republic allows us to look at things «from a higher plane».

Aristotle (384—322 B.C.) in his 10th book of *Nicomachean Ethics* ponders the issues of education, pointing out that the perfect development of ethics reaches its maximum in politics. It is in the *Politics* where he deals in the most complete form with the topic of education, linking society and education, for the aim of society and the aim of man being the same, and therefore they should be identical to the aims of a better society and a better man. Aristotle's state is a product of animal and social nature of man, and politics turns out to be a way to achieve a more meaningful and significant life, and the individual accomplishes his or her moral mission in the state via education.

Two meanings — culture and education — for Aristotle belong to *παιδεια*, the driving force behind the synthetic activity of human perfection, which synthesizes the continuous dynamism of the voluntary interaction between collective ideals and individual practices.

For Aristotle, education should be of a public and egalitarian nature, meeting the requirement of comprehensiveness (physical education, moral, intellectual) and satisfying the state principles. It divides education into four stages: the first one is the formation of habits and there are no mandatory lessons, the second one (from 5 to 7 years) is the development of good habits, the third one (from 7 years to the puberty period), which is considered a period of public education, deepens these habits; finally, the fourth stage consisted of liberal education, which was supposed to take place in lyceums. The last stage was considered to be the most crucial one — it was the one that had a determining influence on the formation of character. At the same time, Aristotle assumed the education to be a continuous process of improvement and which should last as long as a person's life.

One of his most significant contributions is the way Aristotle founded and directed his educational project, asserting general principles (including the requirement of public and equal for all education, compliance with constitutional

principles, orientation towards peace, as already mentioned in Plato's *Laws*, and leisure) and answering four questions: (1) What is education for? (2) Why is education necessary? (3) What is the correct way to educate? (4) Who should be educated?

- (1) *What is education for?* According to Aristotle, education is necessary for life, but not for any form of life, but for the worthy one. In this sense, life has a character of activity.
- (2) *Why is education necessary?* Education will complement or correct what nature failed to touch.
- (3) *How to educate?* In VII book of the *Politics*, Aristotle points out three important factors influencing education: nature, habit and reason. Nature, temperament and inclinations of pupils constitute a fundamental factor to consider when we speak about the success of an educational project of a particular person, but this is only a precondition and does not depend too much on the educator. There are still habit and mind left: therefore, the education must begin with the formation of habits in order to strengthen them afterwards with the mind, as much as possible.
- (4) *Who should be educated?* Aristotle believes the education to be an inalienable part of the state's competence and of its political community. For him, education is nothing but the integral formation of

the human personality within the political community. The state performs an educational function through its laws. But also, given the importance of education, it is the state (the legislator) that should establish specific laws regulating the educational process from infancy.

In conclusion, the socio-political nature of education in Ancient Greece lies within the main issues of anthropological, philosophical and ethical order. Both Plato and Aristotle, despite their differences (Plato's elitism and collectivism, but Aristotle's individualism and popular government), were given the main role in the existence of society as well as human individuality: education was supposed to form a «*Greek man*», a free man. Thus, from the anthropological concept, political education is derived and is realized in ethical life, in life within the polis, and the richness of Greek educational socio-political postulates discovers its potential in its humanistic value, being relevant not only for philosophical life, but also for political life.

References

1. Aristotle. (1905). *Aristotle's Politics*. Oxford: Clarendon Press,
2. Plato, Lee, H.D.P. (1977). *Timaeus and Critias*. Harmondsworth, Eng: Penguin Books.
3. Plato, Bloom, A. (1968). *The Republic*. New York: Basic Books.

Creative Thinking as a Necessary Condition for the Development of Modern Civilization

Daria Nikolaevna BOROVIKSKAYA,

Ph.D. in philosophy, docent of the Department of social and humanitarian education of Surgut State Pedagogical University

E-mail: sweetharddk@mail.ru

Для цитирования: D.N. BOROVIKSKAYA. Creative Thinking as a Necessary Condition for the Development of Modern Civilization. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 77—80.

Annotation. the article displays the trends in the development of modern civilization, which are based on the pattern of convergence of societies in the context of globalization. The cooperation of states and social organizations in political, economic, cultural and other fields is analyzed. It is revealed that economy is a dynamic system, based mainly on the need and the need to improve the competitiveness of various enterprises in the market, where the main capital, from an economic point of view, are specialists with developed creative thinking.

Key words: civilization, globalization, creative thinking, information technologies, creativity, production

---

Modern world civilizational processes are increasingly determined by the acceleration of the centrifugal forces that make the social institutions that determine our lives change. One of the main trends of globalization is the reflection of cooperation between States and social organizations in the political, economic, cultural and other fields.¹

The mainsocial institutionthat defines the logic of development is economy, which is posed as a dynamic system. The processes of formation of conglomerates, alliances have been developed, a constant process of mergers and acquisition-sand creation of various partnerships take place. The increasing number of large enterprises in the private sector causes the necessity to increase marketcompetitiveness, whichmain capital, from an economic point of view, is formed from specialists with developed creative thinking.

Information technology is increasingly pervasive. «The active and comprehensive introduction of information technology has led to the transformation of the very structure of society.» On the one hand, it helps markets to work more efficiently by simplifying and expanding access to information, so that vast amounts of knowledge can be stored, transferred and made available to people. The innovation process is accelerated,

making it easier and cheaper to process huge amounts of information and reducing the time required to develop new products. On the other hand, «the virtualization of society inevitably involves the transformation of the person. An intensive formation of virtual personalities, who use network «nicknames» instead of generic names and organize global communities, often of a crypto-religious nature, occurs. In fact, this means «new mythologization» as an unexpected result of the technological revolution, which seemed to be the apotheosis of rationalism.»²

The active use of information technologies increases the demand for multifunctional and practice-oriented competences based on the ability to think creatively. Economy increasingly becomes dependent on knowledge.

The deployment of existing trends causes changes in the system of human activity, its objective characteristics and motivation. With regard to organizational forms, there is a radical shift from industrial-type corporations to so-called «adaptive corporations», which abandon the priority of maximizing profits, focus not only on traditional economic values, but stimulate the search for innovations and form a creative style of work. In turn, this serves as an impetus to hu-

man self-improvement, as the society itself exists and changes as a result of self-improvement of mass creativity of people who create new relationships, new productions, new meanings, making new decisions. Any achievement always causes dissatisfaction with one's insufficiency and provides thereby a stimulus to further development.

Changes in economy increasingly affect the structure of everyday life. The main features of post-economic society, according to V.L. Inozemtsev, are that the main interests of majority of people go beyond materialistic limits, «creativity replaces labor». At the same time, «leadership in society goes to a new upper class — intellectual workers with a monopoly on knowledge and skills.»

The motive of labor activity for modern person is the attitude to work as a mean of personal life ensuring, including mainly «satisfaction obtained directly from the activity itself, the opportunities for self-expression and self-improvement associated with it, as well as public recognition.» As a result, we achieve the opportunity of creative expression in the labor (the combination of creativity and labor).

The influence of technology in development of modern civilization is enormous. «Civilizational research become a mainstream of scientific life not only in modern Russia, but in the whole world.» This fact has been proved by many economists — from A. Smith to K. Marx and Y. Schumpeter. However, the effectiveness of technology is determined by the criterion of human creativity, and the most fundamental changes, that take place in social structures and in the way of thinking, contribute to the development of creative flow.

Changes in the social sphere are primarily due to a change in the principles of social stratification. And this is the reverse side of the ongoing global changes. Society starts dividing into two large groups, one of which can be called dominant, and the other — alienated, withal, all modern trends indicate that middle classes, which served the key to the stability of society throughout the last century, can «split' in the coming dec-

ades, and their representatives replanish mainly the lower strata of society, the isolation and the alienation from each other will only increase.

In this regard, equally important feature nowadays became the question of the formation of society network structures. The logic of formation and development of the network society is most fully reflected in the work of Swedish specialists A. Bard and Ya. Zoderkvista. «The existence of the Network — is a fact that cannot be ignored. The network changes almost everything in our lives. And the collapse of internet companies is significant as the meaning that today» capitalists simply do not understand the foundations of the new economy and social structure, the emergence of which we owe to the Network. As a result, it is obvious that the representatives of the current capitalists» class will not be able to stay on top of authority as soon as the influence of new factors becomes widespread. A new ruling class — Netokratiya-entered the arena. Due to the fact that the capitalist mode of production will no longer be dominant, it is necessary to expect the emergence and development of a new lower class. Instead of the existing proletariat is born a new «consumer» class — consumtariat... This class that is immersed in the fog of endless amounts of information, where knowledge cannot be seen. Obviously, knowledge is available only to netocrats: it is their currency, their fuel, their adrenaline. Netocracy — a new ruling elite, they control consumtariat»³.

According to the terminology of Swedish school of Economics, the emphasis is shifted to the formation of the initial structure of network information society. Upper class — netocracy consists of networkscurotors, of thinkers and eternalists (from «eternity», the term is intended to emphasize the infinity of the establishment process) and the nexialists (from lat. nexus — «a connection», «connection»). The lowest class, which existence is denied by the netocracy in the same utopian way as the bourgeoisie denies the existence of proletariat as the lower class, is represented by the consumtariat (consumer proletariat). The structure of this class also includes capi-

talists, employed in the traditional production — distribution.

The new predominant information technology, according to A. Bard and Ya. Zoderkvista, changes almost everything, including language. Partly due to the fact that new terminology is required, and, what is more interesting-and incomprehensible, is that old words acquire new meanings. As language changes, so does the way of thinking. The new technology gives new definitions to basic concepts such as knowledge and truth. The concepts of what is important and unimportant, possible and impossible, and, most important, what is reality, are reprogrammed. Reality takes on new expressions.

One of the society problems is not the lack of information, but its overabundance. And it is very important to make the right choice in favor of some strategies and it is increasingly difficult to part with those that have contributed to successful development in the past. Social and economic stability, formerly the norm, now is becoming a rarity and a sign of stagnation. It is not enough just to think or to think differently. Now you constantly have to rethink ideas and discard them.

Of course, it is likely the danger of a new confrontation between societies in general, as well as between people and society in particular. This is not only that the main criterion for classifying a person to a particular social layer will be his ability to assimilate and process information, create new knowledge, which actually means the predetermination of a person's occupation of a given social niche, which can hardly be changed during his life, but also that in new conditions an unprecedented imbalance between the goals of people and their real possibilities is formed. «The upper class of society, which is mainly oriented not towards the acquisition of additional material wealth but towards the acquisition of new knowledge, striving for inner satisfaction with its activities, will nevertheless dispose of the main part of the social wealth; but at the same time the representatives of lower social groups seeking to ensure an increasingly high quality of life through the appropriation of material goods will

be deprived of the real possibility of achieving the well-being to which they aspire.»

Significant changes in social stratification with all their ambiguity cause an increase of creative thinking people, and not only thinking, but also acting.

Post-industrial society opens wide, almost limitless opportunities for those who share post-materialist goals and puts forward the improvement of the self as the main objective. Meanwhile, it is available only to people who are highly educated and committed to the ideas of the progress of knowledge. Without the primary objective of material wealth, however, they will produce those unique benefits that will ensure the prosperity of society and, as a result, will be able to appropriate an increasing portion of the public domain. As science becomes a direct productive force, the role of this class will grow on.

In his report «Competition in the era of talent» American researcher R. Florida says that some elements of culture and leisure work better than others to attract talented people and develop high-tech industries. It is noteworthy here that the high culture, according to the author, was not particularly effective.

R. Florida pays special attention to the rise of the creative economy, which, in turn, connects the spheres of innovation (technical creativity), business (economic creativity) and culture (artistic and cultural creativity) into a single whole, creating ever closer relationships between them⁴.

Such goals have become dominant in most of the societies of the most developed countries in recent decades, and the impact of this phenomenon cannot be overemphasized. This transition is often called the transition from labor as an economically motivated activity to creativity, the purpose and motive of which is the self-realization of the individual. It provides a high degree of subjective freedom for those engaged in creative activities. Without being completely subordinated to material interests, people from this new social category are not affected to exploitation in the traditional sense of the word. At the same time, the dependence of society on such

people and the results of their activities becomes so serious that they get all the material advantages of modern civilization.

The expansion of creativity underlies the impressive technological and organizational progress that occurs in recent decades in developed information societies; both processes are developing in parallel and complement each other.

«The transition to creative activity, which takes place, in fact, on a personal level, now provides a more significant impact on all aspects of social life than those changes that usually are in the field of view of economists and sociologists. The formation of creativity as a determinant of economic progress is already the main intangible component of post-economic transformation.»⁵

The development of human activity forms and progress of material production presuppose and complement each other. In the conditions of purely economic laws domination with the absolute domination of material interests and goals, technological progress, such as it is observed nowadays, won't be possible. Also, the reverse is true: the emergence of creativity in the scale and forms that define it as a general social phenomenon was not destined to be realized until the majority of society reached a relatively high material well-being and there was a real opportunity to acquire and use the information and knowledge provided by the technological revolution. In turn, human self-realization can often be achieved thanks to the creative component, including those social changes that are caused by technological progress in recent decades.

In the context of globalization, modern economy is increasingly becoming dependent on the creative potential of the human, which is absolutely necessary for the development of the production process and for the adequate assimilation of its results.

---

¹ *Belsky V.Y.* Traditions and creativity in modern society: social and philosophical aspect. // Bulletin of the Russian philosophical society, Vol. 4(88). 2018.

² *Borovinskaya D.N.* Creative and information model of a person: philosophical analysis of social relationships. Monograph. Tyumen. Tyumen state University, 2010. 128 p.

³ *Bard A.* Нетократия. The New Power Elite and Life After Capitalism / A. Bard, Y. Zoderkvist. 2004. 252 c.

⁴ *Florida R.* The rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic. 2002. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. New York: Harpercollins. 2005.

⁵ *Borovinskaya D.N.* The modern theory of creativity: levels of scientific knowledge // *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, Vol. 4(32). 2015.

The Development of Public Initiatives in Improving Urban Environment: a Regional Aspect

Lyubov Grigorievna SKULMOVSKAYA,

doctor of sociology, professor, professor of the Department of social and cultural activities, cultural studies and sociology
Federal state-funded educational institution of the higher education «Tyumen state institute of culture»

E-mail: skolimovska@mail.ru

Для цитирования: L.G. SKULMOVSKAYA. The Development of Public Initiatives in Improving Urban Environment: a Regional Aspect. Социально-гуманитарное обозрение. 2/2019. С. 81—84.

Annotation. The city as a socio-territorial community has its own distinctive features. They are defined by the whole urban environment, the surrounding social world, containing material and spiritual conditions for forming, being, development and activity of people, involved in social processes. The article focuses on the analysis of the national project «Housing and urban environment». The author of the article considers the problem of forming of a comfortable urban environment on the example of Tyumen and the Tyumen region.

Key words: city, culture, cultural resources, urban environment, public space, region, national project

---

Recently in urban sociology an environmental approach has been widely drawn as one of the most renowned methodological approaches to the analysis of architectural space. Within environmental approach any object is closely related to the context (culture, activity, spatial development). Under this the notion of «environment» encompasses not only material components and their spatial connection but behavioral guideposts, means of activity and the human person as the central subject [1, p. 45]. The term «Urban Environment» was introduced into scientific parlance by V.L. Glazichev [2].

According to T. Dridze, urban environment includes not only landscapes, but the quality of its natural and man-made components, a level of development of information exchange, nature of the dominant symbols. Finally, urban environment comprises people and means of their engagement (cooperation, competition, compromise, accommodation, etc.), attitude of man toward close social environment. These elements are the most crucial factors for survival and reproduction of healthy people and a favorable environment [3, p. 132].

Urban environment means culture, which is looked upon as the spatial manifestation, prefer-

ences of the population of the territory. The complex of the preferences appeared in a social behavior. E.A. Orlova assumes «Urban Environment» as «the set of cultural objects — things, ideas, patterns; patterns of activity, interaction, relations, behavior, criteria for carrying out assessments used by people in the professional field and everyday life» [4, p. 23]. In view of the existing definitions, urban culture may be described as a multi-level and integrated system that includes cultural objects, actors of cultural processes and cultural events.

There are lots of classifications of structural elements of urban environment in the scientific literature. In our opinion, one of the most sought-after patterns in studies on the city and urban space is the model, represented by K. Lynch. He proposed to define several types of elements in the urban environment: roads (streets, railways, etc.); areas — sections of the city, hubs and cores (strategic urban areas, its strenuous locations with loads of people and any activities); landmarks (buildings, towers, domes); edges and boundaries — stitches to connect regions» boundaries reaching vast areas of natural landscapes [5, p. 213].

A city is an open socio-economic system with spatial and sociocultural features. An urban life-

style as a specific category is closely connected with particularities of an urban environment and it defines social characteristics of the interaction of subjective perception of the city and its objective characteristics, formed on the basis of area's specific resource capacity.

One of the ways to create a comfortable society for all, a healthy economic and social climate is building innovative capabilities of the country aimed at ensuring its leadership positions in the world. Innovative methods have been actively adopted and applied at all levels of government in the Russian public management system, targeting a particular social group. The implementation of the National Projects is one of the innovative forms of the state policy. All the projects carry high social value, so their realization in Russian regions requires a special attention and monitoring.

The National Projects in Russia aim at resolving vital social problems, set national goals for the years ahead to improve the standard and quality of life. In order to attain these objectives Russia has been developing a large-scale extended response in all areas, has been concentrating considerable financial resources. But the most important aspect of the story to come is sociocultural contexts of emerging economic breakthrough, they may become drivers of change and barriers on the road to it.

Exhaustion of traditional models of economic growth, based on extensive exploitation of resources makes the Government of the Russian Federation welcomes the initiative to search for new sources of growth. One of the major challenges for Russia is the need for conservation and management of the vast territory. At the same time rational use, conservation and effective management of the state space is one of the most important innovative resources for development. In this regard, The National Projects should help in addressing the many remaining issues that need to be resolved and become an important determinant of the future path of economic growth and technological development [6].

The Governmental order of the Russian Federation Of 10 February 2017 № 169 can dramatically alter further development of the Russian regions by building convenient, ergonomic,

advanced urban environment. It should be noted the principal objectives among the major one of the National Project «Housing and the Urban Environment». They are:

- to establish a fundamental improving comfort of the urban environment, increasing the index of the quality of the urban environment, reduction in the number of cities with an unfavorable environment;
- to establish a mechanism of a direct participation of citizens in shaping comfortable urban environment, increased percentage of citizens who take part in decision-making in the development of the urban environment;
- to establish mechanisms of the comfortable urban environment development, sustainable integrated development of cities and other human settlements in accordance with the urban environment quality index.

It is about adopting a new approach to distribution of federal subsidies among Russia regions to support development programmes of contemporary urban environments. Under the federal programme entitled «The Formation of Comfortable Urban Environment» priorities are directed within the cities, in particular, subsidies are provided to develop pedestrian areas, parks, public gardens, yards of apartment houses, etc. [7]. One of the distinct features of the programme is an increasing number of urban residents» participation in the selection process of projects. An open dialogue between urban planners and society is one of the most promising approaches to set priorities in regional programmes being undertaking to improve the urban environment. Working together, municipal authorities, expert advisers, business representatives, townspeople can make a real contribution to develop urban spatial environment.

The reconstruction of Gorky park, Theater square, Triumphal square, Revolution square are the most successful projects of the Council for Development responsible for promotion of a public space in Moscow. Also there are open air museums, Art Centers, Anti-café in the cities Samara, Kazan, Perm, etc. Design based on a spatially approach makes it possible to extend the

range of project activity by adopting a common approach to a comprehensive study of the problem and structural elements of the sociocultural system: institutions of culture, sport, education, health care, social organizations and associations, public authorities, local governments, mass media, etc.

Institutional and financial arrangements with the aim of promoting an integrated approach to the amenity of environment. The regional authorities have consistently improved urban environmental planning and management for improving the quality of life for the citizens, providing the facilities, security and aesthetics of public spaces. Some of the regional's most significant and successful, innovative scale projects in urban planning of public space are: improvement of the Tura promenade, «Gilyovskaya grove» forest park, Square of the 400th anniversary of Tyumen and the reconstruction of the Bridge of lovers.

Planning of a comfortable urban environment has been a priority for the Government of the Tyumen region. Urban territory upgrading programmes continue to function in some municipalities in the region and in Tyumen — the regional center. Particular attention is paid to the issue of human settlement development (urban amenities development and making the environment green). However, there are a number of issues that needed to be addressed: first of all, further arrangement of comfortable, modern squares; spaces, entertainment fields for intensive leisure activities. In doing so the question of adopting of new approaches in design when developing concepts of spaces and projects to improve places of public entertainment is becoming more and more relevant. It should be noted that there is a problem in the way of improving public amenities in populated areas in the Tyumen region — the lack of an architectural and artistic concept of the appearance of the streets, highways and territories of the municipalities.

It is recommended to use the model of cooperation between the local government of the Tyumen region and bodies of territorial self-government, other civil societies in the regions of the Russian Federation. Long-term experience allows the Tyumen region to establish an inte-

grated approach and to pave the way for environment improvement. Working out of public space projects including squares, parks is carried out with the maximum involvement of residents, taking into account their views and needs. Competitions for the best projects of complex arrangement, best design of individual elements of improvement, small architectural forms have been used to reveal the creative potential and they can be recommended to use as a model [8].

There are innovative approaches which are being implemented in practice of the Tyumen region: active participation of citizens in environment improvement, promotion of elements of «smart cities», proactive budgeting. All the innovations are being actively introduced in the region — «smart» urban technologies are widely used in many spheres of life in Tyumen — from safety to waste management. The involvement of the population is one of the key criteria for carrying out upgrading programmes. Tyumen citizens may take part not only in a selection of territories, discussion of design projects of improvement, acceptance of ready objects, but ask questions, leave a message, send suggestions or express gratitude (including on improvement) through the portal «Tyumen — our house».

The main purpose of the Charity Fund of Development of Tyumen is raising funds and their distribution to support socially significant initiatives of citizens. Under a competitive mechanism the funds through a system of grants may provide for local social, cultural, educational programmes. In modern terms the model «Community foundation» is the most promising for development of the grant funds, providing regular financial support to charitable projects in the Russian Federation. Establishing such an institution in the city indicates the level of development of civil foundations in the public sphere.

According to data of Financial University under the Government of the Russian Federation Tyumen is the leader in the ranking of the Russian cities by the final index of population life quality at the end of 2018. The assessment was based on a sociological survey carried out in 78 Russian cities with a population of more than 250 thousand people in 2018. The following

indicators were taken into account under the sociological research: the quality of health care, the state of the road economy, the level of culture and education development, the work of housing and communal services, the rate of new housing construction. Besides, the expert took into account the quality of city authorities work, population income level, convenience of the city for life, as well as migration mood [9].

«Zapsibkombank» and the Charity Fund of Development of Tyumen organized XI Competition of social projects «Our region — 2018» to support civil initiatives aimed at the development of the social sphere of the municipalities of the territories of presence of the Bank ZSKB on a competitive basis. The direction «A Good City» was announced among the projects. Its aim was to organize active socially useful activities and to promote growth of participation in local public affairs, to involve volunteers of all age groups in the activity of public associations, non-profit institutions.

The project «Event-park «Alebashevo», taking into account the ideas of residents of Tyumen, representatives of business and government, deserves special attention. The project's target is the transformation of the space to use the territory for active leisure all year around. So, it was suggested to form fundamentally new urban space, including some family recreation areas, a place for organizing mass events and an opportunity to use advanced equipment, sports facilities for holding sports competitions of various levels. In the designers' opinion, the creation of such urban spaces can be looked upon as the first steps towards forming the map of the event-spaces in Russia with their subsequent modification.

The projects for planning creative spaces have been worked out to provide the younger generation with a creative environment, a wide range of opportunities for learning and self-learning. D.N. Suxovskaya considers that the maintenance and development of creative activity is possible under the condition of designing the spirit of cooperation. So, creative modern and multi-structured urban spaces let gain the goal [10]. Creative space can have a variety of differ-

ent forms from public platforms and hobby clubs to spiritual centers and informal associations. The base forms of creative space are creative clusters, co-working centers, anti-cafes, photo studios, galleries, cultural centers, workshops, libraries, hostels, museums and educational campuses.

As a whole, all these areas are geared to the final product which contains a creative component. Considering the need to establish creative spaces in the urban environment, it's necessary to develop a new type of institutions that could meet the needs of the residents and to combine the dynamics of business with the potential of cultural figures in one industrial space.

List of references

1. *Gorelova, Yu. R.* Oblik i obraz goroda: teoriya i praktika kul'turologicheskogo analiza. V 2 ch. Ch. 1. / Yu.R. Gorelova, Omsk: Izd-vo ANO VPO «Omskij e'konomicheskij institut, 2011. 176 s.
2. Glazy'chev, V.L. Social'no-e'kologicheskaya interpretaciya gorodskoj sredy' / V.L. Glazy'chev. Moskva: Nauka, 1984. 180 s.
3. *Dridze, T.* Chelovek i gorodskaya sreda v prognoznom sociokul'turnom proektirovanii / T. Dridze // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 1994. № 1. S.131–138.
4. *Orlova, E'. A.* Sociologiya kul'tury' / E.A. Orlova. Moskva : Akademicheskij Proekt. 2012. 575 s.
5. *Linch, K.* Obraz goroda / K. Linch / per. s angl. V.L. Glazy'cheva; sost. A.V. Ikonnikov. Moskva: Strojizdat, 2010. 328 s.
6. V ozhidanii bol'shogo rossijskogo prory'va : sociokul'turny'e vozmozhnosti i bar'ery' // VCIOM-Creda. 2018. 10 oktyabrya.
7. *Kostin, V.* Federal'naya programma «Formirovanie komfortnoj gorodskoj sredy'»: vzglyad proektirovshhika / V. Kostin // <https://ardexpert.ru/article/957825> (data obrashheniya: 10.02.2019).
8. Komfortnaya sreda: strane nuzhna «tyumenskaya sistema» // Tyumenskie izvestiya. № 197 (7030). 2018. 15 noyabrya.
9. Xoroshho zhit' v Tyumeni // Ai F. 2018. № 48.
10. *Suxovskaya D.N.* Realizaciya tvorcheskogo potenciala naseleniya cherez kreativny'e prostranstva goroda: lofty', zony' kovorkinga, art-territorii / D.N. Suxovskaya // Molodoj uchenyj. 2013. № 10. S. 650–652. URL <https://moluch.ru/archive/57/7762/> (data obrashheniya: 28.02.2019).